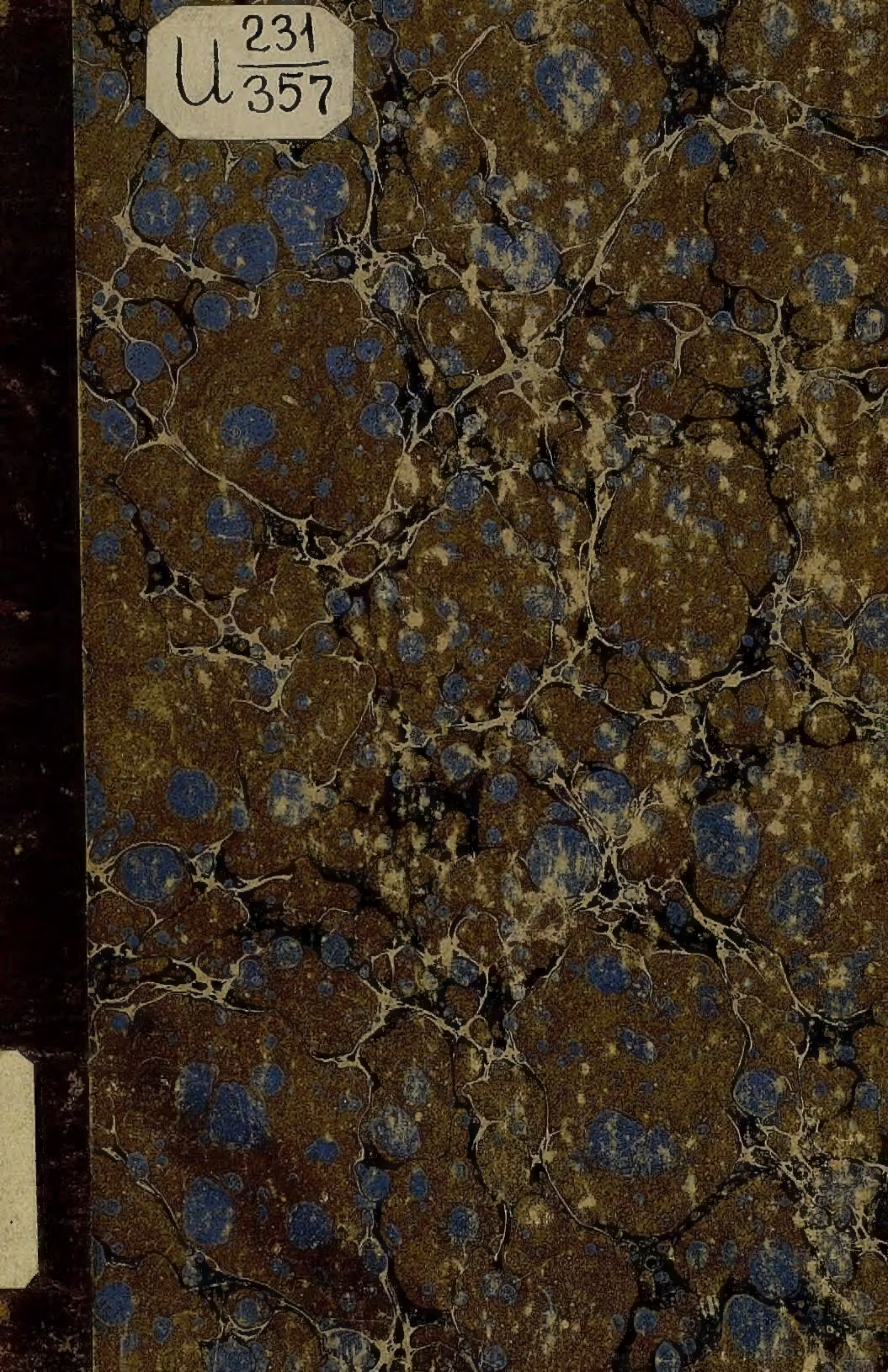

U 231/357

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. ГЕРШУНИНА и К°
Спб. Николаевская, 8.

ВЕЛИКІЯ РЕФОРМЫ 60-хъ гг.

въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Подъ редакціей І. В. Гессена и Пр. Доц. А. И. Каминка.

І. В. ГЕССЕНЪ.

Судебная Реформа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6.
1905.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. [redacted]

2007056856

Оглавленіе.

I.

Старый судъ.

Въ судахъ была Россія черна неправдой черной.

Эти слова поэта прежде всего приходятъ на память, когда заходитъ рѣчь о такъ называемомъ „старомъ судѣ“.—И какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда уже сдѣлана удачная характеристика явленія, когда есть „крылатое слово“,— мысль наша невольно спѣшитъ укрыться за готовую формулу, освобождая себя отъ труда самостоятельно анализировать, выстрадать тотъ или другой выводъ.

А между тѣмъ—стоитъ и очень стоитъ задуматься надъ дореформенными судебными порядками. Еще въ 1863 г.*), на зарѣ новой жизни, нашъ безсмертный сатирикъ со свойственной ему поразительной прозорливостью вкладываетъ въ уста „Семена Михайловича“ слова Кассандры: „...Спрашиваю я Васъ: возможно ли существованіе безъ системъ?... Слѣд., мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся—это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится, потеплится, да и воспрянетъ настоящимъ пламенемъ“. Потомъ, когда въ 1880-годахъ въ одинъ всеподданнѣйшій адресъ дворянства, корпораціи, которая „не далѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ была еще законною носительницей и представительницей, палладіумомъ самаго вопіющаго оффиціальнаго неправосудія, какое когда либо знавала страна“, включено было выраженіе о пресѣченіи неправосудія, И. С. Аксаковъ**) страстно

*) Современникъ 1863 г. № 1. „Послѣ обѣда въ гостяхъ“.

**) Сочиненія. Т. IV, с. 152, сл.

писалъ: „Поразительно коротка память у русскаго общества..... Будьте благонадежны; станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость,—все вернется: и взятки и мошенничество, и всякое кривосудіе!"—А теперь вотъ, когда мы уже вступили въ двадцатое столѣтіе, съ легкой руки „Гражданина" мысль о подчиненіи судовъ губернаторамъ, о возрожденіи Семеновъ Михайловичей стремится перейти въ область практическаго осуществленія.

Что же такое этотъ старый судъ, въ чемъ его сущность? Какъ справедливо указывалось въ одной изъ объяснительныхъ записокъ конца 50-хъ годовъ къ проекту устава угол. судопроизводства, „уголовное наше судопроизводство никогда не подвергалось общему полному пересмотру и не было предметомъ особой систематической законодательной работы. Нынѣшняя книга II-ая т. XV Свода Законовъ есть ничто иное, какъ собраніе разнородныхъ постановленій, частью оставшихся отъ древняго нашего законодательства, частью же изданныхъ впослѣдствіи, въ разныя времена, при общихъ или частныхъ преобразованіяхъ по судебной и административной частямъ, или же нерѣдко и для разрѣшенія какихъ либо частныхъ, или по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Отъ сего происходитъ, что сіи постановленія вообще не полны, не имѣютъ необходимой между собой связи и надлежащаго единства, а иногда и противорѣчатъ одни другимъ". Благодаря этимъ постепеннымъ наслоеніямъ и частичнымъ измѣненіямъ, которыя нерѣдко производились для удовлетворенія потребности минуты, а priori можно сообразить, что организація суда, взаимоотношеніе судебныхъ инстанцій или, какъ ихъ тогда называли современники, „одиннадцати мытарствъ" должна была быть чрезвычайно сложной и запутанной.—Первую степень суда составляли: уѣздные суды, магистраты, ратуши, надворные суды, межевыя конторы, коммерческіе суды. Кромѣ того существовали совѣстные суды, узаконенные третейскіе суды; для крестьянъ—сельскія и волостныя правленія; въ дѣлахъ гражданскихъ (напр. конкурсныхъ по дѣламъ лицъ не торговаго

званія) съ судами конкуррировали губернскія правленія и полиція, производившая по гражданскимъ дѣламъ безспорныя взысканія, а по уголовнымъ дѣламъ слѣдствія. Составъ этихъ судовъ былъ почти исключительно выборный: уѣздный судъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ судьи изъ двухъ засѣдателей отъ дворянъ и двухъ отъ поселянъ, магистраты и ратуши составлялись изъ 2-хъ бургомистровъ и 4-хъ ратмановъ. Вторую инстанцію составляли палаты уголовныя и гражданскія, соединявшіяся въ менѣе значительныхъ городахъ въ одну палату. И въ этой инстанціи, кромѣ товарища предсѣдателя, назначавшагося правительствомъ, всѣ остальные члены, т. е. предсѣдатель, два засѣдателя отъ дворянъ и два отъ купечества были выборными. (Раньше палаты угол. и гражд. суда составляли 3-ью инстанцію, а вторыхъ было также много, какъ и первыхъ. Но въ 1797 и 1801 г. вторыя инстанціи уничтожены). Наконецъ третью инстанцію представлялъ Правительствующій Сенатъ, состоявшій исключительно изъ назначенныхъ правительствомъ судей—сенаторовъ.

Уѣздному суду подсудны были всѣ сословія, кромѣ купцовъ и мѣщанъ, подвѣдомственныхъ магистрату и ратушѣ (магистраты учреждались въ большихъ городахъ, ратуши въ незначительныхъ). Надворный судъ былъ учрежденъ въ столицахъ и „вѣдомству его подлежали уголовныя дѣла лицъ, пребывающихъ въ столицахъ по службѣ придворной, или гражданской, или по дѣламъ своимъ, промысламъ и упражненіямъ; также дѣла иногороднихъ и разночинцевъ“. Изъ гражданскихъ дѣлъ въ надворныхъ судахъ разбирались споры, возникшіе противъ обязательствъ, представленныхъ ко взысканію, подлежащіе судебному разсмотрѣнію, также иски объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ на чиновниковъ, временно пребывающихъ въ столицахъ, и разночинцевъ, неимѣющихъ недвижимой собственности. Я воздерживаюсь отъ приведенія здѣсь многочисленнѣйшихъ исключеній изъ этихъ общихъ правилъ, потому что цѣной сильнаго утомленія вниманія читателя мы дали бы только возможность путемъ личной провѣрки

убѣдиться, до чего запутана была система судебной организаціи, но и безъ того, думаю я, такое впечатлѣніе не могло не овладѣть читателемъ. Прибавлю еще только, что совѣстному суду, помимо дѣлъ, „ввѣренныхъ по обоюдному добровольному согласію тяжущихся", подвѣдомственны были дѣла между родителями и дѣтьми по имуществу и обязательствамъ, а узаконенный третейскій судъ учреждался для тѣхъ случаевъ, когда въ товариществѣ возникалъ споръ по дѣламъ, къ оному принадлежащимъ.

Разнообразію судебныхъ инстанцій соотвѣтствовали безконечныя варіаціи формъ процесса. Такъ, въ гражданскомъ судопроизводствѣ отмѣчается—судопроизводство распорядительное. Оно бываетъ двухъ родовъ—„или совершенно выходящее изъ круга дѣлъ первыхъ и вторыхъ инстанцій суда(главнымъ образомъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ интересами казны), или служащее имъ преддверіемъ".Сюда же относятся дѣла разбираемыя полиціей (по безпорнымъ взысканіямъ, о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и т. п.), которая такимъ образомъ неразрывно сплеталась съ судебными учрежденіями, составляя одну изъ ступеней гражд. суда". Далѣе слѣдуетъ дѣленіе на судопроизводство примирительное и понудительное. „Послѣднее имѣетъ двѣ отрасли: дѣла исковыя и дѣла вотчинныя". Вотчинныя дѣлятся на апелляціонныя и слѣдственныя, которыя переносятся въ высшую инстанцію независимо отъ жалобы заинтересованныхъ лицъ. Въ исковомъ производствѣ различалось—производство скорокончательное и по взысканіямъ въ обидахъ, ущербахъ и самоуправномъ завладѣніи. Весь процессъ, не только уголовный, но отчасти и гражданскій, построенъ на такъ называемомъ началѣ инквизиціонномъ или слѣдственномъ, представляющемъ одинъ изъ моментовъ господства теоріи полицейскаго государства. Сущность этого начала удачно охарактеризована проф. Фойницкимъ*) въ слѣдующихъ словахъ: „идея государственности поглощаетъ всѣ другія: права лич-

---

*) Курсъ т. I, гл. II.

ности отрицаются въ обвиняемомъ, который становится предметомъ изслѣдованія, подлежащимъ экспериментамъ самымъ суровымъ во имя государственнаго интереса (пытка, подслѣдственное задержаніе, тайна процесса); отрицаются эти права въ обвинителѣ, котораго замѣняетъ безличная воля закона, напередъ стремящаяся опредѣлить движеніе процесса; отрицается и въ судьяхъ, которые связываются формальною теоріею доказательствъ—этою безличною логикою законодателя; понятіе сторонъ изгоняется изъ процесса; послѣдній перестаетъ быть живымъ судебнымъ споромъ ихъ и превращается въ безличное изслѣдованіе, движущееся волею одного закона: понятіе обвиненія замѣняютъ поводы возбужденія уголовнаго дѣла, обжалованіе уступаетъ мѣсто ревизіонному порядку, всѣ участвующія въ процессѣ лица обязываются по долгу службы стремиться къ раскрытію матеріальной истины, достиженіе которой объясняется государственнымъ интересомъ". Эти то принципы господствовали у насъ со времени Петра (этого своеобразнаго представителя полицейскаго государства) почти въ полной мѣрѣ: предварительное слѣдствіе находилось въ рукахъ полиціи, сосредоточиваясь въ такъ называемомъ земскомъ судѣ. Земскій судъ состоялъ изъ земскаго исправника и старшаго непремѣннаго засѣдателя (по выбору дворянства), двухъ сельскихъ засѣдателей, отъ поселянъ вѣдомства Госуд. Имуществъ, и изъ нѣсколькихъ правительственныхъ засѣдателей (становыхъ приставовъ).—Въ важнѣйшихъ случаяхъ слѣдствіе производилось временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда, въ обыкновенныхъ—становымъ приставомъ, а земскій судъ лишь провѣрялъ его. Въ городахъ земскій судъ замѣнялся управой благочинія и разнообразными присутствіями, состоявшими изъ полицеймейстеровъ, частныхъ приставовъ, слѣдственныхъ приставовъ, приставовъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и мн. др.*) Порядокъ производства слѣдствія

---

*) Изъ общаго правила о производствѣ полиціей слѣдствій допускались многочисленныя исключенія. Наиболѣе любопытнымъ было по-

былъ регламентированъ съ скрупулезной мелочностью, пытка была запрещена и на подсудимаго приказывалось влiять „болѣе кротостью и увѣщанiемъ, нежели строгостью, стараться открыть истину черезъ тщательный распросъ и внимательное наблюденiе и соображенiе связи словъ и дѣйствiй подсудимаго“. Въ важныхъ случаяхъ призывался для увѣщанiя священникъ. Словомъ, всячески старались добиться признанiя, ибо оно считалось „лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта“, кромѣ его не требуется дальнѣйшихъ доказательствъ и судья не можетъ опасаться учинить по дѣлу приговоръ. За правильностью производства слѣдствiй должны были наблюдать—во первыхъ, депутаты, т. е. выборные отъ того „вѣдомства“, къ которому по званiю своему принадлежитъ подсудимый, во вторыхъ—прокуроры и стряпчiе, и въ третьихъ—губернаторы и губернскiя правленiя. Оконченное и провѣренное земскимъ судомъ предварительное слѣдствiе представлялось въ уѣздный судъ, который, по общему правилу, не вступалъ ни въ какiя непосредственныя сношенiя съ подсудимымъ. Въ судѣ слѣдствiе поступало въ завѣдыванiе канцелярiи, на обязанности которой лежало сначала собранiе различныхъ справокъ по дѣлу, а затѣмъ составленiе записки,*) содержащей изложенiе дѣла, справку и „приличные къ дѣлу“ законы. Записка скрѣплялась секретаремъ слѣдующей подписью: „Сiя записка изъ дѣла учинена правильно и узаконенiя приличныя приведены всѣ и болѣе приличныхъ узаконенiй не имѣется, въ чемъ и подлежу отвѣтственности по законамъ за всякую несправедливость“. Далѣе, назначалось засѣданiе, въ которомъ секретарь читалъ свою записку и мѣста изъ подлиннаго дѣла, какiя считалъ полезнымъ и.... судьи рѣшали дѣло, причемъ

становленiе, въ силу котораго по дѣламъ объ убiйствѣ помѣщиковъ крестьянами ихъ слѣдствiя всегда должны быть производимы губернскимъ предводителемъ дворянства совокупно съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ.

*) Такiя записки и теперь составляются по старымъ департаментамъ Сената.

на разсужденіе полагалось не болѣе 3-хъ часовъ. Въ оцѣнкѣ представленныхъ доказательствъ судьи не могли отдаться внутреннему убѣжденію, и на этотъ предметъ существовала подробная регламентація.

Мы уже говорили, что самымъ совершеннымъ было собственное признаніе. Большинство другихъ доказательствъ признавалось несовершеннымъ. Къ числу ихъ относились, напр., свидѣтельскія показанія, превращавшіяся, однако, въ совершенное доказательство, если два достовѣрныхъ свидѣтеля показывали между собою совершенно согласно. Все рѣшительно было предустановлено, указывалось, когда оговоръ можетъ считаться вѣроятнымъ и когда невѣроятнымъ, къ числу уликъ—на ряду съ захватомъ преступника съ поличнымъ, относится и „гласъ народа“, винящій подсудимаго въ преступленіи и нахожденіи во враждѣ и ссорѣ съ потерпѣвшимъ и т. д. И хотя они не представляютъ доказательства совершеннаго, но сила ихъ увеличивается, когда многіе признаки соединяются вмѣстѣ, или когда подсудимый не представитъ на нихъ никакого уважительнаго опроверженія. Осужденіе обвиняемаго могло послѣдовать только при наличности совершенныхъ доказательствъ, а при несовершенныхъ обвиняемый оставлялся въ подозрѣніи или въ сильномъ подозрѣніи, что влекло за собою нѣкоторыя ограниченія правъ.

По статистическимъ свѣдѣніямъ Министерства Юстиціи при дѣйствіи своднаго законодательства судебными мѣстами постановлялось приговоровъ обвинительныхъ только 12,5%, остальные же 87,5% приходились главнымъ образомъ на приговоры объ оставленіи въ подозрѣніи*).

И все это, какъ уже замѣчено выше, совершается въ величайшей тайнѣ, не только отъ постороннихъ, но и отъ самого подсудимаго, которому не предоставлено никакого участія въ ходѣ дѣла. Отъ него, если онъ содержится подъ стражей, отбирается лишь подписка, что ему не производили

---

*) Фойницкій, I, 41.

пристрастныхъ допросовъ, и лишь, если судъ признаетъ нужнымъ, онъ можетъ его передопросить. Даже записки не всегда показываются подсудимымъ. Затѣмъ изъ первой инстанціи дѣло переходитъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, во вторую, независимо отъ жалобы, тамъ снова продѣлывается таже процедура съ составленіемъ записки, докладомъ и т. д., а изъ палаты уголовнаго суда всѣ приговоры, по просмотрѣ ихъ губернскимъ прокуроромъ, представляются начальнику губерніи, который вправѣ потребовать дополнительнаго изслѣдованія и поручить таковое своему чиновнику или комиссіи и т. д.; кромѣ того, онъ вправѣ еще предложить палатѣ измѣнить приговоръ.—Изъ палатъ огромное большинство дѣлъ переходило, опять таки независимо отъ жалобы сторонъ, въ Сенатъ, отсюда при разногласіи сенаторовъ въ общее собраніе, а если здѣсь не достигалось опредѣленнаго большинства—въ Госуд. Совѣтъ—сначала въ Соединенные Департаменты, а затѣмъ даже и въ Общее Собраніе. Прибавимъ еще, что по гражданскимъ дѣламъ за неправильное возбужденіе исковъ и тяжбъ и за принесеніе неправой апелляціи съ обвиненныхъ взыскивались штрафныя деньги, въ размѣрѣ обыкновенно 5% съ цѣны иска, причемъ одна половина отдается судьямъ и секретарямъ, на которыхъ несправедливая жалоба была принесена, сообразно количеству получаемаго жалованья. Съ другой же стороны, напр., за неправыя рѣшенія, съ членовъ и секретарей межевыхъ конторъ, подписавшихъ таковыя рѣшенія, взыскиваются штрафы по 3 к. за десятину и 3 р. серебромъ за пустошь неизвѣстной мѣры.

Такова была канва, на которой жизнь вышивала уродливо пестрые узоры. Для выборныхъ судей не было въ законѣ установлено образовательнаго ценза, а содержаніе судьи получали нищенское. Изъ „Историческаго Очерка Министерства Юстиціи за 100 лѣтъ“ *) мы узнаемъ, что на всѣ судебныя установленія Имперіи, а также на содержаніе прокурорскаго

*) с. 74.

надзора и губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ отпускалось менѣе 2 милліоновъ въ годъ. При такомъ болѣе чѣмъ скромномъ бюджетѣ содержаніе судебной палаты въ губерніяхъ обходилось отъ 3000 до 4700 р. въ годъ ежегодно, тогда какъ въ тѣхъ же губерніяхъ на губернскія правленія отпускалось до 20 тысячъ въ годъ, а на казенныя палаты до 30 тысячъ... Предсѣдатели судебной палаты*) получали всего 1143 р. 65 к. въ годъ, тогда какъ содержаніе предсѣдателя казенной палаты равнялось 4406 р.... Въ нѣкоторыхъ судебныхъ палатахъ при распредѣленіи общихъ канцелярскихъ суммъ на долю каждаго канцелярскаго чиновника приходилось нерѣдко менѣе одного рубля въ мѣсяцъ.

Въ мемуарахъ современниковъ мы читаемъ: „Всѣ въ Россіи знаютъ напримѣръ, что ни одна гражданская палата не могла бы продолжать существованія при помощи своихъ средствъ, еслибы не поддерживалась выкупомъ за право ничего не дѣлать отъ купеческихъ засѣдателей, незаконными поборами съ просителей въ крѣпостной экспедиціи. Не на чемъ было бы писать, потому что въ иныхъ палатахъ канцелярской суммы не достало бы и на десятую часть всей бумаги, которая употребляется въ дѣло. Гдѣ крѣпостная часть даетъ большіе доходы чиновникамъ, тамъ матеріальныя средства въ исправности, потому что чиновники устраиваютъ ихъ изъ своихъ доходовъ; гдѣ по мѣстнымъ обстоятельствамъ доходы крѣпостной экспедиціи не такъ значительны, тамъ и палата не имѣетъ возможности поддержать себя“.

Большинство судей, какъ удостовѣрилъ Н. И. Стояновскій, не только въ магистратахъ и ратушахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ неграмотны или малограмотны**). Не мудрено поэтому что встрѣчались, напр., заголовки дѣлъ, вродѣ слѣдующихъ: „о найденныхъ въ лѣсу костяхъ, неизвѣстно кому принадле-

*) Здѣсь, повидимому, описка и рѣчь идетъ о пал. угол. и гражд. суда.

**) См. у А. Ѳ. Кони. Н. И. Стояновскій. „Право“. 1901 г. № 2. Тоже подтверждается въ цитированномъ уже „Историч. очеркѣ“. Впрочемъ, можетъ быть, это извѣстіе заимствовано изъ того же источника.

жащихъ, повидимому солдатскихъ (по причинѣ найденной между ними солдатской пуговицы)", „о подложномъ присвоеніи крестьянскому мальчику Василію женскаго пола", „объ угрозахъ дворянина NN учинить надъ собою рѣзьбу", „объ учиненіи мѣщанскому старостѣ кулаками буйства на лицѣ". Въ чрезвычайно интересныхъ и содержательныхъ воспоминаніяхъ Н. М. Калмыкова*), которыми мы обильно пользуемся для характеристики дореформеннаго суда, разсказывается, между прочимъ, такой случай: „Графъ В. Н. Панинъ, бывши министромъ юстиціи, зайдя въ судъ въ Петербургѣ, встрѣтилъ тамъ одного человѣка въ исподнемъ платьѣ, съ метлой или щеткой въ рукахъ. На вопросъ министра—гдѣ судья, онъ отвѣчалъ, что судьи нѣтъ, а на вопросъ: гдѣ засѣдатель, отвѣчалъ: я засѣдатель.—Графъ, взглянувъ на него, произнесъ „вы.... ты...." и ушелъ, не сказавъ ни слова".

А вотъ что разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. А. Потѣхинъ**) объ узаконенномъ третейскомъ судѣ: два брата —подрядчики строили общественно государственное зданіе на средства одного брата и при помощи трудовъ другого. Между ними возникли недоразумѣнія. Дѣло началось въ коммерческомъ судѣ. Этотъ судъ, усмотрѣвъ, что хотя и братьями ведется дѣло, но въ немъ есть товарищескіе счеты, призналъ, что дѣло подлежитъ разсмотрѣнію третейскаго суда и повѣлѣлъ образовать этотъ судъ. Одинъ изъ братьевъ, купецъ, былъ полуграмотный. Хотя онъ и признавался, что цифирь зналъ плохо, однако это не помѣшало ему быть впослѣдствіи подрядчикомъ при постройкѣ храма Спасителя въ Москвѣ и шпица на колокольнѣ при Петропавловскомъ соборѣ. Другой же братъ ни грамоты, ни цифири не зналъ. И вотъ каждый изъ нихъ долженъ былъ избрать третейскаго судью. Избранными оказались: удаленный со службы чиновникъ надворнаго уголовнаго суда и сидѣлецъ полпивной. Третейскій судъ по-

*) Р. Старина. 1886 г. № 11.
**) Право. 1900 г. № 48.

мѣщался въ домѣ князя Вяземскаго. Сидѣлецъ полпивной скоро ушелъ изъ состава суда, потому что полпивную, находившуюся въ томъ же домѣ, закрыли. Его замѣнилъ ночной писецъ въ полицейскомъ кварталѣ. Судьи скоро стакнулись. Старшій братъ не могъ поладить съ сидѣльцемъ полпивной и еще менѣе съ ночнымъ писцомъ въ полицейскомъ кварталѣ; напротивъ, младшій братъ умѣлъ расположить въ свою пользу обоихъ судей. Судьи рѣшили тянуть дѣло до безконечности, по очень простому соображенію. Деньги по подрядамъ были заарестованы, лежали въ депозитахъ суда и ни тотъ, ни другой братъ не могли дотронуться до нихъ. Старшій братъ имѣлъ больше права на деньги, а меньшій не уступалъ ихъ безъ бакшиша, и поэтому судьямъ казалось, что чѣмъ дальше тянуть дѣло и не выдавать денегъ, тѣмъ старшій братъ будетъ уступчивѣе. Нельзя пересказать, какіе журналы составлялись судомъ, чтобы оттянуть дѣло. Напримѣръ: въ одномъ журналѣ судъ постановляетъ потребовать отъ представителя истца разъясненія о томъ, что значитъ такая-то цифра на такой-то страницѣ записной книжки, на что дается мѣсячный срокъ. Объясненіе представлялось. Разсмотрѣвъ его, третейскій судъ постановляетъ записать о семъ въ журналъ. На слѣдующій же день судъ дѣлалъ новое постановленіе: запросить отвѣтчика, правильны-ли объясненія истца, что такая-то цифра на такой-то страницѣ записной книжки то-то означаетъ. Терялось терпѣніе и съ жалобою на третейскій судъ обращались въ коммерческій судъ. Послѣдній строго предписывалъ третейскому суду поскорѣе окончить дѣло. Третейскій судъ отправлялъ въ коммерческій судъ рапортъ, на 10—12 страницахъ, въ которомъ объяснялъ, какъ онъ удрученъ возложеннымъ на него дѣломъ, и жаловался на то, какъ медленно тяжущіеся представляютъ свои объясненія на запросы суда. Оригинальна была обстановка этого суда: „онъ помѣщался въ четвертомъ этажѣ на второмъ дворѣ по черной лѣстницѣ, и тѣмъ не менѣе въ его помѣщеніи находился столъ, покрытый краснымъ сукномъ, и на

углу стола зерцало“. Къ сожалѣнію, авторъ не сообщаетъ, кончился-ли и чѣмъ именно этотъ возмутительный изморъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ свидѣтельствуетъ И. С. Аксаковъ по личному опыту, что „дворянская корпорація не имѣла въ обычаѣ руководиться сознаніемъ, что званіе судьи требуетъ и опытности и особыхъ нравственныхъ качествъ, что на дворянахъ лежитъ обязанность всевозможно оберегать публичное правосудіе.“ Проф. Баршевъ, также бывшій свидѣтелемъ этихъ порядковъ, не безъ основанія думаетъ, что „наше общество равнодушно къ выборамъ отчасти и отъ того, что оно выбираетъ не своихъ уполномоченныхъ, а чиновниковъ. По избраніи наши выборные уже не состоятъ ни въ какомъ отношеніи къ избравшимъ ихъ... Да и избраніе ихъ совершается при непосредственномъ участіи начальства, отъ котораго зависитъ и утвержденіе избранника“.

Дѣйствительно, зависимость и подчиненность администраціи доходитъ прямо до невѣроятныхъ размѣровъ. Администрація, по словамъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского, ѣздила на юстиціи. Въ цитированныхъ уже нами воспоминаніяхъ Н. М. Калмыкова разсказывается, что въ 50-хъ годахъ, по инціативѣ министерства внутр. дѣлъ,—въ С.-Петербургѣ учреждена была, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Безака, особая комиссія. Эта комиссія, учрежденная собственно для ускоренія долговыхъ дѣлъ въ управѣ благочинія, принимала сама непосредственно къ своему производству дѣла. Она не стѣснялась ничѣмъ и усвоила себѣ сыскной порядокъ, подвергала кредиторовъ аресту до тѣхъ поръ, пока они или не помирятся съ должникомъ, или не умѣрятъ своихъ претензій, или вовсе не прекратятъ своихъ взысканій.

Комиссія эта навела страхъ на всѣхъ, кто имѣлъ долговое дѣло; начали приносить жалобы, но нигдѣ ихъ не принимали. Въ сенатѣ въ отношеніи ихъ состоялось такая резолюція,—что Сенату ничего неизвѣстно объ учрежденіи означенной комиссіи. Но одна изъ жалобъ дошла до свѣдѣнія Госу-

даря, и по ней потребовано заключеніе министерства юстиціи. Предварительно исполненія воли государя, министерство юстиціи спросило министерство внутреннихъ дѣлъ о томъ, на какихъ основаніяхъ, для какой цѣли собственно учреждена та комиссія и кому она подчинена, въ порядкѣ подсудности.

Въ это время во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ С. С. Ланской, который за лучшее счелъ отвѣтить министерству юстиціи, что ту комиссію онъ велѣлъ закрыть и дѣла ея передать по принадлежности...

Было и такое событіе, что кто-то жаловался князю А. А. Суворову, бывшему ген.-губернаторомъ въ Петербургѣ, на тамошній коммерческій судъ, представлявшій собою вторую инстанцію суда. Свѣтлѣйшій князь велѣлъ арестовать всѣхъ членовъ суда. Эти послѣдніе были въ недоумѣніи, бросились въ министерство за защитой. Благодаря близости министерства юстиціи къ суду—распоряженіе ген.-губернатора было отмѣнено, а онъ въ добротѣ своей души оправдывался тѣмъ, что бумагу объ арестованіи членовъ суда онъ подписалъ не читая.

Вообще въ Петербургѣ едва ли какое-либо судебное дѣло, сколько-нибудь выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и касающееся какой-либо выдающейся личности, не сопровождалось быстрыми и особыми какими-либо энергичными распоряженіями административныхъ мѣстъ и лицъ. Въ замѣчаніяхъ на основныя положенія судебной реформы, о которыхъ мы ниже будемъ говорить, Шенкурскій уѣздный стряпчій сообщаетъ, что еще не такъ давно, въ 30-хъ годахъ, Архангельскій губернаторъ наставлялъ предсѣдателя судебной палаты, какъ рѣшить дѣло, и принялся было за палку, но предсѣдатель заблаговременно спасся бѣгствомъ.

Описанное Калмыковымъ отношеніе къ суду касалось не только судебныхъ дѣятелей низшихъ инстанцій, оно распространялось даже и на Сенатъ. Въ мемуарахъ, посвященныхъ министру юстиціи гр. В. Н. Панину, одинъ изъ современниковъ сообщаетъ, что „по одному дѣлу, по которому было

истребовано мнѣніе отъ гр. Клейнмихеля, Сенатъ согласился въ существѣ съ этимъ мнѣніемъ, но замѣтивъ, что оно не представлялось въ теченіе 10 лѣтъ, опредѣлилъ: поручить графу Клейнмихелю собрать свѣдѣнія о причинѣ такой медленности и представить ихъ въ Сенатъ. И эти уклончивыя выраженія показались Клейнмихелю оскорбленіемъ; онъ взбѣсился и на слѣдующій же день въ комитетѣ министровъ излилъ свою ярость на Илличевскаго, управлявшаго въ то время министерствомъ юстиціи. „Посмотрите,—сказалъ онъ, держа указъ и тряся имъ передъ испуганнымъ Илличевскимъ; посмотрите: вашъ сенатъ осмѣливается присылать мнѣ такіе указы. Вотъ я покажу, я поѣду къ Государю", и пр. Что же сдѣлало министерство? Указъ оставили безъ дѣйствія; для утоленія Клейнмихелева гнѣва оберъ-прокурору, пропустившему правильное опредѣленіе, сдѣланъ былъ выговоръ; а секретарь, у котораго производилось дѣло, долженъ былъ перейти въ другое министерство".

Если таково было положеніе вещей во внѣ, то дома, такъ сказать, у себя судьи вообще не играли никакой роли. Какъ уже замѣчено выше, составленіе записки, а слѣдовательно, и все направленіе дѣла лежало на канцеляріи. Какое вообще значеніе могла имѣть подобная записка, можно судить по тому, что, по свидѣтельству современника, ему приходилось видѣть „въ экстрактахъ изъ дѣлъ, составляемыхъ въ Сенатѣ, по 500 статей закона, приводимыхъ оберъ-секретаремъ, какъ относящихся къ дѣлу. Бывали дѣла, которыя присылались въ Сенатъ на разсмотрѣніе на нѣсколькихъ подводахъ. Экстракты изъ нихъ составлялись на 200 печатныхъ листахъ. Докладовъ дѣла, которыхъ требуетъ, какъ мы видѣли выше, законъ, въ дѣйствительности не происходило никогда, судьи подписывали рѣшенія, заготовленныя канцеляріей. Н. И. Стояновскій въ рѣчи своей, о которой мы уже упоминали, сообщаетъ, что ему пришлось видѣть протоколъ предварительнаго слѣдствія о женоубійствѣ, подписанный чернилами разныхъ цвѣтовъ, семью должностными лицами, составлявшими временное

отдѣленіе земскаго суда, въ томъ числѣ исправникомъ, становымъ приставомъ, уѣзднымъ стряпчимъ, депутатомъ со стороны государств. имуществъ и священникомъ, увѣщевавшимъ подсудимаго. Оказалось, что протоколъ написанъ письмоводителемъ становаго пристава и ложенъ отъ начала до конца.

Аналогичный фактъ разсказанъ А. М. Унковскимъ въ статьяхъ его въ „Современникѣ", посвященныхъ обсужденію основныхъ началъ судебной реформы. „Въ одной губерніи даже случилось слѣдующее происшествіе. Одинъ чиновникъ особыхъ порученій, имѣя на рукахъ 130 дѣлъ о незначительныхъ порубкахъ въ казенныхъ лѣсахъ, изъ которыхъ многія были оцѣнены отъ 6 до 10 рублей сер. и производились по 10 и 16 лѣтъ по той причинѣ, что всѣ лица, необходимыя для слѣдствія (какъ-то: лѣсничіе и разные депутаты), не могли никакъ выбрать удобнаго для всѣхъ времени, чтобы съѣхаться, возымѣлъ счастливую мысль покончить всѣ эти дѣла разомъ безъ всякихъ разъѣздовъ и хлопотъ. Онъ вытребовалъ изъ казначействъ ревизскія сказки разныхъ деревень и сочинилъ по нимъ допросы всѣхъ лицъ, необходимыхъ при изслѣдованіи, и къ этимъ бумагамъ всѣ депутаты приложили свои руки или печати. Если бы всѣ эти дѣла не были покончены всемилостивѣйшими манифестами, то очень вѣроятно, что не только живыя лица обвинялись бы въ лживыхъ показаніяхъ, которыхъ они не давали, но даже и покойники, которые имѣли счастіе умереть прежде всего этого знаменитаго слѣдствія".

Вообще, весь судъ, все правосудіе сосредоточивалось въ канцеляріяхъ, и всѣ многочисленные узлы его сплетались въ лицѣ всесильнаго секретаря. Вотъ какъ описываетъ, напр., картину С.-Петербургскаго Суда современникъ В. Д. Спасовичъ въ одной изъ своихъ застольныхъ рѣчей (въ 1874 г.): „хватаю назадъ за цѣлые двадцать пять лѣтъ и сразу попадаю въ 1851 годъ, въ мрачную съ темнокрасными обоями избу присутствія С.-Петербургской уголовной палаты и въ

обширную канцелярію этой палаты на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади. Въ канцеляріи скребутъ десятка чытыре перьевъ, изъ присутственной комнаты слышенъ звонъ колокольчика; происходитъ бѣготня и движеніе. Секретарь и столоначальникъ бѣгаютъ изъ канцеляріи въ присутствіе и обратно. Кто бы задался вопросомъ, гдѣ же совершается на этой фабрикѣ дѣло правосудія?—, тотъ затруднился бы въ дачѣ отвѣта. Рѣшителями судебъ являлись конечно не тѣ боги, которые обсѣдали присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотою позументною бахромою. Два бородатые сословные засѣдателя изъ купечества подписали бы не сумлеваясь сами на себя смертные приговоры. Дворянчики засѣдатели рѣдко въ присутствіи бывали. Не были рѣшителями судебъ ни добрякъ предсѣдатель, любитель пряныхъ и сальныхъ анекдотовъ, ни товарищъ предсѣдателя, въ мундирѣ, богато шитомъ золотомъ, носитель послѣднихъ придворныхъ новостей, выносимыхъ съ задняго крыльца. Всемогущія парки въ палатѣ, прядущія нить живота, были не три, а только двѣ: столоначальникъ и секретарь, но прежде чѣмъ скручена была нить ихъ пальцами, уже бѣжалъ куда слѣдуетъ третій дѣятель—канцелярскій писецъ къ тароватому подсудимому и несъ ему необсохшую еще копію предполагаемаго рѣшенія“.

Еще рѣзче отзывается объ этомъ Спасовичъ въ другой своей рѣчи: „если бы насъ въ то время спросили: что же такое судъ? гдѣ же онъ?—, то мы были-бы въ затрудненіи и не знали, что сказать. Настоящаго суда не было, а была одна только всевластная всемогущая полиція.—Лѣтъ за сто передъ нами она вела въ застѣнокъ, сажала паціента на кобылу и сѣкла его, выколачивая изъ него признаніе. Потомъ она сѣкла только послѣ признанія, вымучиваемаго не сѣченіемъ, а долгимъ заключеніемъ. Расправа съ подсудимымъ и начиналась и кончалась въ полиціи. Въ промежуткѣ, для одной, какъ говорилось, проформы, установленъ якобы судъ, заключающійся въ томъ, что полицейское дѣло о подсудимомъ внесутъ въ избу, на столъ покрытый зеленымъ или

краснымъ сукномъ, за которымъ усажены люди въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Эти люди, не спрося, и не видавъ подсудимаго, промежъ себя что-то поговорятъ, что-то пропишутъ, а затѣмъ передадутъ дѣло опять въ полицію. Это былъ по имени только судъ, засѣдали тѣ же чиновные люди, озабоченные только тѣмъ, чтобы дѣло механически производилось не по совѣсти, а по закону, и сильно остерегавшіеся, чтобы начальство противъ себя не возстановить".

Чтобы понять, что такое представляли изъ себя канцеляріи, достаточно напомнить, что чины ея являлись обыкновенно и повѣренными по дѣламъ, производившимся въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ они служили. Такъ, П. А. Потѣхинъ, въ цитированныхъ уже нами воспоминаніяхъ, разсказываетъ относительно группъ адвокатовъ, составлявшихся изъ секретарей, столоначальниковъ, экзекуторовъ, повытчиковъ и т. д.:

„Мнѣ особенно припоминаются двѣ типичныя фигуры изъ этого класса адвокатовъ. Одинъ служилъ секретаремъ въ палатѣ: сухой, высокій чиновникъ, плѣшивый, нюхавшій постоянно табакъ, разговаривавшій и игравшій на скрипкѣ непремѣнно съ краснымъ платкомъ въ рукахъ, съ котораго изобильно сыпался табакъ. Онъ былъ большой практическій знатокъ въ законахъ и не скрывалъ, что ведетъ дѣла, ибо увѣренъ былъ въ правотѣ ихъ. Тогдашніе судьи—люди почтенные знали это и не стѣснялись, потому что ихъ секретарь доказывалъ правильность постановки дѣла массою прежнихъ примѣрныхъ рѣшеній по такимъ же дѣламъ, которыя онъ самъ же доводилъ до Сената, и потому, что только онъ зналъ досканально дѣло и лучше, чѣмъ судьи, зналъ законы.

Другой типъ—противоположный: очень маленькій, толстый, любившій свою собственную красоту, которой совсѣмъ не было,—на тоненькихъ, кривыхъ ножкахъ. Онъ служилъ столоначальникомъ въ низшемъ судѣ и былъ почти постояннымъ противникомъ того секретаря, о которомъ я говорилъ. Достаточно было секретарю знать, что столоначальникъ ве-

детъ дѣло, чтобы оно провалилось въ палатѣ, и достаточно было начальнику узнать, что секретарь принималъ участіе въ дѣлѣ, чтобы оно было проиграно въ судѣ. Когда дѣло переходило въ Сенатъ, секретарь искалъ другого частнаго адвоката, которому поручалъ веденіе дѣла. Конечно, эта группа адвокатовъ была очень опасна для другихъ адвокатовъ на почвѣ защиты ихъ дѣлъ. Ихъ борьба была неравная".

Какъ же шли дѣла въ этомъ судѣ? Что такъ тщательно скрывалось за непроницаемой завѣсой канцелярской тайны? Каждому читателю несомнѣнно извѣстны тѣ или другіе отдѣльные громкіе случаи. Много разъ приходится встрѣчать напр., указанія на знаменитое дѣло Баташева, тянувшееся безъ конца и обратившее на себя наконецъ вниманіе Императора Николая I; дѣло о пропажѣ изъ Московскаго уѣзднаго казначейства мѣдной монеты на 115 тыс. р., тянувшееся 21 годъ; дѣло объ убіеніи крестьянками помѣщика Медынскаго уѣзда Х—во, который 15 лѣтъ сряду занимался въ своемъ уѣздѣ систематическимъ насильственнымъ обезчещеніемъ всѣхъ лицъ женскаго пола въ своей деревнѣ, причемъ уѣздные дворяне въ письменномъ повальномъ обыскѣ дали такой отзывъ, что „убитый помѣщикъ велъ себя, какъ прилично благородному россійскому дворянину". Много бьющихъ въ глаза случаевъ сообщаетъ покойный Г. А. Джаншіевъ въ своей широко извѣстной книгѣ „Эпоха великихъ реформъ", а также въ „Основахъ судебной реформы". Мы не будемъ повторять этихъ causes célèbres, а приведемъ одинъ-два совершенно заурядныхъ случая. Прежде однако, чѣмъ перейти къ нимъ, мы позволимъ себѣ привести изъ „Историческаго очерка" одинъ типичный примѣръ, довольно ярко выясняющій, какъ вообще могли производиться дѣла при господствѣ формальной теоріи доказательствъ, о которой мы говорили выше.

„Въ раскольничьемъ селеніи Московской губерніи трое государственныхъ крестьянъ были застигнуты жителями села въ тотъ моментъ, когда они, выломавъ окно, ворвались въ одинъ изъ домовъ для грабежа. Двоимъ изъ нихъ удалось

скрыться отъ преслѣдованія, а третій—Луппъ Федотовъ былъ пойманъ на огородѣ безъ верхней одежды, оставленной имъ подъ выломаннымъ окномъ того дома, изъ котораго произошло похищеніе. Такъ какъ Федотовъ вскорѣ послѣ поимки сознался передъ становымъ приставомъ въ преступленіи, то въ виду этого сознанія, подтвержденнаго сверхъ того 73 присяжными и 11 безприсяжными показаніями свидѣтелей, удостовѣрившими приведенныя выше обстоятельства, Московская уголовная палата приговорила Федотова къ подлежащему наказанію. Когда же дѣло это поступило на разсмотрѣніе Сената, то имъ была положена слѣдующая резолюція: „какъ Луппъ Федотовъ въ уѣздномъ судѣ отрекся отъ учиненнаго имъ при слѣдствіи становому приставу сознанія въ учиненномъ имъ воровствѣ; показанія же 24 человѣкъ раскольниковъ, противъ него отобранныя въ противность 217 статьѣ XV т. св. зак., не имѣютъ силы доказательствъ, почему Луппа Федотова оставить только въ подозрѣніи и освободить отъ присужденнаго ему Московскою уголовною палатою наказанія; становогo же пристава Иванова за то, что онъ, вопреки 277 ст. XV тома, допустилъ раскольниковъ подъ присягой противъ православнаго въ свидѣтели, предать уголовному суду". Объ аналогичномъ случаѣ сообщаетъ и В. Д. Спасовичъ въ своихъ застольныхъ рѣчахъ: изъ трехъ убійцъ одинъ былъ помягче и признался, другіе два соучастника заперлись, ихъ оставили въ подозрѣніи, а его присудили къ плетямъ и каторгѣ. „Какъ онъ заплакалъ и какъ его товарищи самоувѣренно торжествовали *)".

---

*) Были, впрочемъ, случаи, когда судъ умудрялся обойти и признаніе. Въ недавно напечатанныхъ въ „Ист. В." воспоминаніяхъ Н. А. Крылова сообщается, что одинъ крестьянинъ ограбилъ торговца и на слѣдствіи признался въ этомъ; его засадили въ острогъ, и алатырскій уѣздный судъ осудилъ его, но дѣло перешло въ уголовную палату, гдѣ брали съ живого и съ мертваго. Въ видѣ задатка палатѣ было дано сто рублей, и обвиняемаго выпустили изъ острога на поруки. Освобожденный грабитель укралъ у одного купца 600 руб., которые и передалъ въ па-

Но, конечно, не въ этомъ было главное зло; мы увидимъ ниже, что при опубликованіи въ 1862 г. основныхъ положеній судебной реформы институтъ „оставленія въ подозрѣніи“ оказался чуть ли не единственнымъ, за сохраненіе котораго раздались отдѣльные голоса. Зло заключалось въ томъ систематическомъ неправосудіи, съ которымъ тогда не могли найти никакихъ средствъ бороться. Вотъ, напр., мы извлекаемъ изъ первой попавшейся намъ книги Журнала Министерства Юстиціи (начала шестидесятыхъ годовъ) дѣло „о насильственной смерти Маріи Пятницкой“. Въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губ., въ имѣніи Энгельгардта, 17 ноября 1841 г. найдена была мертвой отъ ружейной раны дѣвица Марія Пятницкая. Обнищавшая дворянка, она жила съ матерью по сосѣдству съ Энгельгардтомъ, который, повидимому, эксплуатировалъ ихъ нужду. Марія, судя по ея поведенію, состояла съ Энгельгардтомъ въ связи. Полиція не могла явиться тотчасъ по извѣщеніи на мѣсто происшествія, потому что исправнику нужно было встрѣчать губернатора. Исполнивъ свой служебный долгъ, онъ 21 ноября явился съ земскимъ судомъ въ имѣніе и, произведя допросы, убѣдился, что смерть Пятницкой послѣдовала отъ самоубійства. Уѣздный судъ согласился съ этимъ заключеніемъ и постановилъ „случай смерти предать волѣ Божіей, а спрошенныхъ по сему дѣлу лицъ, какъ невиновныхъ, оставить свободными“.—Смоленской уголовной палатѣ слѣдствіе показалось неполнымъ и она приказала произвести дослѣдованіе. Само собою разумѣется, что дослѣдованіе, произведенное тѣми же властями, ничего новаго не открыло и уголовная палата также прекратила дѣло. Между тѣмъ мать убитой подала прошеніе губернатору, увѣряя, что дочь ея вовсе не наложила сама на себя

лату. Палата усмотрѣла изъ дѣла, что надъ обвиняемымъ не сдѣланъ повальный обыскъ, т. е. опросъ его одножителей о поведеніи. При обыскѣ въ поведеніи его не одобрили. Палата рѣшила: „такъ какъ обвиняемый въ поведеніи не одобренъ, то вѣры его признанію не давать, приговоръ уѣзднаго суда отмѣнить, а обвиняемаго отъ суда освободить“.

рукъ, и губернаторъ повелѣлъ произвести новое слѣдствіе. И это новое слѣдствіе судъ и палата прекратили. Правительствующій Сенатъ, куда дѣло поступило на ревизію, нашелъ, что слѣдствіе было произведено съ чрезвычайно важными упущеніями и распорядился произвести новое изслѣдованіе, которое опять таки ничего новаго не дало, и судъ и палата постановили дѣло „предать суду Божьему". Получивъ вновь дѣло, Правительствующій Сенатъ легко могъ убѣдиться, что даже прямо указанные имъ недостатки слѣдствія не были исправлены и потому назначилъ спеціальную комиссію для производства слѣдствія наново, что явилось, конечно, довольно затруднительнымъ, ибо съ момента убійства прошло уже около 10 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ слѣдствія палата постановила оставить Энгельгардта въ сильномъ подозрѣніи. Такимъ образомъ, доказательства виновности уже нашлись, но были несовершенны. Но Правительствущій Сенатъ чувствовалъ, повидимому, запахъ пролитой крови и назначилъ новую комиссію, которой указалъ произвести рядъ опредѣленныхъ дѣйствій. Но, какъ и всегда бывало, на повальномъ обыскѣ потомственные дворяне показали, что убитая была дерзка, а Энгельгардтъ велъ себя вполнѣ прилично и соотвѣтственно дворянскому званію. Правительствующему Сенату ничего не оставалось, какъ черезъ 20 лѣтъ признать „Энгельгардта въ убійствѣ неизобличеннымъ, сдѣлать ему строгое внушеніе и сообщить смоленскому дворянству о его неприличныхъ и жестокосердныхъ поступкахъ по отношенію къ семьѣ Пятницкихъ".

Еще болѣе замѣчательнымъ является другое дѣло о насильственной смерти курскаго помѣщика Щигровскаго уѣзда, отставного маіора Оловянникова. Оловянниковъ, престарѣлый уже человѣкъ, жилъ въ своемъ имѣніи съ нѣсколькими сыновьями и дочерьми. Въ одинъ прекрасный день старикъ легъ спать послѣ обѣда у себя въ кабинетѣ и больше уже не просыпался. Онъ оказался мертвымъ, о чемъ дѣти (не тотчасъ, впрочемъ) и дали знать полиціи. Явился исправ-

никъ съ уѣзднымъ врачемъ, и первымъ дѣломъ перенесли трупъ изъ залы, гдѣ онъ уже лежалъ одѣтый для погребенія, „во флигель, въ тѣсную и темную комнату съ однимъ окномъ, такъ что сторонніе люди и свидѣтели должны были толпиться у дверей прихожей и за дверями въ сѣняхъ". Въ виду найденныхъ красныхъ знаковъ на шеѣ можно было предположить удавленіе, но произведенный исправникомъ допросъ выяснилъ, что Оловянниковъ умеръ естественной смертью, о чемъ и было сообщено земскому суду: а тѣло предано было землѣ. Между тѣмъ до губернатора доходили слухи о томъ, что дѣло было неладно, и онъ „поставилъ въ непремѣнную обязанность щигровскому исправнику открыть истину". Исправникъ вновь поѣхалъ на мѣсто со стряпчимъ, но ничего не открылъ и хотѣлъ уѣхать, когда пріѣхалъ отъ губернатора нарочный. Былъ допрошенъ слуга покойнаго, самый близкій ему человѣкъ, показавшій, что Оловянниковъ убитъ сыномъ Виссаріономъ, поваромъ и учителемъ. Эти лица на допросѣ не сознались и опять дознаніе ничѣмъ не кончилось. „Между тѣмъ, молва народная разросталась... Вездѣ и всѣ гласно говорили о подробностяхъ убійства... Общество было возбуждено и сильно заинтересовано". Губернаторъ приказалъ другому уѣздному стряпчему Попову произвести новое слѣдствіе, въ результатѣ котораго исправникъ былъ преданъ суду, но потомъ оказалось, что и слѣдствіе Попова произведено пристрастно, вслѣдствіе чего губернское правленіе поручило губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему Тимченкову произвести дослѣдованіе. Во время производства слѣдствія Тимченковъ женилъ одного изъ сыновей Оловянникова, тоже заподозрѣннаго въ участіи въ убійствѣ, на своей ближайшей родственницѣ. Когда, наконецъ, Тимченковъ представилъ слѣдствіе въ уѣздный судъ для рѣшенія, то началась полемика между губернскимъ правленіемъ и уголовною палатою. Правленіе находило, что необходимо при обревизованіи дѣла разсмотрѣть пристрастныя дѣйствія Попова и судить его по законамъ; уголовная же

палата защищала Попова и находила слѣдствіе Тимченкова пристрастнымъ. Эта полемика продолжалась и поддерживалась и по другимъ разнымъ пунктамъ, касавшимся дѣла о смерти Оловянникова. Прокуроръ съ своей стороны составлялъ протесты на журналы и губернскаго правленія и уголовной палаты. Члены губернскаго правленія и уголовной палаты также вели между собою полемику, занося особыя мнѣнія въ журналъ. Случалось даже, что одно и тоже мѣсто, по одному и тому же вопросу, бывшему въ разсмотрѣніи нѣсколько разъ, приходило къ различнымъ заключеніямъ, въ отмѣну прежнихъ своихъ опредѣленій, оставленныхъ безъ исполненія. Къ тому же главные преступники содержались не въ тюрьмѣ, а при полиціи и имѣли возможность сообщаться какъ съ родственниками, такъ и съ лицами заинтересованными и служащими чиновниками.

Наконецъ, послѣ долгихъ томленій въ курскихъ присутственныхъ мѣстахъ, дѣло внесено было на ревизію въ Сенатъ. При внесеніи его на ревизію, начальникъ губерніи въ рапортѣ Сенату, между прочимъ, выразилъ „что въ дѣлѣ этомъ обнаруживаются два преступленія: одно —отцеубійство, а другое явный сговоръ губернскихъ и иныхъ чиновниковъ и стремленіе нѣкоторыхъ слѣдователей и уголовной палаты къ закрытію отцеубійства. Въ курской губерніи издавна укоренились разнаго рода преступленія и остаются не наказанными, собственно отъ болѣе или менѣе умышленнаго стремленія нѣкоторыхъ чиновниковъ къ закрытію таковыхъ, отъ чего водворяется до высочайшей степени несправедливость, лихоимство и безнравственность, которыя вошли даже въ обычай. Никогда не утвердится здѣсь порядокъ и желаемое правительствомъ благоустройство, доколѣ рѣшительно главные злоупотребители не будутъ подвергнуты строгому законному взысканію въ примѣръ другимъ“.

Правительствующій Сенатъ постановилъ, между прочимъ, въ отношеніи лицъ, производившихъ слѣдствіе: курскаго уѣзднаго стряпчаго Попова—оставить свободнымъ; членамъ

уголовной палаты и губернскаго правленія—сдѣлать строгій выговоръ; поступки членовъ щигровскаго уѣзднаго стряпчаго—передать на разсмотрѣніе курскаго губернскаго правленія; исправника Чертова, удаленнаго уже отъ должности, оставить въ сильномъ подозрѣніи, на службу никуда не принимать и къ выборамъ дворянскимъ не допускать; стряпчаго Тимченкова предать суду уголовной палаты.

Курскій губернаторъ въ своемъ рапортѣ вправѣ былъ говорить только о Курской губерніи, но слово Курской можно было замѣнить наименованіемъ любой другой губерніи и все содержаніе рапорта пришлось бы къ ней какъ нельзя болѣе по росту. Такъ, напримѣръ, въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ сообщаетъ слѣдующій извѣстный и по другимъ источникамъ фактъ.

„По замѣченному въ обоихъ департаментахъ С.-Петербургскаго надворнаго суда чрезвычайному отъ собственной ихъ вины накопленію дѣлъ, въ 1837 году признано было за нужное опредѣлить въ сіи департаменты новый комплектъ членовъ и секретарей, а изъ прежнихъ учредить два временные департамента, 3-й и 4-й, на такомъ основаніи, чтобы они оканчивали всѣ старыя дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ, если же сего не исполнятъ, то продолжали бы свои занятія до совершеннаго окончанія тѣхъ дѣлъ безъ жалованья.

„Двухлѣтній срокъ истекъ въ апрѣлѣ 1839 года, и, хотя по оставленіи затѣмъ членовъ и секретарей 3-го и 4-го департаментовъ при прежнихъ ихъ должностяхъ безъ окладовъ, надлежало ожидать, что дѣла будутъ скорѣе кончены, однако вышло совершенно противное. Въ 1840 и 1841 годахъ оба департамента были обревизованы.

„Въ 3-мъ департаментѣ оказалось нерѣшенныхъ дѣлъ 375, а неисполненныхъ рѣшеній и указовъ болѣе 1500. Изъ числа трехъ присутствовавшихъ, судья, по старости лѣтъ и слабому здоровью, занимался чрезвычайно мало, одинъ засѣдатель умеръ, а другой постоянно рапортовался больнымъ и

почти никогда не бывалъ въ судѣ. Изъ числа двухъ секретарей одинъ также умеръ, а другой, видя себя обреченнымъ служить неизвѣстное время безъ жалованья и, не находя никакихъ средствъ къ пропитанію большой семьи, упалъ духомъ и при томъ рѣшительно не могъ ничего дѣлать, какъ отъ бездѣйствія и недостатка членовъ, такъ и отъ неповиновенія канцеляріи, которой безнравственность, по выраженію ревизоровъ, превзошла всякое вѣроятіе.

„Въ 4-мъ департаментѣ нерѣшенныхъ дѣлъ оставалось до 600, а счета неисполненнымъ рѣшеніямъ, и указамъ никто не зналъ; провѣрить же ихъ число не было возможности, потому что всѣ реестры, книги и проч. находились въ совершенномъ разстройствѣ. Секретарей не было совсѣмъ, и должность ихъ правили повытчики; нравственность канцеляріи была едва-ли лучше, чѣмъ въ 3-мъ департаментѣ; члены, хотя и находились на лицо, но ревизоры замѣчали, что они „ни мало не стѣсняются обязанностью служить безъ жалованья и готовы оставаться еще въ семъ положеніи на весьма долгое время“.

„Денежная отчетность была въ такомъ порядкѣ, что о находившейся въ судѣ частной суммѣ до 650,000 руб. потерянъ былъ всякій слѣдъ, кому именно она принадлежала, и, вслѣдствіе того, ее хранили подъ названіемъ суммы „неизвѣстныхъ лицъ!“ Наконецъ, за всѣ эти дѣйствія, члены 3-го департамента были преданы суду три, а члены 4-го—двадцать четыре раза!

„Сколько долговременный опытъ ни закалилъ престарѣлыхъ членовъ Государственнаго Совѣта противъ всевозможныхъ административныхъ ужасовъ, однако и они, при докладѣ этого печальнаго дѣла, были сильно взволнованы и такъ сказать внѣ себя“.

Пришлось, повидимому, прибѣгнуть къ противоположной системѣ и для окончанія всѣхъ дѣлъ назначить ему трехгодичный срокъ и если порученіе сіе окончено будетъ съ успѣхомъ, то помѣстить чиновниковъ, въ свое время, къ другимъ соотвѣтственнымъ должностямъ и представить объ ихъ наградѣ

Даже Императоръ Николай, который долженъ былъ, казалось, обрушиться всей силою своего гнѣва, ограничился тѣмъ, что написалъ:

„Неслыханный срамъ! Безпечность ближняго начальства неимовѣрна и ничѣмъ не извинительна; мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный безпорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ“.

Иначе поступили въ другой уголовной палатѣ, гдѣ, по разсказамъ Н. М. Калмыкова, замѣчена была страшная медленность въ ходѣ арестантскаго дѣла. „Предписаніе за предписаніемъ слѣдовало одно за другимъ изъ министерства въ палату о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ. Спустя нѣсколько времени послѣ сего, предсѣдатель этой палаты пріѣзжаетъ въ Петербургъ и съ ликующимъ лицомъ является къ Министру Юстиціи, докладывая, что всѣ дѣла въ его палатѣ рѣшены.— Какъ же вы это сдѣлали? спросилъ Министръ. „Я, Ваше Сіятельство,—отвѣчалъ предсѣдатель дворянинъ,—воспользовался особымъ случаемъ. Въ нашемъ губернскомъ острогѣ содержится нѣсколько весьма опытныхъ чиновниковъ; вотъ я и роздалъ имъ дѣла,—они мнѣ живо написали все, что нужно“. Министръ, графъ Панинъ, услыхавъ это, всплеснулъ руками и удалился изъ пріемной комнаты, не найдя ничего сказать“.—Въ той же Курской губерніи, которую такъ аттестовалъ ея губернаторъ, въ 1850 г. при ревизіи сенатора Дурасова, дѣла одного судебнаго мѣста оказались „погруженными въ рѣкѣ“. Самъ сенаторъ съ подлежащими властями въ лодкахъ, представляя собою цѣлую флотилію, наблюдалъ за извлеченіемъ дѣлъ „изъ воды“.

Всѣ подобные разсказы можно умножить ad libitum, приводить ихъ безъ конца и напоминаніемъ ихъ не разъ исторгнуть у читателя крикъ негодованія. Но, несомнѣнно, каждый и самъ можетъ вызвать въ своей памяти множество казусовъ, стоитъ лишь внимательно сосредоточиться на читанномъ и слышанномъ, не говоря уже о художественныхъ произведеніяхъ Гоголя, Щедрина, Сухово-Кобылина и мн. друг.,

оставившихъ неизгладимыя впечатлѣнія.—Да и поздно было бы теперь негодовать и возмущаться; теперь, когда большинство этихъ ужасовъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе тяжелыхъ, отошло въ область прошлаго,—гораздо практичнѣе и цѣлесообразнѣе задуматься надъ вопросомъ, почему это происходило и могло-ли оно оно быть иначе при описанной организаціи. Въ разрѣшеніи этого именно вопроса мы и надѣялись помочь читателю собраніемъ приведеннаго матеріала.

Отмѣтимъ лишь еще, что само правительство признавало положеніе безнадежнымъ. Въ цитированной объяснительной запискѣ гр. Блудова къ проекту устава уголовнаго судопроизводства указывается, что законъ нашъ устанавливаетъ многообразный надзоръ за слѣдствіемъ (стряпчіе, прокуроры, депутаты), что судебнымъ мѣстамъ наипаче вмѣнено въ обязанность слѣдить, правильно ли произведено слѣдствіе, что и подсудимый можетъ жаловаться на неправильныя дѣйствія и судъ обязанъ спрашивать, не было ли чинимо пристрастныхъ допросовъ, что подсудимые вправѣ читать докладныя записки и отмѣчать неполноту и неточность; „нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ записка, что сіи правила, при точномъ оныхъ исполненіи, могли бы имѣть весьма полезное вліяніе на правильное и безпристрастное производство слѣдствій и самое рѣшеніе дѣлъ уголовныхъ. Къ сожалѣнію, на практикѣ оныя не достигаютъ своей цѣли. Извѣстно, съ какими неудобствами у насъ сопряжено производство слѣдствій общими полиціями и какъ трудно судебнымъ мѣстамъ, а большею частью и совершенно невозможно, исправить допущенныя слѣдователями неправильности, упущенія, или злоупотребленія. Наблюденіе за производствомъ слѣдствій со стороны стряпчихъ и прокуроровъ вообще неудовлетворительно, между прочимъ, и по множеству другихъ обязанностей, кои на нихъ возложены существующими узаконеніями. Правила о депутатахъ, которыя, по цѣли ихъ, принадлежатъ неоспоримо къ лучшимъ постановленіямъ нашимъ о судопроизводствѣ, и при хорошемъ исполненіи могли бы доставить

подсудимымъ надежнѣйшія средства защиты, остаются до нынѣ почти мертвою буквою, или же пустымъ обрядомъ, только замедляющимъ ходъ дѣлъ. Равнымъ образомъ и вопросъ подсудимому о томъ, не было ли ему чинимо пристрастныхъ допросовъ, также обратился лишь въ одну, такъ сказать, наружную форму и даже не рѣдко бываетъ поводомъ къ разнымъ затрудненіямъ, вслѣдствіе нарочныхъ извѣтовъ со стороны подсудимыхъ на пристрастіе въ допросахъ, запирательства ихъ отъ прежнихъ показаній. Отъ сего и самые передопросы подсудимыхъ въ судебныхъ мѣстахъ, къ коимъ сіи суды впрочемъ рѣдко прибѣгаютъ, немного содѣйствуютъ обнаруженію истины. Наконецъ, и чтеніе докладныхъ записокъ, нерѣдко чрезмѣрно огромныхъ, и рукоприкладство подъ оными, при малой степени не только юридическаго, но и первоначальнаго образованія въ народѣ, также немного содѣйствуютъ правильному рѣшенію дѣлъ, тѣмъ болѣе, что подсудимымъ даже неизвѣстно, когда они могутъ прочесть записку".

Отсюда и дѣлается затѣмъ заключеніе, что „наше судопроизводство имѣетъ почти всѣ тѣ-же недостатки, которые были замѣчаемы въ разныхъ государствахъ Западной Европы при господствовавшей тамъ чисто слѣдственной системѣ". До чего сильна покорность этимъ „недостаткамъ", видно, напр., изъ того, что, по разсказу Калмыкова, министръ юстиціи, совершая въ С.-Петербургской палатѣ рядную запись въ пользу своей дочери, велѣлъ дать надсмотрщику сто рублей, и исполненіе этого порученія возложено было на директора департамента Министерства Юстиціи, который порученіе и исполнилъ.

Дальше уже итти некуда, и послѣ всего сказаннаго читателю станетъ понятной страстная тирада, которую въ 1884 г. посвятилъ этимъ ужаснымъ порядкамъ И. С. Аксаковъ въ своей „Руси" *).

---

*) Сочиненія, т. IV.

„Старый судъ! При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!.. Мы имѣемъ право такъ говорить. Пишущій эти строки посвятилъ служебной дѣятельности въ старомъ судѣ первые лучшіе годы своей молодости... Онъ извѣдалъ вдоль и поперекъ все тогдашнее правосудіе, въ провинціи и столицѣ, въ канцеляріяхъ и въ составѣ суда... Это было во истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣмъ. Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія ринулся онъ, вмѣстѣ со своими товарищами по воспитанію, въ неравную борьбу съ судейской неправдой, и точно также какъ иногда и теперь, встревоженный этимъ натискомъ, нашъ кривосудъ поднималъ дикій вопль: „вольнодумцы, бунтовщики, революціонеры!“ Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-секретарь, опираясь на забытую и никогда непримѣнявшуюся статью Свода Законовъ, отказался скрѣпить истинно неправильное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ,—и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необычайное дерзновеніе! Помнимъ, какъ рябой нахалъ съ знатнымъ именемъ подавалъ нашему товарищу для доклада присутствію свое письменное оправданіе, рекомендуясь, что по милости царской онъ—сынъ барской, и какъ никакими доводами нельзя было предотвратить пристрастнаго „барскому сыну“ рѣшенія... Предъ нами невольно встаютъ воспоминанія — одно возмутительнѣе другого. Какія муки, какія терзанья прочувствовала душа, сознавая безсилье помочь истинѣ, невозможность провести правду сквозь путы и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства! Тамъ внизу — старый крючковѣдъ-слѣдователь снуетъ фальшивую основу, по всѣмъ внѣшнимъ правиламъ закона, для будущаго судебнаго приговора; затѣмъ, въ уѣздной инстанціи, при корыстномъ участіи или при совершенномъ, не менѣе преступномъ, безучастіи выборныхъ дворянъ судей, взяточникъ секретарь стряпаетъ изъ дѣла „записку“ и подсказываетъ имъ безобразную не по формѣ, а по существу

резолюцію; вотъ, наконецъ, послѣ многолѣтней иногда проволочки, дѣло въ уголовной палатѣ, гдѣ ждетъ его та-же участь... Но тамъ, въ этомъ дворянскомъ судѣ высшей инстанціи, сидятъ, положимъ, уже правовѣды, тоже вѣдь дворяне, но по назначенію „отъ короны". „Запиской", конечно, какъ это чинилось прежде, онъ уже руководиться не станетъ, а берется за подлинное дѣло; но тщетно читаетъ его отъ доски до доски, всматривается въ почеркъ, допрашиваетъ настойчиво бумагу, ищетъ какого-нибудь живого указанія въ живомъ человѣческомъ смыслѣ, подвергнутомъ его суду: молчитъ бумага, — бездушно мертвенно оффиціальное изложеніе показаній преступника. Надо бы его допросить, надо бы его видѣть, надо бы войти во всѣ фактическія и психическія подробности совершеннаго преступленія. Надо-бы! Но старый судъ не давалъ на это ни права, ни возможности; но юридическія данныя, требуемыя тогдашнимъ закономъ всѣ на лицо, безукоризненныя по формѣ,—и какъ бы ни вопіяла внутренняя совѣсть, ничего не остается, какъ сотворить судъ и... неправду"!..

II.

Отношеніе общества и правительства къ суду.

Невольно, самъ собою напрашивается вопросъ: какъ можно было сносить такое ненормальное положеніе? Какое по истинѣ невѣроятное терпѣніе и смиреніе нужно было имѣть, чтобы при такомъ полномъ отсутствіи правосудія не только воздерживаться отъ самозащиты, отъ кулачной расправы, но и добровольно идти въ этотъ судъ и отдавать свою честь и имущество на потокъ и разграбленіе. Можно было бы несказанно удивляться этому, если бы развитіе человѣчества не шло вообще уродливыми путями. Во всякомъ случаѣ это—фактъ, фактъ, что, будучи обижены, лишены принадлежащихъ имъ правъ, люди прибѣгали къ суду и говорили судьямъ, подобно страннйцѣ Островскаго: суди меня, судья, судомъ неправеднымъ. Остается только разсмотрѣть, считалось ли это положеніе нормальнымъ, или же выражалось недовольство, высказывались или таились какія нибудь пожеланія, и стремилось ли правительство исполнить свой первѣйшій долгъ - обезпечить гражданамъ защиту ихъ правъ?

Объ отношеніи общества къ этому вопросу судить довольно затруднительно, потому что цензура ревниво стояла на стражѣ установившейся организаціи и не давала возможности выразить въ прессѣ общественное негодованіе на судебные порядки. Такъ изъ разсказовъ современниковъ извѣстно, что въ сентябрѣ 1857 г. „къ отрадѣ всѣхъ людей благонамѣренныхъ“ Русскимъ Вѣстникомъ поднятъ былъ вопросъ объ устности и гласности судопроизводства въ Россіи, а въ ноябрѣ отъ цензурнаго управленія послѣдовало за-

прещеніе печатать статьи объ этомъ вопросѣ. Запрещеніе состоялось вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки б. тогда Министромъ Юстиціи графа Панина. Говорятъ, прибавляютъ современники, что въ этой запискѣ онъ заранѣе усматриваетъ въ публичномъ судопроизводствѣ зародышъ безпорядковъ общественныхъ и возмутительнаго духа. Къ какимъ ухищреніямъ приходилось печати прибѣгать, чтобы обратить вниманіе на то или другое явленіе, можно судить потому, что, желая обрисовать съ отрицательной стороны личность упомянутаго гр. Панина, Р. Вѣстникъ напечаталъ характеристику его предшественника Дашкова, которому и приписалъ всѣ непріятныя черты, свойственныя Панину и совершенно чуждыя Дашкову. При такихъ условіяхъ приходится пользоваться весьма немногими указаніями, которыя однако не оставляютъ сомнѣній, что крайняя неудовлетворительность тогдашняго судебнаго строя была ясно сознана обществомъ и необходимость его реформы всегда выдвигалась на первый планъ, какъ одна изъ неотложнѣйшихъ реформъ.

Такъ, въ вышедшемъ недавно посмертномъ трудѣ Шильдера „Императоръ Николай I" приводится, между прочимъ, записка слѣдственной комиссіи по дѣлу декабристовъ о Рылѣевѣ, и здѣсь сообщается, что въ 1823 г. было первое совѣщаніе у Пущина, гдѣ разсуждали о различныхъ распоряженіяхъ по обществу и предлагали членамъ избрать занятія. Николай Тургеневъ обѣщалъ написать уголовное судопроизводство, Никита Муравьевъ хотѣлъ сообщить планъ своей конституціи и т. д. Такимъ образомъ, на ряду съ предположеніемъ о коренномъ измѣненіи политическаго строя уже на первыхъ порахъ выступала забота о реформѣ правосудія. Указывая затѣмъ, что доклады слѣдственной комиссіи Императору Николаю носятъ односторонній характеръ, за которымъ меркнетъ планъ реформъ, осуществленныхъ тридцать лѣтъ спустя въ царствованіе Александра II, Шильдеръ ссылается на записки Александра Никитича Муравьева (Mon Journal), въ которыхъ, въ числѣ намѣченныхъ тайнымъ сою-

зомъ реформъ, на первый планъ, на ряду съ Abolition de l'esclavage, Egalité des citoyens devant la loi и Publicité dans les affaires d'état намѣчалась также Publicité dans la procédure judiciaire.

Намъ неизвѣстна работа Н. И. Тургенева, но онъ сдѣлалъ изъ нея экстрактъ и сообщилъ его гр. Мордвинову *). Эта записка, составленная въ ноябрѣ 1822 г., напечатана въ VI томѣ архива гр. Мордвинова и представляетъ несомнѣнно весьма серьезный интересъ. Тургеневъ находитъ, что дѣйствовавшее тогда судопроизводство поддается улучшенію; для этого нужно ввести: 1) словесное производство дѣлъ, 2) гласность судопроизводства, 3) отдѣленіе и независимость части судной отъ правительственной и 4) устройство судовъ, адвокатовъ и стряпчихъ. — Выяснивъ затѣмъ преимущество обвинительнаго процесса предъ слѣдственнымъ и съ особенной горячностью обрушившись на пользованіе священническимъ увѣщаніемъ въ цѣляхъ раскрытія преступленій **), авторъ въ дальнѣйшемъ переходитъ къ частностямъ и находитъ возможнымъ сохранить многіе дѣйствовавшіе институты: онъ предлагаетъ оставить въ силѣ и нынѣшніе суды и слѣдователей и формальную теорію доказательствъ и „словесное говореніе суда" допустить въ дополненіе къ письменному. Весьма осторожно онъ выражается относительно суда присяжныхъ. „Нѣтъ причинъ мѣстныхъ, чтобы введеніе въ Россіи суда присяжныхъ было сопряжено съ непреодолимымъ препятствіемъ". Развивая далѣе подробно выставленныя имъ

*) Je le communiquai, писалъ Тургеневъ въ своей запискѣ, au vénérable amiral Mordwinoff, qui lui même a passé toute sa vie à rêver au bien public; il en fut très satisfait.

**) „Признаніе, примиряющее преступника съ небомъ, чистосердечное покаяніе, направляющее злодѣя на стезю добродѣтели, дѣяніе возникающей благодати обращается въ бѣду и гибель раскаивающагося человѣка, и таинство духовной исповѣди приводится на судъ человѣковъ. Не есть ли сіе святотатство? И гдѣ оно совершается? Въ судилищѣ законовъ."

основныя положенія, авторъ объясняетъ, что гласность бываетъ трехъ родовъ: 1) гласность въ отношеніи къ тяжущимся и подсудимымъ (т. е. чтобы ничего не было скрыто отъ сторонъ), 2) гласность, состоящая въ обнародованіи, путемъ печати, производства и рѣшенія дѣлъ и 3) гласность въ собственномъ смыслѣ, т. е. производство дѣлъ при растворенныхъ дверяхъ. Закрытіе дверей при разсмотрѣніи дѣлъ, могущихъ произвести соблазнъ, предоставить усмотрѣнію судей. Особенно необходимо отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной (причемъ наиболѣе вреднымъ признается смѣшеніе ихъ при слѣдствіи) и независимость суд. власти; для допущенія такой независимости необходимо установить несмѣняемость судей. Наряду съ несмѣняемостью необходимо позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго положенія судей и отмѣнить штрафы за неправильныя рѣшенія. Вербоваться судьи могутъ изъ сословія адвокатовъ, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго суда.

Мы увидимъ позже, что всѣ предложенныя здѣсь начала усвоены основными положеніями судебной реформы Александра II, которыя пошли еще дальше намѣченныхъ пожеланій. Но тогда на нихъ склонны были смотрѣть, какъ на революціонный замыселъ. Самъ Тургеневъ пишетъ, что le mémoire... se rattachait à un ouvrage que j'avais entrepris sur la procédure criminelle. Ni l'ouvrage, ni le mémoire n'ont servi à rien.

Послѣ суда надъ декабристами Николай I повелѣлъ б. правителю дѣлъ комитета Боровкову составить на основаніи высказанныхъ ими мнѣній записку о внутреннемъ состояніи государства, и въ этой запискѣ, изъ которой, по словамъ Кочубея, Государь черпалъ много дѣльнаго, на первомъ мѣстѣ стоитъ указаніе на необходимость водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства *).

Указанія на ненормальное состояніе правосудія, составлявшія, какъ утверждаетъ Демидовъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ

---

*) Шильдеръ. Т. II, с. 31.

къ Николаю I, предметъ молвы, встрѣчаются и во многихъ мемуарахъ современниковъ, которые въ свое время не могли, конечно, увидѣть свѣтъ, по причинамъ, уже отмѣченнымъ, но которые именно потому выражались откровеннѣе и теперь, слѣд., могутъ служить правильнымъ отраженіемъ тогдашняго настроенія. Въ одномъ изъ такихъ мемуаровъ мы читаемъ, напр.: „... у насъ нѣтъ никакого правосудія. Настоятельная потребность гражданскаго общества состоитъ въ томъ, чтобы обиженный могъ найти себѣ обыкновеннымъ порядкомъ защиту отъ произвола, чтобы нарушитель закона не оставался безъ отвѣтственности. Тамъ, гдѣ эта настоятельная потребность не удовлетворяется, гражданскій порядокъ не имѣетъ твердаго основанія, невозможно успѣшное развитіе экономическихъ силъ и утвержденіе общественнаго кредита, — потому что не обезпечена ни собственность, ни личность гражданина; невозможно и успѣшное развитіе нравственныхъ силъ, потому что чувство правды на каждомъ шагу оскорбляется, и понятія о справедливости болѣе и болѣе темнѣютъ и спутываются въ народномъ сознаніи. Такое состояніе не можетъ держаться на одной степени: но по природѣ своей стремится къ развитію и развивается до безконечности, если не встрѣчаетъ уравновѣшивающаго противодѣйствія разумной и доброй силы. То состояніе, въ которомъ мы находимся, если продолжится далѣе, можетъ привести насъ къ положенію безвыходному, къ полному разложенію всѣхъ элементовъ, на которыхъ зиждется гражданское общество.

„Какое-же, спрашиваетъ далѣе авторъ, найти ближайшее средство, — не говоримъ къ водворенію правосудія и законности въ Россіи, потому что для этого потребны прежде всего время, затѣмъ новые люди и учрежденія,—но по крайней мѣрѣ къ исправленію той оригинальной неправды, въ которой мы живемъ и движемся? Какимъ способомъ можно дать единство разнообразному и безпорядочному нашему управленію? Какъ достигнуть по крайней мѣрѣ того, чтобы

нарушитель закона, не смотря ни на какую личную защиту, боялся отвѣтственности за свое беззаконіе?

„Ближайшимъ для сего средствомъ мы почитаемъ верховную коллегію, въ которой сосредоточивалось бы постоянное наблюденіе за охраненіемъ закона въ цѣляхъ государства, составленную изъ людей, не принадлежащихъ ни къ какому министерству или управленію и поставленную въ положеніе матеріально и нравственно независимое, коллегію, которой ни одно лицо въ Имперіи, кромѣ Государя, не могло бы почитать себя не подчиненнымъ, которая могла бы на всѣхъ и каждаго принимать жалобу, отъ всѣхъ и каждаго требовать отвѣта“. Этотъ голосъ, въ которомъ нельзя не узнать провозвѣстника кассаціоннаго Сената, прозвучалъ тогда, повидимому, одиноко.

Большинство современниковъ усматривали важнѣйшее зло въ томъ, что судъ творится подъ покровомъ непроницаемой канцелярской тайны.

„Публичность и гласность судопроизводства, для правильности суда, для ускоренія хода дѣлъ, для уничтоженія безчисленныхъ злоупотребленій, скрывающихся подъ покровомъ тьмы,—это мѣра самая благодѣтельная. Тяжущійся и подсудимый найдутъ въ ней огражденіе отъ притѣсненій, судьи побужденіе къ правосудію, правительство и народъ познаніе истиннаго положенія судопроизводства, одной изъ важнѣйшихъ отраслей управленія. Кромѣ того, вѣчное зрѣлище суда и наказанія разовьетъ въ гражданахъ чувство права и законности, составляющее первое основаніе всякой разумной общественной жизни, но которое къ несчастію заглохло у насъ совершенно“.

Чрезвычайно характерна эта вѣра въ гласность, въ силу общественнаго мнѣнія—въ такое время, когда оно, повидимому, не имѣло никакого значенія, когда, какъ мы знаемъ уже, выборы давали такіе печальные результаты, когда повальный обыскъ служилъ ни къ чему иному, какъ только къ обѣленію самыхъ отвратительныхъ преступниковъ. Нѣ-

сколько позже, когда начиналась уже работа по реформѣ процесса, другой современникъ писалъ:

„...Какое ручательство представитъ новый порядокъ судопроизводства въ точномъ и добросовѣстномъ примѣненіи законовъ; что можетъ побудить къ тому судей, ежели надъ ними не будетъ контроля правительственной власти? На это мы отвѣчаемъ: этотъ контроль никогда не представлялъ никакого ручательства! Но мы предлагаемъ замѣнить его другимъ, самымъ бдительнымъ, самымъ могущественнымъ, самымъ грознымъ, это—гласностью. Предоставьте тяжущемуся право напечатать свое дѣло въ вѣдомостяхъ, ежели онъ находитъ, что оно рѣшено недобросовѣстно, противозаконно, судья устрашится общественнаго мнѣнія и не рѣшится покривить душою“.

Еще рѣшительнѣе звучитъ это мнѣніе въ другомъ мѣстѣ:

„Повѣрьте, что никакія потаенныя мѣры, какъ бы строги ни были, никакой скрытный контроль, ни жандармы и доносчики, ни прокуроры и стряпчіе, ни флигель-адъютанты и ревизоры, ни ген.-губернаторы и чиновники по особымъ порученіямъ, не искоренятъ зла, такъ глубоко внѣдрившагося повсюду въ сферѣ судебной власти и особенно исполнительной.

„Мы испробовали всѣ лекарства, кромѣ одного. А оно-то и есть специфическое.

„Не говоримъ, чтобы тотчасъ же введены были суды присяжныхъ, на первыхъ порахъ гласность въ судопроизводствѣ можетъ быть и безъ нихъ. Она должна быть двоякаго рода, судопроизводство сколько возможно устное и при открытыхъ дверяхъ; а также право публичнаго протеста черезъ газеты противъ всякаго злоупотребленія и произвола въ слѣдственной, судебной, исполнительной сферѣ. Это право не отнято даже въ теперешней императорской Франціи.

„Да, пора устроить надъ нашими исполнителями, слѣдователями и судьями единственно неподкупный контроль общественнаго мнѣнія, пора дать средство оглашать во всеуслышаніе темныя дѣла и скрытныя беззаконія. Тогда, но только

тогда, мы можемъ излечиться отъ стараго недуга и догнать въ правосудіи другія образованныя страны, гдѣ встрѣтишь иногда законодательства несовершеннѣе нашего, да гдѣ въ замѣну законы, смягчаемые и исправляемые въ своемъ дѣйствіи просвѣщенными судилищами, находятъ безукоризненное примѣненіе подъ эгидой гласности и общественнаго мнѣнія".

Чрезвычайно важно отмѣтить здѣсь, что въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ мысль о преждевременности суда присяжныхъ высказывалась весьма часто, и выражалась надежда, что именно гласность подготовитъ насъ къ воспріятію этого института. Нѣкоторые же считали даже возможнымъ и гласность ввести постепенно.

„Прикажите, въ первый разъ хоть въ Сенатѣ, устроить хоры, на которые допускать публику безъ билетовъ и платы: секретари будутъ докладывать, сенаторы подавать голоса, а публика молчать; если же кто изъ посѣтителей обнаружитъ даръ слова хоть вздохомъ, того не трудно вывести и не впустить впередъ. Но вы тогда на практикѣ удостовѣритесь, что передъ очьми людей не дѣлается на свѣтѣ ничего дурнаго, зло любитъ тьму физическую, нравственную или гражданскую, но все тьму. Вы увидите, что будетъ; многіе изъ секретарей и сенаторовъ попросятся въ отставку, а дѣлопроизводства пойдутъ скорѣе и лучше, даже при нынѣшнемъ судопроизводствѣ и при нынѣшнихъ законахъ. Кромѣ принесенія общей пользы всѣмъ имѣющимъ дѣла въ Сенатѣ, главный выигрышъ достанется вамъ: до васъ дойдутъ вѣрные, безошибочные слухи о даровитыхъ и правдивыхъ служителяхъ Ѳемиды, которыхъ вамъ полезно будетъ приблизить къ себѣ. Противъ постройки хоровъ, кажется, никто не станетъ спорить, а сенатскій архитекторъ и смотритель дома даже обрадуются".

Другимъ зломъ, прямо бросавшимся въ глаза, было полное подчиненіе суда административной власти, и, сообразно съ этимъ, второе требованіе, настойчиво выражавшееся, заключалось въ установленіи полной независимости суда.

„... Для отвращенія этого зла, при созданіи новаго судоустройства и судопроизводства, признать великое правило, чтобы власть судебная была независима отъ власти правительственной и исполнительной, и вслѣдствіе того необходимо, чтобъ Императоръ освятилъ это правило собственнымъ примѣромъ невмѣшательства въ судебное разбирательство, оставивъ за собою одно прекрасное право—смягченія наказанія преступнику. Тогда и министры, генералъ-губернаторы и до послѣдняго квартальнаго поручика не позволятъ себѣ нарушать законы, какъ теперь; они принуждены будутъ уважать законъ какъ святыню, а за ними и частныя лица“.

Кромѣ этихъ мемуаровъ, обращаютъ на себя вниманіе судебныя сцены „Присутственный день Уголовной палаты“ И. С. Аксакова, которыя даже въ 1858 г., когда вопросъ объ обновленіи Россіи былъ уже, повидимому, рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, ему не удалось напечатать въ Россіи и онѣ были помѣщены въ „Полярной Звѣздѣ“, съ указаніемъ, что они составлены „отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ, б. секретаремъ Прав. Сената, б. товарищемъ предсѣдателя угол. палаты, б. оберъ-секретаремъ Прав. Сената, б. чиновникомъ Минист. Вн. Дѣлъ. *) Единственные вопросы, которымъ удалось проникнуть на столбцы періодической печати, были вопросы объ устности и гласности судопроизводства,

---

*) Авторъ выводитъ на сцену всѣхъ дѣйствующихъ лицъ дореформеннаго суда, начиная отъ предсѣдателя и до конвойныхъ съ арестантами, и на протяженіи одного дѣйствія успѣваетъ чрезвычайно выпукло обрисовать всѣ важнѣйшіе недостатки, причемъ, какъ заявлено въ предисловіи, онъ ставилъ своей цѣлью показать не взяточниковъ, а людей „честныхъ“ и даже добрыхъ, которыхъ однако эти качества не могутъ уберечь отъ сплошнаго кривосудія, ибо дѣло не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ системѣ, въ общихъ условіяхъ. „Ничего бы не сдѣлали... Мало ли здѣсь другіе горячились, да что взяли“, такъ говоритъ дошлый засѣдатель новичку, пытавшемуся прочесть подписываемый имъ приговоръ. Хотя авторъ и говоритъ, что сцены лишены художественнаго достоинства и что онѣ покажутся скучными, но въ дѣйствительности онѣ читаются съ величайшимъ интересомъ и теперь еще.

дебатировавшіеся въ теченіе Ноября 1858 г., когда, какъ мы уже упоминали, послѣдовало запрещеніе со стороны цензурнаго вѣдомства. Вопросъ былъ поднятъ „Русскимъ Вѣстникомъ“, доказывавшимъ необходимость ввести у насъ указанныя начала, но противъ этого возстали „Спб. Вѣдомости“ въ лицѣ нѣкоего В. Л., который находилъ, что не все то, что хорошо на Западѣ, можетъ быть примѣнено у насъ, и усматривалъ препятствія въ недостаткѣ адвокатовъ, въ неприспособленности тяжущихся къ самодѣятельности, которая почему-то связывалась съ устностью и гласностью, и т. п. Въ полемикѣ приняли участіе „Отечеств. Записки“ и „Русск. Бесѣда“, причемъ въ первыхъ хроникеръ, шагъ за шагомъ опровергая доводы г. В. Л., отмѣчаетъ въ заключеніе, что „Морской Сборникъ“ приглашаетъ читателей высказать соображенія, на какихъ основаніяхъ можно было бы ввести въ морское судопроизводство начала устности и публичности, а въ „Русск. Бесѣдѣ“ Алексѣй Хомяковъ, по обыкновенію славянофиловъ, начавъ за здравіе, кончаетъ за упокой. Онъ находитъ, что вопросъ о судоговореніи и гласности поставленъ чисто формально, а надо думать, какъ какое производство дѣйствуетъ на общественную нравственность, и это даетъ ему основаніе вмѣсто поставленныхъ вопросовъ говорить о судѣ вообще и предложить судъ административный для дѣлъ безспорныхъ, судъ спеціальный для разрѣшенія вопроса, не ничтожно ли заявленное возраженіе, и, наконецъ, судъ „третей“ для спорныхъ дѣлъ. Затѣмъ начинается усиленное склоненіе словъ Россія и Старая Русь на всѣ лады.

Въ этомъ общемъ хорѣ, единодушно осуждавшемъ дѣйствовавшіе судебные порядки, совершенно особнякомъ стоятъ представители университетской науки. Проф. Як. Баршевъ въ своемъ курсѣ—„Основанія уголовнаго судопроизводства“ доказываетъ, что устность процесса служитъ „источникомъ незрѣлаго и необсудливаго положенія дѣлъ“, а проф. А. Куницынъ на актѣ Харьковскаго университета въ 1859 г. произнесъ рѣчь „О мѣрахъ къ отвращенію неправосудія по русскому

законодательству", причемъ эти мѣры онъ усматривалъ прежде всего въ тщательномъ выборѣ судей. „Судью, поучаетъ Куницынъ, должна отличать „constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi". Безъ этой благородной воли и возвышеннаго направленія, знаніе законовъ и пониманіе дѣла, вмѣсто удовлетворенія прямой и святой обязанности судьи, можетъ служить ему только удобнымъ орудіемъ для цѣлей недостойныхъ, утончая искусство, по словамъ В. Петра, играть законами какъ въ карты, прибирая масть къ масти, и чинить всякія мины подъ фортеціею правды". На второмъ мѣстѣ авторъ ставитъ присягу, затѣмъ отвѣтственность за умыселъ и ошибку, потомъ хорошее жалованье *). Послѣ этого слѣдуютъ отводы и наконецъ надзоръ. Такимъ образомъ оказывается, что все у насъ обстоитъ благополучно. Была бы только constans et perpetua voluntas, вознаграждаемая хорошимъ жалованьемъ. И только въ заключеніе, мимоходомъ, профессоръ вспоминаетъ, что есть еще одна мѣра— гласность, о которой теперь много говорятъ. „Нѣтъ надобности объяснять, что многое, совершаемое спокойно, смѣло или небрежно втайнѣ, не дѣлалось бы такъ открыто и публично, по крайней мѣрѣ изъ приличія и опасенія". И какой злой насмѣшкой звучитъ увѣреніе съ высоты профессорской кафедры, будто въ существующемъ у насъ порядкѣ гр. судопроизводства при общемъ и постепенномъ надзорѣ со стороны правительства за порядкомъ и законностью дѣйствій судебныхъ мѣстъ, дальнѣйшее предохранительное наблюденіе за каждымъ дѣломъ въ особенности предоставляется болѣе бдительности и усмотрѣнію самихъ тяжущихся. „Каждый... можетъ слѣдить..., устранить подозрительнаго судью..., отразить недостойныя уваженія объясненія и доказательства..., обезпечить себя относительно полноты приготовленія дѣла къ рѣшенію"...

*) Напоминается именной указъ Екатерины II (23 іюля 1762 г.): чтобы судейскія мѣста были наполняемы достойными, и каждому было назначено пристойное жалованье, чтобы справедливая служба была награждена, и малоимущіе не имѣли причины склоняться къ лихоимству.

Это убожество профессорской мысли еще ярче выступитъ предъ нами, если мы сопоставимъ его съ тѣми голосами, которые раздавались даже въ правительственныхъ сферахъ. 6 декабря 1826 г., сообщаетъ Историческій Очеркъ Министерства Юстиціи, былъ учрежденъ особый секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея для разбора бумагъ, оставшихся послѣ Императора Александра I и для разработки предположеній относительно желательныхъ улучшеній въ организаціи суда и управленія. По Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе этого комитета была, между прочимъ, передана отъ имени „неизвѣстнаго" записка, составленная управлявшимъ въ то время Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи Балугьянскимъ *), подъ заглавіемъ „Разсужденія объ учрежденіи губерній". Въ этой запискѣ авторъ ея подробно останавливается на недостаткахъ существовавшаго въ то время судебнаго устройства, заключавшихся, по его мнѣнію, въ подчиненіи судовъ губернатору, въ опредѣленіи судей по выборамъ и въ крайней ограниченности власти судебныхъ мѣстъ первой и второй степени, влекущей за собою необычайную медленность производства, такъ какъ всѣ дѣла для окончательнаго ихъ разрѣшенія обязательно восходятъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. „Безъ независимости судебной власти отъ правительственной, писалъ, между прочимъ, Балугьянскій, нѣтъ законнаго правосудія. Необходимость отдѣленія судебныхъ дѣлъ отъ правительственныхъ не подлежитъ въ нашемъ вѣкѣ никакому сомнѣнію. Всякій чувствуетъ, что тамъ, гдѣ губернаторъ можетъ дать повелѣніе судьямъ судить то или другое, пересматривать ихъ приговоры, остановить исполненіе, тамъ

*) М. А. Балугьянскій отнюдь не былъ зараженъ „революціонными идеями и пользовался большимъ довѣріемъ Николая I. При назначеніи Б. начальникомъ II отдѣленія Государь сказалъ ему, между прочимъ, о Сперанскомъ, которому пришлось поручить кодификаціонную работу: „Смотри же, чтобы онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 г. Ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ". Шильдеръ, Т. I, с. 461.

не законъ царствуетъ, а произволъ. Въ цѣлой Европѣ безъ всякаго изъятія, да и у Римлянъ и въ древней Греціи, судная часть была отдѣлена отъ правительственной, и не только, чтобы начальники сей послѣдней могли остановить или пересматривать ихъ рѣшенія, они обязаны исполнять ихъ приговоры безпрекословно. Только у дикихъ необразованныхъ народовъ соединяетъ одинъ начальникъ всѣ власти. Судная часть сама по себѣ составляетъ одну изъ трехъ главныхъ частей верховной власти. Всѣ прочія управленія суть только подраздѣленія части исполнительной, слѣдовательно судная власть занимаетъ послѣ законодательной второе мѣсто въ государствѣ. Она не можетъ имѣть равное устройство съ управляющими мѣстами. Величество закона требуетъ, чтобы приговорамъ оной повиновались всѣ прочія управленія. Если судебные приговоры требуютъ исправленія, то для сего существуетъ по гражданскимъ дѣламъ апелляція, по уголовнымъ— ревизія въ высшихъ степеняхъ суда. На что же вмѣшаніе губернатора, мало или совсѣмъ несвѣдущаго въ законахъ, или по крайней мѣрѣ не знающаго производства всего дѣла, о которомъ онъ судить долженъ? Если общая жалоба, что законы неисполняются, имѣетъ какую-то основательность, то причина оной состоитъ въ совершенной ничтожности судейской власти".

Такимъ образомъ, исходя изъ того положенія, что въ основу предположеннаго преобразованія судебнаго устройства должны быть положены два главныхъ руководящихъ начала— самостоятельность суда и независимость судей, Балугьянскій въ своей запискѣ предложилъ проектъ новой организаціи судебныхъ установленій, отвѣчающій этимъ требованіямъ. По разсмотрѣніи этого проекта Комитетъ не согласился съ нѣкоторыми изъ изложенныхъ въ немъ предположеній, но въ общемъ далъ благопріятный о немъ отзывъ, вслѣдствіе чего Балугьянскій удостоился даже получить за этотъ трудъ выраженіе Высочайшаго благоволенія. Тѣмъ не менѣе предположенія относительно реорганизаціи судебныхъ установленій на этомъ пока и остановились.

Въ этомъ оставленіи безъ движенія столь замѣчательнаго для своего времени проекта сказалась, конечно, антипатія Государя ко всякой независимости и вѣра въ могущество бюрократической опеки; но несомнѣнно, что такая судьба проекта была и совершенно неизбѣжна съ точки зрѣнія правильной политической мысли. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли нужно доказывать, что въ данной государственной организаціи всѣ части ея должны находиться въ извѣстномъ соотношеніи; какъ говоритъ знакомый намъ щедринскій Семенъ Михайловичъ, „тутъ была цѣлая система; система, могу сказать, строго соображенная во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ". И если вообще справедливо, что нельзя безъ „строгаго соображенія" включить въ любое государственное устройство любой отдѣльный институтъ, то это въ особенности нужно сказать о судебной организаціи. Допустимъ на минуту, что проектъ Балугьянскаго былъ бы осуществленъ тогда же, и что въ растлѣваемой крѣпостнымъ правомъ и бюрократической тайной странѣ нашлись бы независимые и самостоятельные судьи. Какъ бы они отнеслись, скажемъ, къ злоупотребленіямъ помѣщичьей власти, авторитетъ которой настолько нуждался въ поддержаніи, что судъ былъ тогда поручаемъ особо учреждаемымъ на каждый разъ комиссіямъ суда?*) Какъ бы судъ отнесся къ превышенію и бездѣйствію власти администраціи при господствѣ взгляда, что „законы пишутся только для низшихъ сословій, а не для насъ", какъ сказалъ одинъ высокій сановникъ литератору барону Дельвигу? Что оставалось бы суду дѣлать со взяточничествомъ и лихоимствомъ, лежавшимъ въ основѣ отношеній правительства къ народу? Эти наивные вопросы можно было бы продолжать до безконечности... И если могутъ еще оставаться сомнѣнія, какъ судъ могъ бы отнестись къ такимъ явленіямъ, и что было бы, если бы онъ отнесся „по всей строгости законовъ", то эти

---

*) Исторія Ком. Мин., Т. Ш., ч. I, стр. 383.

сомнѣнія разсѣются, смѣю думать, при изученіи дальнѣйшаго хода судебнаго преобразованія.

Во всякомъ случаѣ высказываемая здѣсь мысль уже тогда не была чужда общественнаго сознанія. По крайней мѣрѣ, въ 1862 г. во время обнародованія основныхъ положеній судебной реформы, несмотря на увлеченіе и вѣру въ будущее, А. М. Унковскій („Современникъ", 1863 г., 1) писалъ:

„Мы постоянно убѣждаемся въ томъ, что начала и привила, въ соблюденіи которыхъ не имѣется никакого дѣйствительнаго обезпеченія, становятся словами, ничего не значущими, и что иногда на практикѣ бываетъ рѣшительно все равно, существуютъ ли онѣ, или нѣтъ. При нихъ такъ же, какъ и безъ нихъ, все оказывается зависящимъ отъ одного произвола. Благодаря опыту, ежедневно насъ поучающему, мы стали понимать, что дѣйствительное владычество закона не есть такое благо, которое достигалось бы посредствомъ одного провозглашенія его на бумагѣ. Мы начинаемъ видѣть, что дѣйствительное существованіе этого блага зависитъ отъ множества разнородныхъ условій, которыя не могутъ быть созданы однимъ почеркомъ пера безъ всякихъ хлопотъ и разъясненій... Публика ожидаетъ реформы, и даже съ благодарностью, пожалуй, ее принимаетъ, и обсуждаетъ ее уже не съ одной технической стороны, но въ соотвѣтствіи съ тѣмъ жизненнымъ и политическимъ строемъ, въ которомъ она должна заявить свою силу. Однимъ словомъ, требованія публики относительно реформы не ограничиваются одною буквою реформы, а идутъ куда-то далѣе; это „далѣе" и представляетъ именно ту совокупность условій, среди которыхъ должна жить реформа; онѣ могутъ дать ей жизнь дѣйствительную и онѣ же могутъ низвести ее на степень мертвой буквы". А сорокъ лѣтъ спустя „Вѣстникъ Евр." въ своемъ отзывѣ о первомъ выпускѣ настоящаго изданія замѣчаетъ: „все наше развитіе за послѣднія сорокъ лѣтъ подтвердило, что безъ осуществленія *всѣхъ* пунктовъ программы, выставленныхъ въ освободительную эпоху, немыслимо приспособленіе

государственныхъ формъ и порядковъ къ новымъ общественнымъ силамъ и отношеніямъ".

Итакъ, мысль Балугьянскаго никакихъ другихъ практическихъ результатовъ, кромѣ Высочайшаго благоволенія, не принесла. Но мы уже знаемъ отчасти, что слухи о безобразномъ положеніи не переставали доходить до Государя и обращать на себя его вниманіе, какъ о томъ можно судить по резолюціямъ, вродѣ вышеприведенной нами, а также по разнымъ словеснымъ изъявленіямъ.

Такъ, у Шильдера приводится рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1833 г., въ которой Государь говорилъ, между прочимъ: „главнымъ занявшимъ меня дѣломъ было естественно правосудіе. Я еще съ молоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ". И дѣйствительно, независимо отъ составленія Свода законовъ, на который Николай I возлагалъ большія надежды, съ самаго начала царствованія учреждались различныя комиссіи и комитеты, труды которыхъ однако ни къ чему положительному не приводили, а имѣли результатомъ обремененіе различныхъ присутственныхъ мѣстъ, отъ которыхъ требовались различныя свѣдѣнія, новой перепиской, подъ гнетомъ которой вообще изнемогала бюрократія того времени. Такъ, была учреждена комиссія для изысканія средствъ уничтожить лихоимство, комитетъ для сокращенія переписки, для изысканія способовъ къ упрощенію производства и т. п.

Какъ вообще шли дѣла въ этихъ учрежденіяхъ, можно судить по одному примѣру изъ дѣятельности послѣдняго изъ названныхъ комитетовъ. „Возникъ весьма важный вопросъ объ освобожденіи судебныхъ мѣстъ отъ безполезной и обременительной обязанности подтверждать и наблюдать за исполненіемъ своихъ рѣшеній. Эта благодѣтельная мысль была принята почти всѣми членами, и въ такомъ смыслѣ состо-

ялся окончательный проектъ. Графъ Панинъ (б. Министръ Юстиціи) вооружился противъ него всею силою своей діалектики, но, не успѣвъ подѣйствовать на убѣжденіе членовъ, избралъ другое средство, болѣе дѣйствительное. Въ запискѣ, составленной „ad hoc" и представленной Государю, онъ указалъ на какое то возмутительное революціонное начало, скрывающееся въ проектѣ. Предложенная реформа не состоялась".

Въ 1850 г. Государь обратилъ вниманіе Комитета Министровъ на быстрое увеличеніе числа арестантовъ. Комитетъ, занявшись этимъ вопросомъ, предоставилъ II отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи по соглашенію съ Министерствами Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ разработать мѣры, которыя могли бы быть немедленно введены для улучшенія нашего уголовнаго процесса.

Была образована съ этой цѣлью Комиссія, признавшая что „неудобно, даже и невозможно издавать отдѣльно отъ всего Устава какія либо, и особливо важныя новыя правила въ порядкѣ производства дѣлъ уголовныхъ" *). А между тѣмъ дѣло систематическаго пересмотра процессуальныхъ законовъ, порученное графу Блудову, какъ главноуправляющему 2-мъ отдѣленіемъ, подвигалось черезъ пень-колоду. Начатыя въ 1843 г. работы велись безъ всякихъ замѣтныхъ результатовъ во все царствованіе Николая I и были завершены лишь въ 1860 г., когда оказались уже совершенно излишними. Весьма характерно, что графъ Блудовъ счелъ даже нужнымъ оправдаться въ допущенномъ чрезвычайномъ промедленіи, указавъ въ объяснительной запискѣ, что „всѣ сіи работы неоднократно были прерываемы и даже останавливались по случаю какъ другихъ отъ Государя Императора мнѣ порученій, такъ и неоднократныхъ же моихъ по дѣламъ службы отъѣздовъ заграницу и по другимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ". Очевидно, вполнѣ прочно укоренился

---

*) См. объ этомъ подробно Исторію Ком. М., Т. II, ч. II, с. 15, сл. и Дѣло о преобр. Суд. Ч., Т. VII, ч. I.

взглядъ, что здѣсь дѣло терпитъ, что торопиться некуда. Впрочемъ, въ защиту графа Блудова нужно сказать, что независимо отъ общихъ условій, препятствовавшихъ сколько нибудь серьезной судебной реформѣ, значительной помѣхой служила личность б. тогда Министра Юстиціи, о которомъ мы уже неоднократно упоминали, графа Панина. Хотя, по словамъ историческаго очерка Министерства Юстиціи, онъ и получилъ прекрасное домашнее воспитаніе и прекрасно усвоилъ себѣ какъ древніе, такъ и новѣйшіе языки, но мнѣніе публики было таково, что „правосудіе ввѣрено власти человѣка, почитаемаго одной половиною Россіи первымъ врагомъ отечества и всякой правды, а другой половиною признаваемаго за явно сумасшедшаго“. И дѣйствительно, когда „первыя робкія попытки къ улучшенію нашего судопроизводства были сообщены на заключеніе Министра Юстиціи“, то не смотря на то, что графъ Блудовъ вовсе не задавался цѣлями широкой реформы и стремился лишь къ тому, чтобы путемъ нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій до извѣстной степени исправить прогнившее насквозь зданіе правосудія, даже проектированныя имъ полумѣры признавались графомъ Панинымъ слишкомъ радикальными, а потому и вызывали съ его стороны горячія возраженія. Отсюда возникла безконечная и совершенно безплодная полемика между Министерствомъ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ, надолго затормозившая работы по судебному преобразованію. Самъ же графъ Панинъ съ своей стороны для исправленія зла принималъ лишь мѣры вродѣ слѣдующихъ:

„Однажды, конечно вслѣдствіе какого—нибудь громкаго дѣла, вниманіе графа Панина обращено было на разнообразіе рѣшеній въ Департаментахъ Сената по дѣламъ совершенно однороднымъ. Разнообразіе это дѣйствительно доходило до юридическаго соблазна: надобно было очистить эту статью сдѣлать что нибудь. Что же сдѣлалъ графъ Панинъ? Онъ приказалъ въ каждомъ Департаментѣ Сената составлять понедѣльные списки дѣламъ, назначеннымъ къ докладу, и пере-

сылать ихъ изъ одного департамента въ другой съ тѣмъ, чтобы оберъ-секретари ихъ прочитывали. Можно представить себѣ, какія толстыя тетради образовались изъ этихъ списковъ, на которыхъ оберъ-секретари должны были не читая отмѣчать: читалъ. Въ этихъ спискахъ дѣла обозначались такимъ образомъ: дѣло Петрова съ Ивановымъ о домѣ, дѣло Сергѣева объ убійствѣ и т. п. Очевидно изъ этого обозначенія никто не можетъ получить понятіе о существѣ вопроса, подлежавшаго разрѣшенію, и составленіе списковъ едва-ли уже не прекратилось само собою".

III.

Основныя положенія судебной реформы.

Итакъ, въ царствованіе Николая I дѣло преобразованія судебнаго строя подвигалось впередъ весьма вяло, „черезъ пень колоду“. Чуткая къ вѣяніямъ сверху бюрократія не могла не понимать, что „дѣло“ не пользуется вниманіемъ начальства и, какъ всегда, этого было совершенно достаточно, чтобы оно не выходило изъ стадіи предварительной подготовки, которая, однако, потребовала со стороны исполнителей массы времени и труда. Какъ вообще шла работа, можно видѣть, напр., изъ описанія въ офиціальныхъ представленіяхъ разсмотрѣнія любого проекта. „Первоначальная работа, относящаяся до судоустройства, была положеніе о присяжныхъ стряпчихъ или повѣренныхъ, которое внесено было въ Госуд. Совѣтъ гр. Блудовымъ въ 1858 г. Проектъ этотъ разсмотрѣнъ соединенными департаментами въ 1858 г. и, исправленный по заключеніямъ департаментовъ, препровожденъ ко всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта для сообщенія ихъ замѣчаній. Изъ всѣхъ замѣчаній, доставленныхъ какъ членами совѣта, такъ и чиновниками вѣдомствъ министерства юстиціи, составился по общему порядку сводъ, разсмотрѣнный соединенными департаментами въ 1861 г. Между тѣмъ по Высочайшему Повелѣнію, послѣдовавшему 21 Октября 1859 г., во II отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи начертаны были начала судоустройства съ изложеніемъ правилъ будущаго учрежденія судебно уголовныхъ инстанцій, и начала эти сообщены на предварительное заклю-

ченіе Министра Юстиціи. Затѣмъ, по полученіи замѣчаній Министра Юстиціи, приготовленъ былъ и самый проектъ положенія о судоустройствѣ, который 14 Апрѣля 1860 г. внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Проектъ этотъ былъ препровожденъ въ томъ же 1860 г. къ управлявшему Министерствомъ Юстиціи, который доставилъ какъ свои замѣчанія на оный, такъ и мнѣнія другихъ лицъ, извѣстныхъ своими практическими свѣдѣніями по судебной части. Изъ этихъ замѣчаній составленъ въ государственной канцеляріи подробный сводъ. Разсмотрѣвъ въ Іюнѣ 1861 г. самый проектъ и сдѣланныя на него замѣчанія, соединенные департаменты опредѣлили и указали предварительныя начала, долженствующія служить основаніемъ новаго судоустройства" и т. д., и т. д. И такъ продолжалось бы до безконечности, если бы въ 1861 г. не случилось рѣшительнаго перелома.

Само собой разумѣется, однако, что такое отношеніе начальства нисколько не мѣшало ему весьма обильно тратить трудъ и время низшихъ представителей бюрократіи на разработку различныхъ проектовъ судебнаго преобразованія. Всего съ 1857 г. по начало 1861 г. внесено было въ Государственный Совѣтъ 14 законопроектовъ: два по судоустройству (проектъ положенія о судоустройствѣ; положеніе о присяжныхъ стряпчихъ или повѣренныхъ), 4 по угол. процессу (проектъ устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ; о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ въ судахъ мировыхъ; объ издержкахъ при производствѣ дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ; объ особыхъ родахъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ) и, наконецъ, 8 по гражданскому судопроизводству (проектъ устава гр. судопроизводства; о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ; о производствѣ взысканій по актамъ безспорнымъ объ обязательствахъ; о производствѣ гражданскихъ дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ; о примирительномъ разбирательствѣ; о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ; объ исполненіи суд. рѣшеній

по дѣламъ гражданскимъ; о судебныхъ издержкахъ). Касаясь этихъ проектовъ въ свой извѣстной книгѣ „Основы судебной реформы", покойный Гр. Джаншіевъ пользуется ими, чтобы оградить дѣятелей судебной реформы отъ взводимаго на нихъ реакціонной печатью упрека въ томъ, что они рѣзко разорвали съ прошлымъ и, не справляясь съ нимъ, руководствовались исключительно отвлеченными и теоретическими началами. Чтобы отвести этотъ будто бы несправедливый, по мнѣнію автора, упрекъ, Гр. Джаншіевъ цитируетъ изъ объяснительной записки къ уставу гр. судопроизводства слѣдующія „ipsissima verba" гр. Блудова. „Мнѣ также казалось, при началѣ моего труда, что можно бы было улучшить наше судопроизводство гражданское посредствомъ исправленія лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ онаго постановленій". Но впослѣдствіи Блудовъ убѣдился, что „намъ въ особенности нельзя и думать о какомъ либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства безъ измѣненія самой основной мысли ея, безъ принятія не только отличныхъ, но до нѣкоторой степени противныхъ ей началъ". Такимъ образомъ оказывается, что уже и Блудовскіе проекты считали необходимымъ отказаться отъ наслѣдія прошлаго и стать на совершенно новую дорогу, и, слѣдовательно, судебные уставы составляютъ какъ бы результатъ преемственнаго развитія. Но такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно. Не слѣдуетъ забывать, что бюрократическое творчество есть „сокъ особаго рода", которому отнюдь нельзя ставить всякое лыко въ строку, такъ что выводы здѣсь отнюдь не всегда и не во всемъ соотвѣтствуютъ соображеніямъ. Такъ, напр., извѣстно изъ проникшихъ въ печать свѣдѣній, что едва ли можно гдѣ либо найти болѣе горячій панегирикъ земству, нежели въ объяснительной запискѣ къ введенію въ девяти западныхъ губерніяхъ новаго хозяйственнаго управленія, построеннаго на началахъ, отрицающихъ восхваляемые земскіе принципы. Дѣйствительно, и въ данномъ случаѣ наряду съ приведенной упомянутымъ авторомъ цитатой можно привести

такое, напр., мѣсто изъ объяснительной записки къ уставу угол. судопр.: „обозрѣніе системы нашего судопроизводства уголовнаго можетъ, кажется, убѣдить всякаго, что главныя начала онаго, даже въ томъ видѣ, какъ оно дѣйствуетъ нынѣ, не препятствуютъ введенію въ новый уставъ всѣхъ тѣхъ истинно существенныхъ улучшеній, коихъ другія правительства старались достигнуть посредствомъ формъ судопроизводства обвинительнаго". „Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы, и даже на то, что начала ея не были чужды и нашему отечеству въ самыя отдаленныя времена, сія система до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ тому подготовленія и въ народѣ и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желаемой цѣли. Не говоря уже о томъ, что введеніе у насъ суда черезъ присяжныхъ было бы нынѣ преждевременнымъ, нельзя не сознаться, что мы еще не совсѣмъ приготовлены къ тому, чтобы могли принять и такой обвинительный порядокъ, какой существуетъ въ государствахъ, неимѣющихъ суда присяжныхъ".

Едва ли можно спорить, что приведенныя двѣ цитаты находятся по „общему духу" въ неразрѣшимомъ противорѣчіи между собою. А разъ допускаются такія противорѣчія, то очевидно, что всякая цитата будетъ носить случайный характеръ и отнюдь не можетъ служить для характеристики направленій. Если же обратиться къ самимъ проектамъ, то окажется, что они безспорно вводятъ много улучшеній: такъ устанавливается устность, гласность, въ гражданскомъ процессѣ вводится состязательность, сокращается число инстанцій, устраняется ревизіонный порядокъ, отдѣляется судебная власть отъ административной, но все это дѣлается крайне робко, полумѣрами. Наряду съ устностью остается знаменитая докладная записка, и объясненія по ней защитника и

подсудимаго должны быть письменныя; принципъ гласности совершенно парализуется предоставленіемъ суду права „для огражденія правилъ благопристойности или по другимъ важнымъ причинамъ постановить слушать дѣло при дверяхъ затворенныхъ, безъ допущенія постороннихъ людей“; сохраняется формальная теорія доказательствъ, мы встрѣчаемъ достойныя лучшаго примѣненія усилія детальнѣйшимъ образомъ разъяснить, когда считается законнымъ доказательствомъ показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, одного свидѣтеля, какъ слѣдуетъ оцѣнивать признаніе подсудимаго и т. д. и т. д. Главное же—судъ по прежнему состоитъ изъ выборныхъ и назначенныхъ правительствомъ лицъ, причемъ предсѣдатели какъ уѣзднаго суда, такъ и департаментовъ палаты и мировые судьи выбираются дворянствомъ, а члены 1-ой и 2-ой степени суда опредѣляются или утверждаются министромъ юстиціи, предсѣдатели же имѣютъ право подвергать членовъ суда замѣчаніямъ или выговорамъ болѣе или менѣе строгимъ и вычету изъ жалованья! Нужно ли доказывать, что построенная на такихъ основаніяхъ реформа не могла бы произвести коренныхъ измѣненій въ строѣ нашей юстиціи. По справедливому выраженію И. С. Аксакова, „судъ зависимый есть безсмыслица, contradictio in adjecto, или же чудовищная аномалія, зависимый судъ не есть судъ“. И не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что особенно въ то время администрація широко пользовалась бы своимъ правомъ влiять на судъ и диктовала бы ему рѣшенія, согласныя съ такъ называемыми видами правительства. И такимъ образомъ судъ опять оказался бы на наклонной плоскости, на которой удержаться было бы невозможно, и, слѣдоват., онъ опять неизбѣжно прикатился бы ко взяточничеству, кривосудію и т. д. и т. д. Въ концѣ концовъ пришлось бы опять повторить, подобно тому какъ мы это цитировали выше по отношенію къ судамъ дореформеннымъ, что „нѣтъ сомнѣнія, что сіи правила, при точномъ оныхъ исполненіи, могли бы имѣть весьма полезное вліяніе на рѣшеніе дѣлъ уголовныхъ.

Къ сожалѣнію, на практикѣ оныя не достигаютъ своей цѣли". Вотъ почему мы позволяемъ себѣ утверждать, что между этими проектами и судебными уставами положительно никакой органической связи не существуетъ, и что уставы могли изъ нихъ взять лишь отдѣльныя и только техническія, такъ сказать, улучшенія. Это, впрочемъ, какъ нельзя лучше доказывается и самымъ ходомъ судебной реформы. Не смотря на то, что, какъ мы видѣли, всѣ проекты не только были готовы, но уже и разсматривались Госуд. Совѣтомъ,—не смотря на это, когда въ 1861 г. Государь заинтересовался положеніемъ работъ и разсмотрѣлъ представленныя ему свѣдѣнія, то результатомъ было повелѣніе вернуться къ составленію и разрѣшенію главныхъ основныхъ началъ судопроизводства и судоустройства. Къ сожалѣнію, намъ не удалось прослѣдить тѣ конкретныя вліянія, которыя опредѣлили новое направленіе дѣла. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что важнѣйшую роль сыграло здѣсь паденіе крѣпостнаго права. При всей своей грандіозности эта реформа сама по себѣ ничего положительнаго не давала. Она устраняла огромное зло, которое желѣзнымъ кольцомъ охватывало рѣшительно всѣ стороны русской соціальной жизни и держало несчастную страну въ состояніи полнѣйшаго разложенія—какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго и умственнаго. Паденіе крѣпостнаго права, устраняя важнѣйшее зло, давало возможность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязывало двинуться впередъ, по пути организаціи гражданственности.

Это совершенно ясно сознавалось современниками еще въ то время, когда только шли приготовленія къ крестьянской реформѣ.—Такъ, очередныя собранія нѣкоторыхъ дворянскихъ губерній бывшія въ 1859 г., представили Государю адресы, въ которыхъ просили о введеніи другихъ реформъ, тѣсно связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ напр., о дарованіи суда присяжныхъ, объ ограниченіи произвола администраціи и т. д. Губернскіе комитеты въ основаніе реформы ставили учрежденіе общаго для всѣхъ независимаго суда

и строгое раздѣленіе властей. Крестьянская реформа, говорятъ Отеч. Зап. (1862 г. 12), была только очищеніемъ материка для постройки зданія: Какъ далеко простирались правительственные планы созидательной работы, видно между прочимъ изъ слѣдующаго сообщенія, напечатаннаго въ офиціозной газетѣ „Le Nord“ *). „Наши петербургскіе корреспонденты сообщаютъ свѣдѣнія о впечатлѣніи, которое произвелъ въ этомъ городѣ слухъ о конституціи, распущенный нѣкоторыми иностранными газетами. Въ русскомъ политическомъ мірѣ всѣ согласны съ тѣмъ, что доколѣ не прекратятся волненія въ Польшѣ, не можетъ быть и рѣчи о коренныхъ преобразованіяхъ. Императорское правительство считаетъ своимъ правомъ и своей обязанностью, руководствуясь примѣромъ прочихъ державъ, выждать возстановленія общественнаго спокойствія, прежде чѣмъ приступать къ политической реформѣ. Оно хочетъ положить прочныя основы этой реформѣ, и поэтому не хочетъ строить зданія на пескѣ“.

Первымъ шагомъ на этомъ пути и должна была явиться судебная реформа. Ея задача, важнѣйшая задача—служить фундаментомъ того зданія, которое тогда принимались строить. Повторяя офиціозное выраженіе, можно сказать, что безъ нея всякое зданіе дѣйствительно оказалось бы выстроеннымъ на пескѣ; какъ бы широко ни очертилъ законъ права гражданъ, но если нѣтъ надлежащей охраны ихъ, если правонарушеніе не можетъ быть легко и просто возстановлено, произволъ неизбѣженъ, и всякое право превращается въ фикцію. Съ другой стороны, нельзя забывать, что освобожденіе крестьянъ не только не уничтожило крѣпостническихъ инстинктовъ, культивировавшихся столѣтіями, но, напротивъ, на первыхъ порахъ заставило ихъ вспыхнуть съ особой силой. При тѣхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, въ которыхъ крестьяне оставались съ помѣщиками, крѣпостное право могло бы фактически возродиться въ тысячѣ разнообразныхъ формъ и видовъ, если

*) Мы заимствуемъ извѣстіе это изъ „Вѣсти“ за 1863 г. № 5.

бы эти сосѣди не были поставлены предъ лицомъ равнаго для обоихъ и безпристрастнаго суда, у котораго ничего не было бы въ прошломъ. Вотъ что опредѣлило, повидимому, новое направленіе работъ, вотъ что заставило отбросить все, что уже было готово, и начать работу сызнова, вотъ что побудило взять дѣло изъ рукъ гр. Блудова, которому оставлено было только высшее наблюденіе, и передать дальнѣйшее веденіе дѣла государственной канцеляріи подъ руководствомъ государственнаго секретаря Буткова.

Къ работамъ по выработкѣ основныхъ началъ были привлечены: Плавскій, оберъ-прокуроръ общаго собранія Моск. Департаментовъ Буцковскій, и. д. статсъ-секретарей Стояновскій и Зарудный, помощники статсъ-секретаря Даневскій и Шубинъ, оберъ-секретарь Побѣдоносцевъ, московскій губернскій прокуроръ Ровинскій и экспедиторъ госуд. канцеляріи Виллинбаховъ. Работа закипѣла въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ самое короткое время, 4—5 мѣсяцевъ, изготовлены были изложенныя въ особыхъ запискахъ соображенія: 1) объ основныхъ началахъ гражданскаго судопроизводства, 2) объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства, 3) объ основныхъ началахъ судоустройства, 4) объ особыхъ родахъ уголовнаго судопроизводства, 5) о переходныхъ мѣрахъ отъ существующаго нынѣ судебнаго порядка къ порядку новому, 6) о числѣ и штатахъ новыхъ судебныхъ учрежденій. 9 апрѣля 1862 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о внесеніи всѣхъ этихъ записокъ на разсмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго Государственнаго Совѣта въ усиленномъ составѣ. Присутствіе это образовалось, подъ предсѣдательствомъ кн. П. П. Гагарина, изъ членовъ Государственнаго Совѣта—принца П. Г. Ольденбургскаго, Н. И. Бахтина, А. Л. Гофмана, барона М. А. Корфа, А. В. Кочубея, Ф. П. Литке, П. А. Муханова, А. С. Норова, графа В. Н. Панина (бывшаго въ то время министромъ юстиціи) и И. М. Толстого. Въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло точно также двинулось съ необычайной быстротой. Первое засѣданіе состоя-

лось 28 Апрѣля. Засимъ, въ теченіе Мая было 9 засѣданій, въ Іюнѣ 5 засѣданій и, наконецъ, 30 Іюля состоялось заключительное. Отсюда дѣло перешло въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, гдѣ засѣданія имѣли мѣсто 27 Августа, 3 и 4 Сентября, а 29 Сентября уже воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе основныхъ положеній судебной реформы, послѣ чего онѣ были распубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

„Основныя положенія“ содержатъ не только одни важнѣйшіе принципы будущаго судебнаго устройства, въ нихъ встрѣчаются также и многія подробности организаціи. Всего имѣется 91 статья въ судоустройствѣ, 157 статей въ уголовномъ судопроизводствѣ и 138 въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Отдѣльныя части этихъ „положеній“ разработаны неравномѣрно. Такъ, съ одной стороны, мы находимъ, напр., указаніе, что мир. судьѣ отпускается изъ общаго земскаго сбора опредѣленная сумма на разъѣзды, наемъ письмоводителя и разсыльнаго, канцелярскіе расходы и т. п. (ст. 19 судоустр.), или что „назначенные по жребію засѣдатели приводятся въ самомъ судѣ къ присягѣ въ правдивомъ и внимательномъ исполненіи своихъ обязанностей; причемъ приводящее къ присягѣ духовное лицо объясняетъ имъ важность сихъ обязанностей“,—съ другой же, не указано и приблизительно, какой цензъ требуется для мировыхъ судей, а вѣдь отъ этого существенно зависитъ и самый характеръ института. Или, напр., совершенно обойденъ молчаніемъ столь важный вопросъ—о порядкѣ обжалованія рѣшеній съѣздовъ мир. судей, такъ что трудно судить, подлежатъ ли они вообще обжалованію; совершенно не упоминается, должны ли миров. судьи руководствоваться при постановкѣ рѣшеній какими-либо правилами и т. п. Учрежденію окр. судовъ посвящено 5 статей, а присяжнымъ засѣдателямъ—12 статей, присяжнымъ повѣреннымъ—15 и т. п. Объясненіе этому слѣдуетъ, повидимому, искать въ томъ, что составители „положеній“ считались съ реальными и воображаемыми противниками и выдвигали на центральное мѣсто тѣ пункты, которые могли

встрѣтить по своей новизнѣ или по противорѣчію съ прошлымъ наиболѣе серьезныя сомнѣнія и возраженія. Любопытно еще отмѣтить, что въ „положеніяхъ“ имѣется цѣлый рядъ статей, которыя содержатъ чисто отрицательныя постановленія. „Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется“. „Оставленіе въ подозрѣніи не допускается“. „Различіе подсудности по сословіямъ отмѣняется“. „Разсмотрѣніе судебныхъ приговоровъ по силѣ самаго закона отмѣняется“ и т. д. Отмѣняется вѣдь не только это, но весь вообще дѣйствовавшій тогда порядокъ. Однако составители сочли нужнымъ спеціально отмѣтить тѣ стороны, которыя представляли наиболѣе серьезное зло, словно желая успокоить, что избавленіе отъ тяготѣвшихъ надъ страною ужасовъ будетъ полное. Сводный журналъ Государственнаго Совѣта *), посвященный обсужденію „основныхъ положеній“, представляетъ объемистый томъ, около 400 стр. in folio, и отличается большой стройностью и послѣдовательностью. Госуд. Совѣтъ начинаетъ съ указанія на важнѣйшіе недостатки процесса. Это—смѣшеніе властей, сословные суды, многочисленность инстанцій, слѣдственный порядокъ, судъ по письменнымъ актамъ и теорія формальныхъ доказательствъ. Вопросъ о самостоятельности судей и независимости ихъ, къ удивленію, не стоитъ въ ряду этихъ важнѣйшихъ, sine qua non, условій, онъ разрѣшается между прочимъ, наряду съ объясненіемъ о необходимости повысить образовательный цензъ судей.

Исходя изъ указанныхъ недостатковъ, Госуд. Совѣтъ ставитъ твердо основное правило, что власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной. Это же начало повторяется и въ уголовномъ судопроизводствѣ: никто не можетъ быть наказанъ за преступленія или проступки, подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ надлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу,—и далѣе: „власть

*) Томъ XIX Дѣла о преобразованіи судебной части.

судебная принадлежитъ судамъ... безъ всякаго участія властей административныхъ“. При разсмотрѣніи этого вопроса въ Госуд. Совѣтѣ возникло разногласіе: Принцъ Ольденбургскій и графъ Панинъ находили, что слѣдуетъ предоставить администраціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ налагать наказанія, не передавая дѣла въ судъ. Это особенно необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда, несмотря на убѣжденіе административныхъ властей въ томъ, что оставленіе подозрѣваемаго на свободѣ можетъ быть опасно для общества, сіи власти не имѣютъ возможности представить юридическихъ доказательствъ вины подозрѣваемаго, или когда собраніе сихъ доказательствъ требуетъ многочисленныхъ розысканій, кои по свойству дѣла не могутъ быть предметомъ формальнаго изслѣдованія, прежде обнаруженія достаточныхъ уликъ“... Всѣ же остальные члены рѣшительно возстали противъ какихъ бы то ни было изъятій, на томъ основаніи, что если одна и та же власть и предъявляетъ требованіе и сама же обсуждаетъ послѣдствія его неисполненія, то очевидно, что обвиняемые не могутъ имѣть никакихъ огражденій отъ неправильнаго преслѣдованія ихъ. При соединеніи администраціи и суда въ однѣхъ рукахъ ничто не представляетъ ручательства въ томъ, что каждая изъ двухъ властей, административная и судебная, будетъ держаться въ ея естественныхъ предѣлахъ. По симъ причинамъ рѣшенія административныхъ властей по дѣламъ судебнымъ всегда внушаютъ къ себѣ недовѣріе, и всякое наказаніе, назначенное безъ суда, представляется произволомъ власти, возбуждающимъ ропотъ“. Результатомъ этого столкновенія мнѣній явилось, въ видѣ компромисса, примѣчаніе къ ст. 1 положеній угол. суд. „Административная власть принимаетъ, въ установленномъ закономъ порядкѣ, мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ“.

Въ тѣсной связи съ отдѣленіемъ судебной власти отъ административной стояло уничтоженіе слѣдственнаго порядка; разъ задавшись цѣлью освободить судъ отъ инород-

ныхъ элементовъ, составители пожелали вообще ограничить функціи суда разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ; чѣмъ меньше судъ будетъ участвовать въ собираніи и розысканіи доказательствъ, тѣмъ болѣе, представлялось тогда, онъ можетъ быть объективнѣе и безпристрастнѣе. Исходя отсюда, „положенія" объявляютъ, что „основною формой гражданскаго судопроизводства принимается процессъ состязательный". Сущность этого начала заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что судъ не долженъ идти дальше того, что стороны предлагаютъ его разсмотрѣнію, онъ долженъ брать спорное правоотношеніе въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ стороны ему таковое представляютъ, онъ не долженъ усиливать и ослаблять доказательства. Но, конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ стороны открыли суду правоотношеніе, онъ совершенно свободенъ и самостоятеленъ въ розысканіи и оцѣнкѣ истины. Эти именно начала и выражены въ дальнѣйшихъ статьяхъ основныхъ положеній. „Судъ приступаетъ къ производству дѣла не иначе, какъ вслѣдствіе исковаго прошенія, въ установленномъ порядкѣ поданнаго". „Всѣ необходимыя для разъясненія дѣла свѣдѣнія собираются самими тяжущимися". „Судъ можетъ требовать представленія тѣхъ только доказательствъ, на которыя сами тяжущіеся ссылаются, и повѣрять лишь тѣ, по которымъ объявленъ споръ лицами, противъ коихъ оные представлены", и, наконецъ,—„судъ не имѣетъ права ни постановлять рѣшенія о такихъ предметахъ, о коихъ не предъявлено требованіе, ни присуждать болѣе того, что требовалось тяжущимися".

Въ уголовномъ процессѣ отмѣченное стремленіе очистить судъ отъ постороннихъ примѣсей выразилось во введеніи обвинительной формы (проф. Фойницкій называетъ ее также состязательной), т. е. въ отдѣленіи судебной власти отъ обвинительной. „Обязанность непосредственно участвовать въ возбужденіи дѣлъ уголовныхъ—такъ разсуждалъ Госуд. Совѣтъ,—а тѣмъ болѣе въ распоряженіяхъ по розысканію преступленій и преслѣдованію виновныхъ, очевидно, несовмѣстима

съ призваніемъ суда. Вмѣшиваясь въ начатіе уголовнаго дѣла, и разрѣшая или предписывая тѣ или другія слѣдственныя дѣйствія, онъ можетъ себѣ невольно составить понятіе о свойствѣ подлежащаго слѣдствію дѣянія, или о винѣ заподозрѣннаго лица,—а это легко можетъ имѣть вліяніе на мнѣніе его при самомъ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣла. Словомъ всякое вмѣшательство суда въ начатіе или производство первоначальныхъ изысканій, для обнаруженія повода къ обвиненію подозрѣваемаго, противно первымъ условіямъ правосудія". Для устраненія этого зла основныя положенія и устанавливаютъ, что „преслѣдованіе виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ начинается и производится учрежденными для сего властями, кромѣ тѣхъ, означенныхъ въ законѣ, случаевъ, въ которыхъ оно можетъ быть начато не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ". Власть обвинительная, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ принадлежитъ прокурорамъ. Прокурору, какъ обвинителю, противопоставляется защитникъ подсудимаго. „Предварительное слѣдствіе повѣряется и дополняется на судебномъ". Однако основныя положенія не рѣшаются ввести состязательный процессъ въ его чистомъ видѣ. Предварительное слѣдствіе построено почти цѣликомъ на розыскномъ началѣ: оно можетъ быть возбуждаемо не только по предложенію прокуратуры и по жалобамъ частныхъ лицъ, но и по собственному усмотрѣнію суд. слѣдователя. Обвиняемый является не стороною, а объектомъ изслѣдованія слѣдователя, который разыскиваетъ и собираетъ доказательства.

Упомянутая уже нами отмѣна „теоріи доказательствъ, основанной единственно на ихъ формальности", и оставленія въ подозрѣніи поставили на очередь вопросъ о судѣ присяжныхъ. „Соединенные департаменты единогласно признали, что если рѣшеніе о винѣ или невинности подсудимаго будетъ постановляемо по внутреннему убѣжденію судей, то необходимо, чтобы составъ присутствія суда и способъ постановленія рѣшенія внушали къ себѣ довѣріе и представляли над-

лежащія ручательства въ томъ, что суды не употребятъ во зло власть, имъ ввѣренную. Условіями, внушающими общее довѣріе къ уголовному суду, обыкновенно почитаются: 1) отдѣленіе въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи, съ предоставленіемъ разрѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ судьямъ; 2) многочисленность судей, принимающихъ участіе въ рѣшеніи дѣла, и 3) широкое право отвода судей, какъ обвиняемымъ, такъ и обвинителемъ... Всѣ вышеобъясненныя условія полнаго довѣрія къ составу присутствія суда для дѣлъ уголовныхъ указываютъ прямо на существующій въ иностранныхъ государствахъ судъ присяжныхъ". Приходя къ такому выводу, „положенія" уже не считаютъ нужнымъ доказывать преимущества суда присяжныхъ, которыя тогда не подвергались сомнѣніямъ, а останавливаются только на вопросахъ о своевременности введенія этого института у насъ и на разборѣ „мнѣнія нѣкоторыхъ теоретиковъ, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ".

Указаніе на преждевременность введенія у насъ суда присяжныхъ основывается обыкновенно на томъ, что „народъ нашъ недостаточно еще развитъ, чтобы входить въ соображенія, требующія логическихъ выводовъ и достаточной степени образованности". Признавая самый фактъ, составители думаютъ, однако, что это обстоятельство представляетъ основаніе къ противоположному выводу, потому что такой именно народъ и нуждается въ особыхъ огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе. „Введеніе суда присяжныхъ въ Россіи болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между слоями общества, какъ у насъ, отъ чего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчается большое различіе".

Что же касается опасенія послѣдствій политическаго характера суда присяжныхъ, то Государственный Совѣтъ, отвергая—впрочемъ, безъ приведенія какихъ-либо доказательствъ—за судомъ присяжныхъ какой-либо политическій характеръ, полагаетъ, что „отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера“. Съ этой цѣлью предлагается допустить на первое время нѣкоторыя изъятія изъ общаго правила о рѣшеніи вопроса о виновности или невинности присяжными. Остановившись на этихъ соображеніяхъ, Госуд. Совѣтъ засимъ совсѣмъ не удѣлилъ вниманія коренному вопросу о томъ, какими предѣлами очерчивается роль прис. засѣдателей; заимствуемъ ли мы англійскій институтъ, согласно которому присяжные свободны лишь въ области признанія или непризнанія извѣстныхъ фактовъ, а если фактъ признанъ и отвѣчаетъ законнымъ признакамъ преступленія, то они обязаны вынести обвинительный вердиктъ,—или же мы слѣдуемъ континентальному законодательству, согласно которому лицо, совершившее преступленіе, можетъ быть оправдано, хотя бы не было на лицо никакой законной причины невмѣняемости. Въ ст. 88 основныхъ положеній по уст. угол. суд. говорится, что присяжные засѣдатели получаютъ на разрѣшеніе вопросы—о дѣйствительности событія, подавшаго поводы къ обвиненію, и о винѣ или невинности подсудимаго по предметамъ обвиненія. Отсюда явствуетъ, что признаніе преступленія совершеннымъ отнюдь не устраняетъ дальнѣйшаго вопроса о виновности лица совершившаго. А съ другой стороны, въ журналѣ засѣданій Госуд. Совѣта содержится категорическое указаніе на то, что „отъ присяжныхъ судей собственно требуется рѣшеніе того, изобличается ли подсудимый въ преступленіи, которое выставлено обвиненіемъ и слѣдствіемъ“. Эта неясность представленій послужила, какъ мы укажемъ дальше, источникомъ многочисленныхъ и серьезнѣйшихъ недоразумѣній. Во всякомъ случаѣ важно замѣтить, что здѣсь именно заключается центръ во-

проса о политическомъ характерѣ суда присяжныхъ: если имъ, по ихъ свободному усмотрѣнію, предоставлено рѣшать вопросъ о вмѣняемости, то, при существованіи разлада между закономъ и жизнью, всегда неизбѣжны систематическія отрицанія (или смягченія) вмѣняемости по отношенію къ тому или другому роду преступленій.

Намъ остается коснуться еще послѣдняго изъ указанныхъ Государственнымъ Совѣтомъ основныхъ недостатковъ дореформеннаго суда, многочисленности инстанцій и, неразрывно связаннаго съ этимъ, сословныхъ судовъ. Въ объясненіяхъ къ основнымъ положеніямъ гражд. процесса отмѣчается, что имѣется 16 инстанцій, а въ объяснительной запискѣ по вопросамъ угол. процесса напоминается, что, „кромѣ общаго порядка судопроизводства, существуетъ до 30 особыхъ видовъ производствъ (вплоть до особаго судопроизводства по дѣламъ о чиновникахъ развратнаго поведенія), изложенныхъ частью во 2 ч. XV т. Свода зак. угол., частью въ другихъ томахъ Свода“. Если не считать волостныхъ судовъ, которымъ подчинена многомилліонная масса крестьянства, то можно сказать, что съ сословностью Госуд. Совѣтъ порвалъ рѣзко и, вмѣсто многочисленныхъ инстанцій, проектировалъ только окр. судъ и суд. палату, въ качествѣ общихъ судебныхъ мѣстъ. При этомъ возникло существенное разногласіе: трое членовъ, гр. Панинъ, Бахтинъ и Гофманъ, предлагали, чтобы дѣла менѣе цѣнныя окр. судъ рѣшалъ окончательно *), болѣе цѣнныя начинались бы въ окр. судѣ, а по апелляціи восходили въ суд. палату, и, наконецъ, наиболѣе цѣнныя начинались бы въ суд. палатѣ и по апелляціи переходили въ Прав. Сенатъ. Но остальные члены, исходя изъ того начала, что „храмъ правосудія долженъ быть одинаково открытъ и для бѣднаго и для богатаго“, горячо доказывали, что право

*) Любопытное при этомъ было, между прочимъ, высказано соображеніе: исходъ дѣла „не заключаетъ въ себѣ какихъ-либо искушеній для честности судей“.

апелляціи не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ цѣны иска, что должно быть установлено однообразіе, въ видахъ чего суд. палатѣ должны быть предоставлены функціи исключительно апелляціоннаго суда, а вновь образуемые департаменты Сената должны только надзирать за единствомъ въ примѣненіи закона". Такое положеніе Сената составляетъ „необходимую принадлежность правильной системы судебнаго устройства". Но чтобы доказать практическую возможность осуществленія у насъ кассаціоннаго суда, большинству приходилось приводить даже и такія соображенія, какъ то, что „нѣтъ основаній опасаться, что сосредоточеніе Правительствующаго Сената по судебной части въ однихъ кассаціонныхъ департаментахъ и упраздненіе, вслѣдствіе того, лишнихъ департаментовъ судебныхъ, могутъ привести правительство къ какой либо несправедливой мѣрѣ въ отношеніи къ высшимъ сановникамъ, удостоеннымъ званія сенаторскаго", А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что если бы не осуществилась идея кассаціоннаго суда, судебная реформа не могла бы разсчитывать на такой блестящій успѣхъ. Какъ справедливо указывалось въ нашей юридической литературѣ, „въ основаніи довѣрія къ суду лежитъ одно убѣжденіе: что судебная дѣятельность отъ перваго и до послѣдняго шага — дѣятельность подзаконная, что личному усмотрѣнію въ ней абсолютно нѣтъ мѣста". Если же законъ толкуется различно, если сегодня выносится одно рѣшеніе, а завтра противоположное, если нельзя добиться авторитетнаго и однообразнаго разъясненія закона, то довѣріе къ суду, конечно, будетъ поколеблено и чувству законности, этой основѣ гражданскаго общежитія, будетъ нанесенъ серьезнѣйшій ущербъ.

Замѣнивъ безчисленные „суды и расправы" двумя общесословными судебными инстанціями, составители основныхъ положеній допустили, однако, рядъ изъятій, причемъ весьма характерно, что при обсужденіи почти всѣхъ этихъ изъятій между членами Госуд. Совѣта возникли разногласія. Такъ, гр. Панинъ и Мухановъ находили, что „представляется не-

обходимымъ оградить справедливое рѣшеніе дѣлъ объ имѣніяхъ, составляющихъ личную собственность особъ Императорскаго Дома возможными мѣрами". Но на это остальные члены убѣдительно отвѣчали, что „въ общемъ порядкѣ судопроизводства и безъ этого должны быть предписаны всѣ средства, какія только возможно изыскать къ справедливому и правильному разрѣшенію всѣхъ вообще тяжебныхъ дѣлъ". Тѣ же два члена находятъ, что, подобно всѣмъ прочимъ, и дѣла казны должно предоставить оканчивать примиреніемъ, на что большинство возражало, что примиреніе предполагаетъ допущеніе компромисса, „извѣстной уступки отъ принадлежащихъ правъ" а такія уступки недопустимы по отношенію къ казеннымъ интересамъ. Далѣе, по вопросу объ изъятіи изъ общаго порядка судопроизводства дѣлъ по преступленіямъ противъ вѣры все тотъ же гр. Панинъ находитъ необходимымъ сохранить дѣйствовавшій порядокъ внесенія приговоровъ чрезъ комитетъ министровъ на Высочайшее усмотрѣніе или окончательнаго утвержденія ихъ самимъ министромъ или губернскимъ начальствомъ, ибо комитетъ министровъ и министерства „руководствуются особыми секретными инструкціями, объявленіе которыхъ судебнымъ мѣстамъ было бы неудобно". Большинство на это возражало, что установленіе особаго порядка по разсматриваемымъ дѣламъ порождаетъ мысль о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, и находило вполнѣ возможнымъ „свѣдѣнія и соображенія, которыми нынѣ руководствуются министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, внести въ общій наказъ судебнымъ мѣстамъ". Единственное же изъятіе, допущенное большинствомъ, заключалось въ томъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, послѣдніе должны принадлежать къ православному вѣроисповѣданію.

Наиболѣе существенныя отступленія допущены для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Они изъяты изъ компетенціи прис. засѣдателей и для нихъ созданъ особый судъ — суд. палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Моти-

вируется это тѣмъ, что несмотря на всю свою важность, эти преступленія „не всегда и не во всѣхъ членахъ общества возбуждаютъ такое отвращеніе, какое возбуждаютъ другія преступленія, особенно если прикрываются ложною наружностью мнимаго желанія общественнаго блага. Наружность эта иногда такъ обманчива, что для многихъ людей, имѣющихъ неправильныя понятія о долгѣ гражданина и отношеніяхъ его къ правительству, самыя преступныя дѣла представляются совсѣмъ въ иномъ видѣ, получаютъ совсѣмъ другое значеніе и, вмѣсто строгаго заслуженнаго осужденія, встрѣчаютъ сочувствіе. При томъ политическія и соціальныя теоріи, направленныя противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обществѣ, имѣютъ столько оттѣнковъ, что отъ пустыхъ, почти невинныхъ, утопій и мечтаній доходятъ до самыхъ вредныхъ ученій, подрывающихъ даже возможность общественной жизни; но иногда и тѣ и другія людьми неопытными считаются равно ничтожными и безвредными. При такихъ условіяхъ предоставить присяжнымъ, избраннымъ обществомъ, разрѣшеніе вопроса о преступности и непреступности ученій... значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты“. Съ другой стороны, Государственный Совѣтъ боится и того, что иногда, напротивъ, населеніе увлекается мщеніемъ, потому для сохраненія довѣрія и уваженія къ институту прис. засѣдателей слѣдуетъ освободить его отъ этихъ дѣлъ. Важно лишь, по мнѣнію Госуд. Совѣта, помнить, что „общество“ всегда смотритъ съ недовѣрчивостью на преслѣдованіе преступленій государственныхъ судомъ негласнымъ и состоящимъ изъ судей, опредѣляемыхъ отъ правительства, отъ чего нерѣдко случается, что осуждаемые встрѣчаютъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи и наказаніе ихъ не достигаетъ своей цѣли“. Несмотря на столь широкія изъятія, и здѣсь гр. Панинъ сумѣлъ остаться при особомъ мнѣніи по вопросу о порядкѣ прекращенія слѣдствій по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Чрезвычайно странно, что наименѣе новшествъ внесено было

основными положеніями въ дореформенный порядокъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ. Эти правила, какъ то отмѣчается и въ журналѣ Госуд. Совѣта, болѣе нежели всѣ прочія существующія нынѣ правила судопроизводства, сходны съ предполагаемымъ вновь порядкомъ суда... Опасаясь, очевидно, упрека въ непомѣрномъ возвышеніи судебной власти надъ всѣми остальными, Госуд. Совѣтъ разсуждалъ, что судебные чины не должны вмѣшиваться въ дѣла административныя и потому прокуроръ по отношенію къ преступленіямъ должностныхъ лицъ долженъ ограничиться сообщеніемъ полученныхъ свѣдѣній начальству, а въ важныхъ случаяхъ донесеніемъ о томъ, непосредственно или въ порядкѣ подчиненности, министру юстиціи. Отсюда дѣлается неожиданный выводъ, „что судебное преслѣдованіе должностного лица должно быть начинаемо не иначе, какъ по постановленію начальства обвиняемаго о преданіи его суду". Слѣдовательно, если начальство желаетъ не выносить сору изъ избы своего вѣдомства, то прокуратура безсильна.

Безъ измѣненія оставленъ также порядокъ дисциплинарной отвѣтственности. Въ этихъ вопросахъ гр. Панинъ опять, даже дважды, остался при особыхъ мнѣніяхъ, которыхъ мы не приводимъ, въ виду того, что они касаются частностей. Но чтобы покончить вообще съ разногласіями, представляющими интересъ, ибо, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, вокругъ затронутыхъ ими вопросовъ сосредоточивалось вниманіе и общества и печати, отмѣтимъ еще, что по вопросу о гласности графъ Панинъ держался того мнѣнія, что въ Правительствующемъ Сенатѣ слѣдуетъ оставить судопроизводство негласное; что онъ же разрѣшалъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о представленіи залога при прошеніи о кассаціи рѣшеній, въ обезпеченіе ихъ правильности. Предложеніе это исходило изъ опасеній, что будутъ принесены въ большомъ количествѣ неправильныя жалобы и, такимъ образомъ, произойдетъ непомѣрное обремененіе судовъ. На это остальные члены возражали, что если на одной сторонѣ стоитъ задача

огражденія неприкосновенности и справедливаго примѣненія закона, то нельзя этимъ поступиться „единственно для облегченія судебныхъ мѣстъ и къ явному стѣсненію тяжущихся, съ лишеніемъ ихъ правъ послѣдней защиты“, тѣмъ болѣе, что рѣшено отказаться отъ дореформеннаго порядка и постановить въ основныхъ положеніяхъ правило, что „взысканіе штрафовъ за предъявленіе отвергнутаго иска и за подачу неуваженной апелляціи отмѣнено“.

Далѣе, по дореформенному порядку пересмотръ вступившихъ въ законную силу приговоровъ допускался только для облегченія участи осужденныхъ, а ни въ какомъ случаѣ не для усугубленія мѣры наказанія. Здѣсь оказался реформаторомъ въ числѣ трехъ членовъ тотъ же графъ Панинъ, предлагавшій допустить пересмотръ и оправдательныхъ приговоровъ. Реформа эта была отвергнута большинствомъ, находившимъ, что такое правило совершенно уничтожило бы значеніе предполагаемой отмѣны оставленія въ подозрѣніи. Мнѣніе одного члена (опять же гр. Панина) возобладало въ вопросѣ о представленіи по укоренившемуся порядку на Высочайшее утвержденіе приговоровъ о лишеніи дворянъ и чиновниковъ всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и о снятіи орденовъ и другихъ знаковъ отличія, распространивъ еще это правило на православныхъ священнослужителей всѣхъ степеней духовной іерархіи (ст. 112 полож. уголовн. судопр.). Мнѣніе это основано было на томъ, что данное правило связано съ вопросомъ о сословныхъ привилегіяхъ, не подлежащихъ нынѣ разсмотрѣнію Госуд. Совѣта. Большинство же утверждало, что „когда правительство въ сознаніи насущной потребности государства и общаго желанія всѣхъ сословій, а въ томъ числѣ и дворянскаго, предпринимаетъ по судебному устройству коренное преобразованіе, проникнутое духомъ равенства всѣхъ передъ судомъ, когда преобразованіе это клонится къ дѣйствительному осуществленію и развитію, находящагося и нынѣ въ числѣ коренныхъ нашихъ законовъ правила, что всѣ лица, безъ различія званій и чиновъ, должны

пользоваться судомъ равнымъ, справедливымъ и безотлагательнымъ.... не можетъ быть никакихъ причинъ къ установленію... для... дворянъ и чиновниковъ какого-либо изъятія". Далѣе, гр. Панинъ настаивалъ на сохраненіи депутатовъ отъ сословій при производствѣ слѣдствія, вопреки мнѣнію всѣхъ остальныхъ; считавшихъ этотъ институтъ, по опыту прошлаго, совершенно безполезнымъ и лишь замедляющимъ ходъ слѣдствія. Съ другой же стороны, это большинство (къ графу Панину здѣсь присоединился еще Бахтинъ) предполагало постановить, что „признаніе подозрѣваемаго и всякое иное показаніе, имѣющее важное для слѣдствія значеніе, удостовѣряется не однимъ слѣдователемъ, но и подписью постороннихъ лицъ, въ присутствіи коихъ показаніе должно быть прочитано и подтверждено подозрѣваемымъ". Это предложеніе, однако, въ основныхъ положеніяхъ не прошло. Еще гр. Панинъ предлагалъ не считать обязательнымъ для суда ходатайство прис. засѣдателей о смягченіи наказанія подсудимому, но остальные члены указывали, что „при дѣйствіи нашихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ строгихъ, законовъ о наказаніяхъ должно дать присяжнымъ подобное право, дабы отнять у нихъ неизбѣжное безъ того побужденіе къ оправданію такихъ преступниковъ, которые, въ случаѣ признанія ихъ виновными, подлежали бы по закону строгому наказанію". Согласно съ этимъ, основныя положенія устанавливаютъ, что присяжные засѣдатели къ своему вердикту могутъ присовокупить, что подсудимый по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія.

Чрезвычайно важное разногласіе возникло въ области судоустройства по вопросу объ участіи губернатора въ составленіи очередныхъ списковъ прис. засѣдателей. Гр. Панинъ находилъ, что здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду охраненіе общественнаго порядка и потому „слѣдуетъ предоставить губернскому начальнику выборъ изъ списка присяжныхъ тѣхъ, кои призваны будутъ на каждое засѣданіе для исправленія возложенныхъ на нихъ обязанностей". Остальные члены на-

ходили, что въ такомъ случаѣ — присяжные засѣдатели въ общественномъ мнѣніи обратились бы въ губернаторскихъ коммисаровъ. А между тѣмъ, „насколько справедливый приговоръ успокаиваетъ общество пресѣченіемъ дѣйствительнаго зла и предупрежденіемъ его повторенія, настолько же, если еще не болѣе, приговоръ несправедливый возмущаетъ общество какъ страхомъ незаслуженнаго преслѣдованія или безнадежностью найти защиту въ судѣ, такъ и естественнымъ чувствомъ отвращенія отъ всякой неправды, а тѣмъ болѣе отъ неправды, вооруженной властью... Для спокойствія и благосостоянія общества ему необходима увѣренность въ справедливости приговоровъ судебной власти... Губернаторы, потому именно что они суть первые въ губерніяхъ блюстители пользъ государства и общественнаго порядка, должны принимать сколь возможно менѣе участія въ избраніи присяжныхъ, дабы не подать никакого повода къ подозрѣнію, что судъ присяжныхъ составленъ, въ одностороннихъ видахъ обвиненія, изъ агентовъ административной власти, и не подорвать тѣмъ довѣрія къ этому учрежденію“... Однако, вслѣдъ за этими категорическими разсужденіями, члены тутъ же идутъ на компромиссъ, говоря, что „конечно, начальниковъ губерній не слѣдуетъ вовсе устранять отъ наблюденія за порядкомъ избранія присяжныхъ, который можетъ имѣть весьма важное по своимъ послѣдствіямъ вліяніе на главные предметы вѣдомства этихъ начальниковъ, на интересы, ввѣренные ихъ высшему надзору и охраненію“. По этимъ соображеніямъ, гг. члены и проектировали правило, что общіе списки, составленные по каждому округу, представляются губернатору и „губернаторъ, получивъ ихъ, повѣряетъ, соблюдены ли при составленіи ихъ предписанныя закономъ условія, и исключивъ лица, неправильно туда внесенныя, препровождаетъ исправленные на семъ основаніи списки, для опубликованія ихъ во всеобщее свѣдѣніе, въ особыя мѣстныя комиссіи“.

Таковы важнѣйшія разногласія, возникшія при обсужденіи

основныхъ положенiй. И хотя, какъ мы видѣли, большинство (пожалуй—даже и всѣ) изъ нихъ вызывалось участiемъ одного лица—гр. Панина, о роли котораго въ дѣлѣ нашего правосудiя намъ уже приходилось говорить выше, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, и общественное мнѣнiе сосредоточилось вокругъ тѣхъ же вопросовъ.

Переходимъ затѣмъ къ вновь созданному институту мировыхъ судей, которому составители основныхъ положенiй придавали чрезвычайно серьезное значенiе. „Званiе его, т. е. мироваго судьи, должно имѣть великую важность въ устройствѣ суда и судебнаго управленiя. Въ его лицѣ предполагается дать мѣстнымъ обывателямъ не только ближайшее средство для разрѣшенiя пререканiй о правѣ въ дѣлахъ, требующихъ прежде всего скораго рѣшенiя на мѣстѣ и нагляднаго знанiя мѣстныхъ обстоятельствъ и отношенiй, но вмѣстѣ съ тѣмъ и посредника для соглашенiя требованiй, которыя весьма часто только въ началѣ кажутся противоположными, но, возникая изъ взаимныхъ недоразумѣнiй, могутъ быть соглашены разъясненiемъ этихъ недоразумѣнiй, при посредствѣ лица, пользующагося довѣрiемъ обѣихъ сторонъ“. Выяснивъ затѣмъ, что для достиженiя этой цѣли нужно предоставить избранiе мир. судей изъ числа землевладѣльцевъ всѣмъ сословiямъ, журналъ продолжаетъ: „Живое сочувствiе, которымъ всѣ благомыслящiе люди встрѣтили учрежденiе мировыхъ посредниковъ, позволяетъ надѣяться, что неменьшимъ сочувствiемъ будетъ пользоваться и учрежденiе миров. судей. Нельзя и думать, чтобы наше общество осталось равнодушнымъ къ столь важному назначенiю“. Для мировыхъ судей устанавливается рядъ существенныхъ отступленiй отъ общаго порядка судопроизводства, гарантирующаго правильное разсмотрѣнiе дѣлъ, и эти отступленiя мотивируются тѣмъ, что „въ малоцѣнныхъ дѣлахъ не столько нужно опасаться ошибокъ, какъ заботиться объ удовлетворенiи другой потребности обиженнаго—получить скорое удовлетворенiе, и при томъ. по преимуществу, на мѣстѣ“. Для достиженiя этой

цѣли положено было освободить мир. судопроизводство отъ всякихъ пошлинъ, отъ письменной формы и вообще отъ строгаго формальнаго производства. „Мировые судьи обязаны: выслушивать обѣ стороны, дозволять каждой представлять свои объясненія и, предлагая имъ съ своей стороны нужные вопросы, объяснять существо дѣла, права той и другой стороны, не стѣсняясь ни очередью, ни числомъ и пространствомъ объясненій. Миров. судьѣ необходимо предоставить производить разбирательства по ближайшему его усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами дѣла“. Въ тѣхъ же цѣляхъ производство у мир. судей освобождалось отъ всякихъ судебныхъ сборовъ (пошлинъ, гербоваго, канцелярскаго). Наряду съ этимъ, однако, остался безъ прямого разрѣшенія наиболѣе существенный вопросъ о томъ, чѣмъ руководствуется мировой судья при постановленіи рѣшенія. Иначе говоря—является ли онъ судьей совѣсти или для него такъ же обязателенъ матеріальный законъ, какъ и для общихъ судовъ? Этотъ вопросъ затронутъ лишь косвенно, при разсмотрѣніи порядка обжалованія рѣшеній мир. судей. Здѣсь произошло разногласіе. Три члена (Принцъ Ольденбургскій, кн. Гагаринъ и гр. Панинъ) предлагали установить категорическимъ принципомъ, что мир. судья не принадлежитъ къ числу общихъ судебныхъ инстанцій; мировое разбирательство отдѣляется отъ общаго судебнаго, сообразно съ чѣмъ и жалобы на неокончательныя рѣшенія мировыхъ судей должны направляться въ съѣздъ, который состоитъ изъ всѣхъ мир. судей уѣзда и собирается въ опредѣленные сроки. Однимъ изъ важнѣйшихъ основаній этого мнѣнія выставлялось то именно обстоятельство, что „рѣшеніе говорится по совѣсти“. Напротивъ, остальные 8 членовъ, высказываясь за обжалованіе неокончательныхъ рѣшеній мир. судей въ окружные суды, находили, что „мир. судья долженъ служить основаніемъ всей системы судоустройства и рѣшенія его будутъ обязательны для большинства народонаселенія въ государствѣ; потому вмѣнить ему въ обязанность руководствоваться не закономъ

для всѣхъ единымъ, а совѣстью, столь же разнообразной, сколько есть разныхъ личностей, не значитъ ли подорвать благодѣтельное дѣйствіе закона и совершеніе правосудія отдать на произволъ отдѣльныхъ личностей"? Если бы это случилось, то „не станетъ ли многочисленный классъ мировыхъ судей смотрѣть на себя, какъ на привилегированное, поставленное внѣ дѣйствія закона сословіе, призванное для того, чтобы дѣйствовать по произволу, а не по закону, а такое правило, потрясая непоколебимость закона, не унизитъ ли этимъ, въ глазахъ большинства народонаселенія, его значеніе"? Какъ извѣстно, законъ принялъ мнѣніе меньшинства, но отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ заключать, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, что „мировые судьи поставлены въ законѣ судьями совѣсти". Пока же упомянемъ еще о двухъ новыхъ институтахъ, вводимыхъ основными положеніями: судебныхъ приставахъ и присяжныхъ повѣренныхъ. Судебные пристава предназначались, главнымъ образомъ, для приведенія въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ. Составители основныхъ положеній правильно разсуждали, что выигрышъ процесса въ судѣ еще только половина успѣха: нужно привести въ исполненіе постановленныя судомъ рѣшенія. А эта часть находилась въ завѣдываніи полиціи и послѣ всего описаннаго въ І-й главѣ едва ли нужно выяснять, въ какомъ положеніи полиція эту часть содержала. Что касается присяжныхъ повѣренныхъ, то, за смертью Императора Николая I, настаивавшаго, что при немъ въ Россіи не будетъ адвокатовъ, такъ какъ они, по его мнѣнію, погубили Францію, учрежденіе ихъ теперь уже не встрѣтило препятствій, но, можетъ быть, вліяніе этого страха сказалось въ изобрѣтеніи столь неуклюжаго названія—прис. повѣренный, ничего общаго не имѣющаго съ французскимъ „avocat". Со стороны меньшинства (графъ Панинъ и Мухановъ) институту прис. повѣренныхъ грозила существенная опасность, ибо они предлагали предоставить тяжущимся давать довѣренности на веденіе дѣлъ кому имъ угодно. Большинство пошло на ком-

промиссъ и согласилось ввести это правило временно, впредь до признанія въ томъ или другомъ округѣ количества присяжныхъ повѣренныхъ достаточнымъ. Важнѣйшій моментъ въ учрежденіи разсматриваемаго института заключается въ предоставленіи повѣреннымъ избирать изъ своей среды совершенно самостоятельно и независимо совѣтъ, который имѣетъ право своей властью подвергать повѣренныхъ различнымъ наказаніямъ, вплоть до исключенія изъ сословія. Заботясь о чистотѣ сословія, „положенія" требуютъ, чтобы, во избѣжаніе недоразумѣній, условія, заключаемыя повѣренными съ довѣрителями, были письменныя, и чтобы ни присяжные повѣренные ни ихъ жены не покупали или инымъ образомъ не пріобрѣтали правъ своихъ довѣрителей по ихъ тяжбамъ *).

---

*) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю сущность „основныхъ положеній" судебной реформы была очень удачно изложена въ 29 пунктахъ, которые мы и приводимъ ниже, въ приложеніи.

IV.

Отношеніе общества и повременной печати къ „основнымъ положеніямъ".

Таковы въ общемъ основныя положенія, Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 г. и оглашенныя засимъ во всеобщее свѣдѣніе. Независимо отъ этого, „положенія" были разосланы въ судебныя мѣста, университеты и т. д. съ предложеніемъ прислать свои замѣчанія не позже 1 Декабря. Опубликованные проекты составили крупнѣйшее событіе дня и, по обыкновенію, на призывъ общество откликнулось весьма горячо. Правда, въ „Современникѣ" (1863 г. 94 т.) говорится о томъ, что общество приняло извѣстіе о судебномъ преобразованіи довольно холодно и журналъ объясняетъ это тѣмъ, что мы перестали надѣяться, что такія преобразованія могутъ въ одинъ мигъ измѣнить самыя основы нашего быта и что теперь „публика ожидаетъ реформы, и даже съ благодарностью, пожалуй, принимаетъ ее, но обсуждаетъ ее уже не съ одной технической стороны, но въ соотвѣтствіи съ тѣмъ жизненнымъ и политическимъ строемъ, въ которомъ она должна заявить свою силу. Однимъ словомъ, требованія публики относительно реформы не ограничиваются одною буквою реформы, а идутъ куда-то далѣе; это „далѣе" и представляетъ именно ту совокупность условій, среди которыхъ должна жить реформа: онѣ могутъ дать ей жизнь дѣйствительную, и онѣ же могутъ низвести ее на степень мертвой буквы". Конечно, теперь очень трудно было бы конкретизировать общественное мнѣніе того времени; но

несомнѣнно, что такія подозрѣнія и опасенія присущи были только наиболѣе чуткимъ и осторожнымъ людямъ *). Во всякомъ случаѣ реформа обсуждалась очень горячо **), не было положительно ни одного журнала, который не открылъ бы своихъ столбцовъ вопросу о намѣченныхъ судебныхъ преобразованіяхъ. Что же касается замѣчаній отдѣльныхъ лицъ, то не смотря на краткій срокъ (онъ опредѣлялся приблизительно въ $1^1/_2$ мѣсяца), ихъ посыпалось великое множество и изъ различныхъ мѣстъ, не исключая самыхъ отдаленныхъ захолустій. Всѣ эти замѣчанія (числомъ около 400) воспроизведены въ неприкосновенномъ ихъ видѣ въ 6-ти большихъ томахъ, составляющихъ около 3500 страницъ in folio, здѣсь и стряпчіе, и судьи, и засѣдатели, и предсѣдатели, и частныя лица, и чиновники другихъ вѣдомствъ. Тутъ съ одной стороны имена, ставшія засимъ извѣстными всей образованной Россіи—К. П. Побѣдоносцевъ, Ровинскій, Мотовиловъ, Люминарскій, П. Александровъ (знаменитый впослѣдствіи адвокатъ), а съ другой—тутъ же и курмышскій дворянскій засѣдатель Василисовъ, и пружанскій уѣздный судья Выслоуха, и пирятинскій уѣздный стряпчій Глоба, и валдайскій помѣщикъ Щукинъ, и бессарабскій уроженецъ Кречунеско. Безучастно отнеслись къ общественному дѣлу, какъ это, впрочемъ, обыкновенно съ ними случается, лишь представители офиціальной науки. Среди многочисленныхъ отзывовъ имѣются только два профессорскихъ; одинъ принадлежитъ профессору Ришельевскаго лицея А. М. Богдановскому и содержитъ не-

---

*) Вотъ какъ выражается, напр., Валковскій уѣздный судья: „Не могу умолчать, что эти положенія встрѣчены обществомъ съ тѣмъ благоговѣйнымъ восторгомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ важности и благодѣтельности настоящей реформы въ судебной части. Во всѣхъ слояхъ давно чувствуется необходимость измѣнить отжившую форму судопроизводства форму до того лишенную жизненнаго начала, что вѣру въ правосудіе, въ дѣйствіе и силу закона утратили даже вѣрные слуги Θемиды".

**) „Я счелъ за стыдъ и грѣхъ остаться безгласнымъ" пишетъ Енотаевскій дворянскій засѣдатель.

значительныя частныя замѣчанія, а другой извѣстному профессору Чебышову-Дмитріеву, который начинаетъ признаніемъ, что „русскіе профессоры юристы едва ли способны подать въ этомъ дѣлѣ полновѣсный голосъ. Конечно, требованія науки намъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны, но условія и требованія русской жизни покрыты для насъ такимъ же мракомъ неизвѣстности, какъ и дѣйствія нашихъ судебныхъ мѣстъ. О Россіи мы знаемъ чрезвычайно мало, а тѣ немногіе факты, которые намъ сообщаетъ литература, требуютъ строгой повѣрки, потому что у многихъ изъ пишущей братіи—у каждаго, по выраженію Гоголя, „своя Россія въ головѣ“—и онъ видитъ не то, что есть, а то, что ему хочется видѣть. Въ комиссіи же безъ сомнѣнія сосредоточены всѣ нужныя свѣдѣнія и она имѣетъ недоступныя для частныхъ лицъ средства какъ собирать потребные для себя матеріалы, такъ и провѣрить факты, сообщаемые русской литературой“.

Обращаясь къ этимъ отзывамъ, необходимо прежде всего замѣтить, что, какъ и слѣдовало ожидать, разнообразію ихъ происхожденія вполнѣ соотвѣтствуетъ и пестрота содержанія: здѣсь говорится не только о судебномъ преобразованіи, но и о конокрадствѣ, о тюрьмахъ, о школахъ нравственности; есть отзывы, которые по своей курьезности граничатъ съ анекдотичностью. Такъ, предсѣдатель черниговской палаты гражд. суда Тризна, въ видахъ организаціи правильной гласности, предлагаетъ „установить премію за лучшее сочиненіе исторіи о судѣ“,... которая „должна ограничиваться не болѣе какъ мѣстностью, входящею въ предѣлы власти суд. палатъ, а самая премія для сочинителей исторіи о судѣ можетъ быть собираема съ служащихъ по судебной части и тѣхъ пожертвованій, которыя, вѣроятно, будутъ предложены частными лицами, имѣющими достатокъ и сознающими, что исторія о судѣ, какъ правда о правдѣ, есть назидательнѣйшая повѣсть общественной жизни. Исторіи о судѣ убоится всякій, у кого не извращена природа человѣка“. Тихвинскій уѣздный стряпчій Нѣмовъ предлагалъ, чтобы „присяжный повѣренный, по

разсмотрѣніи дѣла, объявлялъ подсудимому, въ какой степени находитъ его невиннымъ, въ чемъ и защищаетъ своего паціента. Если же виновность подсудимаго очевидна, такъ что безъ искаженія истины ничего нельзя сказать въ пользу обвиняемаго, прис. повѣренный долженъ отказаться отъ защищенія. О чемъ печатается въ вѣдомостяхъ окр. суда съ изложеніемъ причинъ отказа“ *).

Пестрота доходитъ до того, что встрѣчается предложеніе, которое, по всей справедливости, можно счесть предвосхищеніемъ института земскихъ начальниковъ. Ельнинскій уѣздный стряпчій Холодковскій доказываетъ необходимость въ деревнѣ власти, которая вела бы жителей своего участка къ тѣмъ цѣлямъ, которыя правительствомъ указаны будутъ, и власть эта должна быть не только карательною, но и попечительною. —И тѣмъ не менѣе, при всей пестротѣ этихъ отзывовъ, они, уже при бѣгломъ просмотрѣ, оказываются глубоко проникнутыми единымъ духомъ, скованы однимъ желаніемъ. Съ внѣшней стороны ихъ объединяетъ приподнятый тонъ, страстное отношеніе къ разсматриваемому вопросу; съ внутренней-же—рѣшительно въ каждой строчкѣ такъ и сквозитъ злобная ненависть къ произволу. Здѣсь несомнѣнно желанія шли дальше тѣхъ граней, которыя были намѣчены въ основныхъ положеніяхъ. Произволъ казался столь невыносимымъ, возможность возрожденія его представлялась столь ужасною, что естественно возникало стремленіе обрубить всѣ его корни, похоронить его такъ, чтобы отъ него и помину не осталось. До чего охватила всѣхъ эта жажда законности, можно судить хотя бы по такому примѣру: астраханскій уѣздный судья, который въ своемъ отзывѣ на первое мѣсто поставилъ вопросъ о томъ, что въ положе-

---

*) Приведемъ еще любопытную по своему стилю цитату: „введеніе новаго порядка суда неизбѣжно обѣщаетъ инкрустацію въ духѣ Россіи свѣтлыхъ линій ума, въ интересахъ стройности и водворенія красоты, развитіемъ изящной стороны великой драмы жизни“.

ніяхъ не выяснено, какое мѣсто долженъ занимать судебный слѣдователь за присутственнымъ столомъ, такъ что являющемуся нынѣ въ присутствіе суд. слѣдователю невозможно указать стулъ, гдѣ ему правильно сѣсть, не нарушая табели о рангахъ,—и этотъ захолустный церемоніймейстеръ протестуетъ противъ предоставленія губернатору дискреціоннаго права контролировать составленный комиссіей списокъ присяжныхъ засѣдателей. Въ нестройномъ хорѣ раздались, конечно,—впрочемъ, вполнѣ одинокіе,—голоса о сохраненіи тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ институтовъ дореформенной организаціи; предлагалось сохранить оставленіе въ подозрѣніи, формальную теорію доказательствъ; высказывались опасенія относительно суда присяжныхъ; говорилось, что „освобожденные изъ крѣпостной зависимости крестьяне ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть судьями надъ прежними своими владѣльцами, ибо... это можетъ возбудить ропотъ цѣлаго дворянскаго сословія“ и т. д. и т. д. Но не было ни одного голоса, который высказался бы противъ новыхъ предложеній вообще и за старый порядокъ. По этому вопросу уже не существовало двухъ мнѣній, всѣ жадно рвались къ свѣту закона и права. Чтобы судить о настроеніи представителей тогдашняго общества, мы позволимъ себѣ привести изъ массы отзывовъ замѣчанія Сорокскаго уѣзднаго прокурора Голишевскаго, чрезвычайно типичныя и несомнѣнно весьма дальновидныя:

„Наконецъ великое дѣло преобразованій совершается! Мы радуемся, мы торжествуемъ. Мы только горячо желаемъ, чтобы преобразованія эти, какъ можно скорѣе, были введены въ дѣйствіе. Къ чему же крики малодушія возмущаютъ нашу радость? Зачѣмъ эти сомнѣнія, что мы еще не подготовлены, что общество наше стоитъ на такой низкой степени развитія? Право, жаль этихъ малодушныхъ крикуновъ, невѣрящихъ ни въ здравый смыслъ народа, ни въ безошибочное чутье его истины, добра и правды, ни въ достаточное развитіе нашего общества. Мы готовы, и готовы принять самыя рѣшительныя преобразованія.

Да вина-ли общества, если оно въ самомъ дѣлѣ стояло на низкой степени развитія и если правительство всегда шло впередъ? Это только доказывало ненормальное состояніе этихъ элементовъ въ государствѣ. Правительство шло всегда отдѣльно отъ общества; тогда какъ эти два дѣятеля должны идти всегда вмѣстѣ: между тѣмъ они были постоянно чужды другъ другу. Общество не имѣло ни жизни, ни воли; правительство развивалось само въ себѣ и для самого себя только. Отъ того-то и непризнаніе народомъ и правительствомъ общаго интереса за свой собственный. Народъ всегда считалъ правительство противодѣйствующимъ его интересамъ. А между правительствомъ и народомъ должна существовать вѣчная, невозмутимая гармонія. Всякое постановленіе должно истекать прямо изъ жизни народной; тогда оно сознательно благотворно, живительно. Законъ есть произведеніе свободно-разумной воли человѣческой, которою потомъ онъ руководитъ. При такомъ раздвоеніи правительства и народа не могло быть общаго обоюднаго признанія.

Въ Англіи народъ и правительство, общество и право развиваются вмѣстѣ: отъ того тамъ полное, обоюдное признаніе, отъ того тамъ законъ есть общее произведеніе и общее достояніе. Наше же общество не участвовало ни въ чемъ: оно находилось въ омертвѣніи. Только мощная десница отца народа Императора Александра II воскресила его, призвала къ жизни—оно воспрянуло и заживетъ разумно, широко: не нужно только преградъ...

Напротивъ, нужно проводить преобразованія быстрѣе и рѣшительнѣе: медленность въ преобразованіяхъ всегда портитъ; для нихъ необходимо всеобщее дружное участіе.

Полумѣры никогда не ведутъ къ цѣли: они почти всегда гибельны; нужно разомъ все пересоздать. Ибо, если прежній порядокъ нехорошъ, то слѣдуетъ его уничтожить совсѣмъ, а не отчасти—не мѣшать новаго со старымъ.

Теперь мы всѣ призваны къ дѣлу преобразованій: это дѣлаетъ честь правительству; ибо если оно и прогрессивно

и либерально, то должно питать болѣе довѣрія къ народу, не отдѣлять его отъ себя. И въ самомъ дѣлѣ; отчего только правительство должно отыскивать наши нужды, которыхъ оно, можетъ быть, и не знаетъ хорошо? Отчего мы не въ правѣ заявить ихъ сами, обсудить, порѣшить? Вѣдь общество тогда только можетъ быть совершенно спокойно о своемъ благѣ, когда оно участвуетъ въ его совершеніи; иначе оно должно стремиться, желать. Притомъ, государство—это огромная семья: но и въ семьѣ важнѣйшія дѣла рѣшаются въ общемъ совѣтѣ.

А верховная власть должна отражать душу народа; верховная воля должна сообразоваться съ волею народа, олицетворять ее. Разумная воля не должна быть стѣсняема. Между правительствомъ и народомъ должно существовать ничѣмъ невозмутимое согласіе: это обоюдный, добровольный договоръ, основанный на вѣчной неизмѣнной правдѣ. Народа нельзя отдѣлять отъ царя, какъ туловища отъ головы: ибо произойдетъ смерть; туловище столько же содѣйствуетъ головѣ, сколько она ему.

Благо общества заключается въ постоянномъ усовершенствованіи, которое возможно только при гармоніи его дѣятелей—народа и правительства. Любовь монарха къ народу выражается, больше всего, свободою заявлять о своихъ нуждахъ, излагать свою разумную волю. Слѣдовательно, всѣ общественные вопросы не должны разрѣшаться державною только волею, безъ участія воли народа.

Увольненіе крестьянъ совершено безъ участія народа: отъ того оно не отражаетъ въ себѣ души его. Но крестьянскій вопросъ разрѣшенъ: рабъ сталъ человѣкомъ, а человѣку нужны преобразованія, такъ какъ все основано на взаимныхъ соотношеніяхъ.

Дѣло преобразованія судебной части важнѣе, однакоже, освобожденія крестьянъ: это освобожденіе правды.

И политическаго смысла даже мы не могли имѣть: ибо не жили вовсе; насъ теперь только вызвали къ жизни; но нужды свои мы знаемъ и знаемъ.

Можно ли, послѣ всего этого думать, что мы не подготовлены къ реформамъ? Мы и подготовлены и способны; но способность эта была въ насъ замертвѣлая, находилась въ состояніи инерціи. Говорить, что мы не подготовлены, значитъ отрѣшать насъ отъ всего остального человѣчества, уединять насъ; тогда какъ мы составляемъ звено человѣчества: ибо, хотя народы развиваются отдѣльно, имѣютъ свои особенныя идеи; однако все должно имѣть связь общечеловѣческую, такъ какъ идеи добра, правды и истины суть достояніе общечеловѣческое. Народы проходятъ, но человѣчество не проходитъ. Это доказываетъ исторія—зеркало жизни народовъ: она не думаетъ объ отдѣльномъ народѣ, а о томъ, чтобы человѣчество было все цѣло.

Такимъ образомъ намъ нечего бояться преобразованій: будемъ смѣло идти по пути развитія и возможнаго совершенства, какое намъ Богъ предназначилъ. Намъ нужно жить жизнью всего человѣчества, переработать всѣ начала, всѣ условія этой общечеловѣческой жизни. Если мы не жили, то зато жило человѣчество: что оно пріобрѣло, — мы должны привить къ нашей воскресшей жизни и воплотить преобразованія, какъ общечеловѣческое благо, на которое работали для человѣчества всѣ передовые народы.

А что преобразованія скоро и легко прививаются, тому, между прочимъ, доказательствомъ Ганноверъ, гдѣ было едва-ли не хуже, чѣмъ у насъ. Между тѣмъ гласность судопроизводства, закономъ 8 ноября 1850 года, введена была вдругъ, и самые старые предсѣдатели и адвокаты съ восторгомъ ее приняли; тоже самое было и въ Піемонтѣ. Это доказываетъ, что не нужно никакой постепенности“.

Приведенная цитата, пожалуй, даетъ поводъ предположить, что отзывы на выработанныя основныя положенія не содержатъ ничего, кромѣ громкихъ фразъ. Такое предположеніе тѣмъ болѣе возможно, что у насъ вообще существуетъ тенденція считать шестидесятые годы безсмысленной говорильней. Нѣтъ ничего неправильнѣе такого предположенія. Одухотворенные

столь же смѣлыми, сколь и опредѣленными стремленіями, люди этой замѣчательной эпохи умѣли сочетать широкіе горизонты съ интересомъ къ частностямъ. И тотъ же уѣздный прокуроръ, вслѣдъ за приведенной общей оцѣнкой реформы, переходитъ къ подробному разсмотрѣнію отдѣльныхъ постановленій и не забываетъ указать, что въ „Сорокскомъ уѣздѣ около 120 тысячъ душъ съ городомъ, поэтому должно учредить 4 участковыхъ и 8 почетныхъ мировыхъ судей, изъ коихъ 1 участковый и 2 почетныхъ должны жить въ городѣ, къ вѣдомству коего можно было бы присоединить Околинскую и Бодичанскую волости, и остальные въ деревняхъ, каждому по 3 волости, но съ тѣмъ чтобы по одному участковому было назначено въ мѣстечкахъ Атакахъ и Рашковѣ". Вообще вопросъ о примѣненіи основныхъ положеній къ отдѣльнымъ мѣстностямъ въ имперіи занимаетъ въ замѣчаніяхъ весьма видное мѣсто. Тогда вѣдь еще никому въ голову не приходило, что даже ранѣе изданія закона поднимутся иныя вѣянія и что реформа ограничится только С.-Петербургскимъ и Московскимъ округами, и поэтому основныя положенія примѣривались и къ сѣверо и юго-западному краю и къ губерніямъ Оренбургской и Вятской, и къ Сибири и дѣлалось это съ такой рачительностью, что, напр., „особыя соображенія, касающіяся исключительно Пермской губ.", составленныя предсѣдателемъ Пермской суд. палаты Ягномъ и губернскимъ прокуроромъ Газенвинкелемъ, занимаютъ 70 печатныхъ страницъ и содержатъ самую тщательную и подробную разработку. Чуть не на каждой страницѣ всѣхъ 6 томовъ въ перемежку идутъ указанія вродѣ того, что „участіе народа въ избраніи себѣ судей справедливо; но система эта, какъ начало демократическое, несообразно съ формою нашего правленія"—съ замѣчаніями о томъ, что нужно „жалованья судебному приставу назначить 60 р. въ мѣсяцъ". На одной страницѣ вы читаете: „предстоящая судебная реформа, безъ признанія навсегда священными жилища гражданина и личной свободы, не можетъ способствовать къ замѣнѣ прежняго не-

довѣрія къ судебнымъ учрежденіямъ полнымъ довѣріемъ къ нимъ“, а на слѣдующей упоминается о томъ, что при судахъ необходимы архиваріусы, переводчики, что при выдачѣ копій страницу слѣдуетъ считать въ 25 строкъ, и т. д. Вообще въ сводѣ содержится чрезвычайно много дѣльныхъ и серьезныхъ замѣчаній и предложеній, изъ которыхъ часть была принята тогда же при составленіи судебныхъ уставовъ, часть осуществлена была позже, когда практика выяснила неудобства, предвидѣнныя раньше, и, наконецъ, часть сохранила все свое значеніе и по настоящее время. Такъ, напр., основныя положенія проектировали дозволить обсуждать состоявшіяся рѣшенія въ юридическихъ журналахъ. Масса голосовъ высказалась за дозволеніе печатать и обсуждать судебныя рѣшенія во всѣхъ журналахъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ *). Предложеніе принято съ тѣмъ, чтобы цѣна изданій была не ниже 7 руб. Приняты указанія на необходимость запрещенія прис. повѣреннымъ пріобрѣтать права своихъ довѣрителей по ихъ тяжбамъ вообще, а не только на свое имя и на имя своихъ женъ, на пріостановленіе исполненія заочныхъ рѣшеній, на которыя поданъ отзывъ; на необходимость для нотаріусовъ вести алфавитные списки; на прекращеніе дознаній, заключающихъ въ себѣ происшествія, по коимъ нѣтъ въ виду преступленія или судить некого, прокуратурой — безъ вмѣшательства судебной власти; на необходимость принятія правительствомъ судебныхъ издержекъ при несостоятельности виновнаго; на отнесеніе къ вѣдомству мироваго судьи дѣлъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія только тогда, когда жалоба будетъ подана въ опредѣленный закономъ короткій срокъ; на предоставленіе лицамъ, снабженнымъ общей до-

---

*) Требованіе это мотивируется тѣмъ, что „публичный судъ и публикація рѣшеній судебныхъ мѣстъ, съ правомъ разбирать ихъ критически, утвердятъ въ правосудіи судебныя власти и представятъ законодательству обширныя средства къ исправленію законовъ на будущее время“.

вѣренностью, права выступать на судѣ отъ имени своихъ довѣрителей. Многочисленныя указанія на необходимость допущенія къ избранію въ мировые судьи и лицъ, не владѣющихъ недвижимостью, приняты съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ такомъ случаѣ избраніе должно послѣдовать единогласно. Изъ предложеній, осуществленныхъ гораздо позже, отмѣтимъ здѣсь указаніе на необходимость допустить заочные приговоры и по дѣламъ общей уголовной подсудности (законъ 15 февраля 1888 г.), на отнесеніе къ вѣдомству мировыхъ судей дѣлъ безспорныхъ безъ ограниченія суммы (законъ 3 Іюня 1891 г.); на приведеніе прис. засѣдателей къ присягѣ не по каждому дѣлу особо, а одинъ разъ на всю сессію (законъ 1894 г.); на необходимость детальнѣе опредѣлить положеніе кандидатовъ на судебныя должности и, въ частности, „назначить штатныхъ кандидатовъ съ жалованьемъ и затѣмъ допускать и другихъ безъ жалованья“ (законъ 24 Декабря 1891 г.); на производство допроса лицъ, живущихъ внѣ мѣстонахожденія суда, черезъ мѣстнаго мирового судью или члена суда; на учрежденіе должности архиваріусовъ при окр. судахъ (законъ 14 Іюня 1870 г.), прис. переводчиковъ (3 Іюня 1875 г.). Что же касается, засимъ, предложеній, желательность которыхъ признается или настойчиво доказывается и въ настоящее время, то здѣсь можно отмѣтить—предоставленіе суду въ случаѣ спора опредѣлить по своему усмотрѣнію цѣну заявленнаго иска (предложеніе это принято комиссіей подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева, включившей его въ 121 статью проекта новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства), допущеніе отзыва на заочныя рѣшенія только въ случаѣ неявки по уважительной причинѣ (включено въ ст. 633 того же проекта); допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи, принятое названной комиссіей лишь въ самыхъ узкихъ предѣлахъ; созданіе особой судебной полиціи, на что также настойчиво указывалось въ этой комиссіи; необходимость устраненія общей полиціи отъ производства дознаній (отзывы судеб-

ныхъ дѣятелей, поступившіе въ Мин. Юстиціи во время работъ по пересмотру судебныхъ уставовъ, единодушно засвидѣтельствовали, сколько препятствій нормальному ходу правосудія создавало ея участіе). Чрезвычайно разумно было также предложеніе „вмѣсто ввода во владѣніе, потерявшаго давно свое значеніе, обязать мироваго судью дѣлать на подлинныхъ актахъ надписи и публиковать“; фактически обрядъ ввода упразднилъ Сенатъ, разъяснивъ, что хотя и нельзя отрицать возможность случаевъ, когда вводъ во владѣніе окажется необходимымъ, но безусловное требованіе ввода неправильно. Наконецъ, укажемъ также на требованіе кормовыхъ денегъ для присяжныхъ засѣдателей, о чемъ, какъ извѣстно, не перестаютъ всячески заботиться земства, и на необходимость постановки вопросовъ до рѣшенія дѣлъ съ предоставленіемъ адвокатамъ права участія въ обсужденіи этихъ вопросовъ.

Мы не будемъ останавливаться больше на перечисленіи всѣхъ подобныхъ замѣчаній, потому что въ нашу задачу отнюдь не входитъ исчерпать ихъ; эта задача, несомнѣнно, весьма интересная для характеристики общественныхъ теченій, потребовала бы спеціальнаго изслѣдованія. Намъ же представляются болѣе важными въ смыслѣ выраженія настроенія общества тѣ замѣчанія, которыя отмѣчали различныя отступленія отъ важнѣйшихъ началъ, на коихъ построены „основныя положенія“, и требовали болѣе послѣдовательнаго ихъ проведенія. На первомъ мѣстѣ, какъ уже упоминалось, здѣсь слѣдуетъ поставить настойчивыя указанія на неполное отдѣленіе судебной власти отъ административной и на необходимость болѣе надежно оградить населеніе отъ произвола властей. Устранить всякое вліяніе губернаторовъ на производство уголовныхъ слѣдствій *); не предоставлять губерна-

*) Съ введеніемъ въ 1860 г. института суд. слѣдователей за администраціей осталось все-таки право участвовать въ производствѣ слѣдствій по нѣкоторымъ особымъ родамъ преступленій и требовать образованія

торамъ повѣрку списковъ лицъ, имѣющихъ право быть мировыми судьями и присяжными засѣдателями; списокъ лицъ, удостоенныхъ быть мировыми судьями, вносить помимо губернаторовъ, прямо въ Сенатъ; повѣрка списковъ не нужна—общество лучшій цѣнитель сочленовъ своихъ; не предоставлять губернатору права исключать лица, неправильно внесенныя въ списки; необходимо постановить правила, ограждающія правильность утвержденія губернаторомъ списка; лицо, исключенное губернаторомъ изъ списка, имѣетъ право довести о семъ до свѣдѣнія Прав. Сената, жаловаться въ судебную палату и т. д. Неполное отдѣленіе властей усматривалось (какъ и въ Госуд. Совѣтѣ) въ предоставленіи администраціи принимать мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій и потому раздаются голоса, чтобы подробнѣе изложить, какія мѣры можетъ принимать административная власть. Въ тѣхъ же видахъ отдѣленія властей нужно устранить полицію отъ производства дознаній, „допускать какъ можно меньше этого участія", „поставить полицію въ строгіе предѣлы, охранительному ихъ характеру свойственные", воспретить полиціи задерживать кого либо безъ разрѣшенія прокурора. Эти условія необходимы для успѣха судебной реформы. „Безъ признанія навсегда священнымъ жилища гражданина и личной свободы предстоящая судебная реформа не можетъ способствовать къ замѣнѣ прежняго недовѣрія къ судебнымъ учрежденіямъ полнымъ довѣріемъ къ нимъ".

слѣдственныхъ комиссій съ командированіемъ въ нихъ чиновниковъ. По этому поводу секретарь Сената въ своихъ замѣчаніяхъ пишетъ: „многіе начальники губерній, съ введеніемъ въ дѣйствіе наказа суд. слѣдователямъ, считаютъ власть свою значительно уменьшенной и не желая на сколько бы то ни было утратить значеніе своей власти, пользуясь тѣмъ что они могутъ... командировать въ слѣдственныя комиссіи особаго чиновника, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваются въ производство слѣдствій безъ всякаго основанія и признавая всякое дѣло (не говоря уже объ уголовныхъ, но и о гражданскихъ) особо важнымъ, даютъ предписанія... объ учрежденіи комиссіи и командируютъ своихъ чиновниковъ, которые изъ желанія угодить своему начальнику, затягиваютъ и затемняютъ дѣло".

Такія же замѣчанія поступали и по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ, свидѣтельствуя, какъ внимательно читались и изучались основныя положенія. Такъ, по ст. 123 предполагалось предоставить прекращеніе дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ кассаціоннымъ департаментамъ Сената съ участіемъ министра внутр. дѣлъ. Такое участіе, по мнѣнію одного изъ отзывовъ, противорѣчитъ основному правилу, что власть судебная отдѣляется отъ административной.

И не надо думать, что общество усматривало опасность именно въ тогдашнихъ представителяхъ администраціи, произволъ былъ настолько гнетущъ, настолько свойственен каждой власти, что естественно было образоваться мнѣнію о необходимости создать прочныя гарантіи вообще, которыя устраняли бы возможность появленія произвола гдѣ бы то ни было. Поэтому и относительно мировыхъ судей высказывается, что для успѣха мировой юстиціи" необходимо провести въ народѣ... убѣжденіе въ ограниченіи произвола судей, для чего обязать его всякое заключеніе основывать на законѣ... „Далѣе—высказывается пожеланіе, чтобы „изъяснить, чѣмъ обезпечивается контроль дѣйствій мировыхъ судей", чтобы былъ контроль надъ мировыми съѣздами, чтобы „въ особомъ наказѣ означить ясно, кому и какъ жаловаться на беззаконныя дѣйствія мировыхъ судей". Относительно общихъ судебныхъ мѣстъ мы встрѣчаемъ указаніе, что „широкая власть и важная обязанность прокуроровъ требуютъ многочисленныхъ предупрежденій, противныхъ произволу. Власть ихъ (прокуроровъ) надо контролировать во всевозможныхъ видахъ". „Трудно опредѣлить страшное положеніе подсудимаго, если при такой силѣ прокурора попадается онъ въ руки человѣка неблагонамѣреннаго. Все тогда будетъ дѣлаться по видамъ прокурора: и слѣдствіе и содержаніе подсудимаго и представленіе объ освобожденіи его отъ суда въ высшую инстанцію, и судъ надъ нимъ въ инстанціи нижней и частью даже выборъ присяжныхъ засѣдателей для суда его". „Для избѣжанія произвола, говоритъ предсѣдатель Сим-

бирской палаты, и всякихъ недоразумѣній необходимо опредѣлить ясно и положительно: въ какихъ случаяхъ судебныя засѣданія для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ должны происходить не публично. И желательно, чтобы такихъ случаевъ было какъ можно менѣе". Почти тѣми же словами выражаетъ аналогичное пожеланіе и предсѣдатель Минской палаты. Рядомъ съ этимъ идутъ указанія, что „для достиженія, чтобы отдѣленіе судебной власти отъ административной совершилось фактически и для ненарушимости этого въ будущемъ, полезно было бы: а) ревизію судебныхъ установленій предоставить исключительно лишь судебнымъ ихъ начальствамъ, равно какъ относительно личнаго ихъ состава, ходатайства о повышеніи должностями и о наградахъ за особыя отличія и б) отмѣнить по судебной части награду орденами и производство въ чины за выслугу лѣтъ, предоставивъ пользованіе классами занимаемыхъ должностей". Другіе идутъ еще дальше и требуютъ упраздненія Министерства Юстиціи вообще, которое ничего, кромѣ вреда, принести не можетъ. Особенно многочисленны замѣчанія относительно болѣе широкаго примѣненія ст. 67 основныхъ положеній судоустройства о несмѣняемости членовъ судебныхъ мѣстъ. Выражаются пожеланія распространить силу и дѣйствіе этой статьи „на прочія лица окр. суда и надзора", на прокуроровъ и ихъ товарищей, на судебныхъ слѣдователей, судебныхъ приставовъ, секретарей. Сюда же слѣдуетъ отнести замѣчанія, касающіяся неправильной постановки отвѣтственности за должностныя преступленія. „До настоящаго времени, говоритъ Петръ Бланкъ, произволъ чиновниковъ надъ частными лицами такъ обширенъ и такъ безнаказанъ, по причинѣ права жалобъ только по прямой линіи бюрократической централизаціи, что съ незапамятныхъ временъ породило въ народѣ, вмѣстѣ со страхомъ, нѣчто вродѣ отвращенія ко всякому мундиру и создало множество неблагопріятныхъ чиновничеству народныхъ поговорокъ, тогда какъ польза администраціи вообще можетъ образоваться и высказаться только глу-

бокимъ уваженіемъ къ охранителямъ общественнаго спокойствія, какими должны быть чиновники по своему значенію. Безнаказанность произвола служитъ постояннымъ покровительствомъ взяточничества, такъ что никакая гласность не можетъ изъяснить этой нашей родной болячки, если не будетъ дано гражданамъ права ничѣмъ не парализованнаго иска“. Еще опредѣленнѣе выражается начальникъ отдѣленія комиссаріатскаго департамента военнаго министерства: „для достиженія цѣли, необходимость которой едва ли требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, судъ по преступленіямъ должности слѣдуетъ направить въ наиболѣе независимое положеніе къ начальству обвиняемыхъ лицъ, дабы особыя отношенія по дѣламъ службы не могли имѣть вліянія на исходъ суда надъ сими лицами и дабы, вмѣстѣ съ тѣмъ, частныя лица и обвинительные органы правительственной власти могли преслѣдовать преступленія должности независимо отъ желанія начальства обвиняемыхъ лицъ, слишкомъ тѣсно связаннаго съ ними по своему положенію“. Наконецъ, предсѣдатель Пермской палаты Ягнъ и губернскій прокуроръ Газенвинкель удостовѣряютъ, что „намъ по опыту, вынесенному изъ довольно продолжительной провинціальной службы, извѣстно, что такой порядокъ влечетъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Начальство, которое захочетъ защитить своего подчиненнаго, непремѣнно командируетъ для производства слѣдствія такое лицо, которое сумѣетъ прикрыть противузаконное дѣяніе подслѣдственнаго лица или, по крайней мѣрѣ, придать этому дѣянію совершенно другой видъ, отнять всю преступность его. Еще къ большимъ злоупотребленіямъ ведетъ оставленіе за начальствомъ провинившагося исключительнаго права судить о томъ, подлежитъ ли это лицо административному взысканію или суду“.

Дальнѣйшую непослѣдовательность отзывы усматриваютъ въ ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ. „Если допускается судъ присяжныхъ, какъ живое и разумное сознаніе народное, то надобно, чтобы кругъ его дѣйствія былъ какъ

можно обширнѣе“. Сообразно съ этимъ раздаются голоса, чтобы допустить судъ присяжныхъ не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ, чтобы по уголовнымъ дѣламъ компетенція не ограничивалась только преступленіями, за которое полагается наказаніе, соединенное съ лишеніемъ правъ, и во всякомъ случаѣ, „дозволять подсудимымъ, если они пожелаютъ сами и заявятъ свое желаніе суду или прокурору, судиться въ окружныхъ судахъ за всякія преступленія и проступки съ участіемъ прис. засѣдателей“. Особенно настойчивы были голоса, протестовавшіе противъ изъятія изъ компетенціи прис. засѣдателей дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Архангельскій уѣздный стряпчій „по крайнему своему разумѣнію“ увѣряетъ, что законъ не долженъ имѣть исключеній; „исключеніе обнаруживаетъ недовѣрчивость и коль скоро оно поселится и укоренится, тогда не пособитъ и исключеніе“. И затѣмъ онъ простодушно прибавляетъ: „говорятъ, что эти исключенія тоже манеръ французскій и что въ Англіи будто ихъ нѣтъ. Спрашивается, гдѣ болѣе народнаго спокойствія—во Франціи или въ Англіи?“ А въ другомъ отзывѣ мы читаемъ: „Государство и верховная власть за преступленія и проступки противъ нихъ должно искать возмездія въ совѣсти народа, что совершенно справедливо и истекаетъ изъ началъ добра, правды и истины; при томъ же больше гарантіи какъ для подсудимаго, такъ и для верховной власти... Народъ никогда не повѣритъ слѣдствію и суду закрытому: онъ всегда будетъ въ сомнѣніи, что дѣло рѣшено неправильно, а юстиція должна быть ограждена, очищена и отрѣшена отъ всѣхъ сомнѣній, недовѣрій и нареканій“. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить въ ряду ихъ пожеланій еще одно о томъ, чтобы всѣ проступки и преступленія по книгопечатанію подлежали суду присяжныхъ.

Но независимо отъ компентенціи, судъ присяжныхъ можетъ имѣть успѣхъ лишь при условіи, что присяжные будутъ дѣйствительными представителями общества. „Процѣживая общественную среду чрезъ нѣсколько требованій ценза,

можно опасаться, что представительность общественнаго воззрѣнія, духъ общества (во вниманіе къ которому и учреждены присяжные), пожалуй и отцѣдится совсѣмъ и въ остаткѣ будетъ масса, уже непредставляющая собою настоящей общественной мысли, лишенная общественнаго духа: это вещь нѣжная, какъ разъ улетучится... Условія избранія присяжныхъ стѣснительны... Для чего же и для нихъ требовать извѣстнаго размѣра имуществъ?.. А главное—при офиціальномъ разборѣ такихъ неуловимыхъ качествъ, какъ добрая нравственность или извѣстная степень развитія, ошибиться въ достиженіи цѣли суда присяжныхъ не трудно".

Наибольшее, однако, количество замѣчаній касается мировыхъ судей. Мы видѣли, что и Государств. Совѣтъ весьма подробно разсматривалъ ихъ учрежденіе, считая ихъ основаніемъ будущаго судоустройства, но вниманіе со стороны общества вызывалось сверхъ того еще и личными интересами, ибо многимъ хотѣлось получить такую должность. Это чрезвычайно характерно сказывается въ неоднократно выраженныхъ желаніяхъ смягчить требованіе для мир. судей неопороченности по суду или по общественному приговору. Одни желали бы, чтобы опороченнаго не допускать только въ теченіе извѣстнаго срока, другой, чтобы опороченными считались только ограниченные въ правахъ состоянія и т. д. Тутъ же сильно успѣли сказаться и классовыя тенденціи: заявлено желаніе, чтобы выборъ мировыхъ судей былъ предоставленъ дворянамъ, имѣющимъ значительное состояніе или таковые же чины, чтобы мир. судьи выбирались только изъ землевладѣльцевъ, чтобы они служили безвозмездно (иначе говоря, чтобы служба составляла монополію богатаго класса). Нашлось даже и такое мнѣніе, которое предлагало установить для дворянства особый привилегированный порядокъ обжалованія рѣшенія мир. судей. Но значительнѣйшая часть пожеланій, именно потому, что учрежденіе мир. судей близко интересовало всѣхъ, направилась въ сторону его демократизаціи, о чемъ мы уже говорили выше. Раздавались голоса,

которые указывали на необходимость съ особою тщательностью оградить самостоятельность крестьянскаго сословія въ выборѣ судей и не ставить компетенціи судьи въ зависимость отъ цѣны иска, ибо бѣдному маленькое дѣло дороже, нежели богатому крупный процессъ. Центръ замѣчаній здѣсь, какъ и въ Госуд. Совѣтѣ, лежалъ въ вопросѣ о порядкѣ обжалованія рѣшеній мир. судей. Предлагаемый порядокъ грозилъ установить кумовство, а это грозило произволомъ; отсюда понятно, почему рѣзко и настойчиво возражали противъ съѣзда, требуя подчиненія мир. судей общимъ судебнымъ мѣстамъ. А такъ какъ кромѣ того въ положеніяхъ не указывалось, подлежатъ ли обжалованію рѣшенія мир. съѣздовъ, то и здѣсь явились напоминанія, что и по отношенію къ нимъ должны быть допущены жалобы въ Прав. Сенатъ.

Минуя, засимъ, весьма обстоятельно обоснованныя мнѣнія о необходимости ввести реформу сразу повсемѣстно, ввести ее въ дѣйствіе какъ можно скорѣе, и многочисленныя побочныя указанія на необходимость учрежденія юридическихъ клиникъ, которыя бы пополняли недостаточное юридическое образованіе нашихъ студентовъ, юридическихъ обществъ и т. д., приведемъ въ заключеніе чрезвычайно важное мнѣніе предсѣдателя Могилевской уголовной палаты Бржостовскаго:

„Чѣмъ болѣе судебныя учрежденія даютъ средствъ къ точному исполненію законовъ, тѣмъ они совершеннѣе; но чѣмъ они совершеннѣе, тѣмъ достоинство или недостатокъ законовъ будетъ явственнѣе, добро или зло, ими причиняемое, ощутительнѣе для каждаго гражданина, а потому самые законы должны быть тѣмъ совершеннѣе.

Кромѣ сего, судебныя учрежденія, какъ бы они совершенны ни были, не дадутъ еще всего того, что отъ нихъ законодатель можетъ ожидать, если люди, поставленные для приведенія посредствомъ ихъ въ дѣйствіе законовъ, не будутъ не только образованны, но и истинно благородны. Но истинно благородный человѣкъ не станетъ служить публично, открыто и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно законамъ стѣснительнымъ.

Служить имъ будутъ или неимущіе ради содержанія, или честолюбивые, чтобы занимать извѣстное положеніе въ свѣтѣ, или, наконецъ, люди, которые на судейскую должность будутъ смотрѣть какъ на переходъ ихъ къ другимъ должностямъ, болѣе согласнымъ съ ихъ совѣстью и понятіями о чести. Но всѣ такіе люди будутъ служить болѣе самимъ себѣ, чѣмъ обществу, чѣмъ государству. Чтобы имѣть служителей, которые общественную пользу не ставили бы ниже своей, нужно установить законы такіе, которые бы ясно доказывали, что благосостояніе народа было главною цѣлью законодателя, и которыхъ исполненіе приносило бы честь.

И потому, по моему мнѣнію, вмѣстѣ съ изготовленіемъ устава судебныхъ учрежденій, должны быть пересмотрѣны наши уголовные и гражданскіе законы согласно потребностямъ времени и духу самой судебной институціи, а тѣлесное наказаніе, уничтожающее достоинство человѣка, должно быть уничтожено".

Въ вихрѣ увлеченій ближайшими неотложными нуждами этотъ голосъ, хотя и поддержанный съ различныхъ сторонъ *), прозвучалъ совершенно одиноко, а между тѣмъ по важности тѣхъ обстоятельствъ, на которыя онъ указывалъ, и которыя, конечно, неизбѣжно должны были наступить, онъ представлялся едва ли не наиболѣе замѣчательнымъ изъ всѣхъ. Въ то время должно было, конечно, казаться, что разъ судъ формальный замѣняется судомъ по внутреннему убѣжденію, то и формальная истина (?) замѣнится воплощеніемъ въ рѣшеніи справедливости, достиженію которой теперь уже ничто мѣшать не будетъ. При этомъ, однако, забывалось объ одномъ, — что судъ по убѣжденію долженъ быть тѣмъ не менѣе и прежде всего судомъ по закону и что, слѣдов., всѣ несправедливости и недостатки закона будутъ отражаться и на судѣ. Къ этому вопросу мы еще вернемся позже, когда

---

*) Не говоря объ указаніяхъ на необходимость измѣненія того или другого отдѣльнаго закона.

намъ придется разсматривать судебные уставы въ ихъ практическомъ осуществленіи.

Итакъ, бѣглый обзоръ замѣчаній, послѣдовавшихъ въ отвѣтъ на приглашеніе высказаться по поводу основныхъ положеній, не можетъ не привести къ тому заключенію, что возвѣщенная реформа отнюдь не явилась чѣмъ-то неожиданнымъ, она никого, такъ сказать, не ошеломила. Напротивъ, эта реформа не только соотвѣтствовала вполнѣ назрѣвшему и опредѣлившемуся сознанію, но по многимъ существеннымъ вопросамъ не поднималась даже до уровня общественнаго настроенія и надеждъ. Но именно поэтому, вѣроятно, приходится часто встрѣчаться съ мнѣніемъ, что нельзя придавать серьезнаго значенія этимъ замѣчаніямъ; они были привнесены правительственными освободительными вѣяніями и естественно должны были оказаться столь же непрочными, какъ и эти вѣянія. Такой взглядъ какъ бы находитъ себѣ подтвержденіе, съ одной стороны, въ томъ, что когда засимъ вѣянія измѣнились еще до введенія реформы въ дѣйствіе, то общество не выступило въ защиту казавшагося ему столь дорогимъ института, а съ другой—въ томъ, что большинство разсмотрѣнныхъ нами замѣчаній принадлежало перу предсѣдателей различныхъ палатъ, стряпчихъ, уѣздныхъ судей и засѣдателей опекъ, т. е. представителей того режима, который такъ безпощадно осуждался. Своими замѣчаніями они самимъ же себѣ подписывали смертный приговоръ, ибо на нихъ то вѣдь и покоился одной своей частью дореформенный строй. При всей видимой правильности взглядъ этотъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Равнодушіе общества къ быстро слѣдовавшимъ ограниченіямъ первоначальныхъ предположеній, а затѣмъ и только что изданнаго закона, составлявшее несомнѣнный фактъ, объяснялось совсѣмъ иными причинами и, какъ отмѣчено выше, было даже предусмотрѣно „Современникомъ“. Что же касается второго указанія, то, дѣйствительно, 3/4 всѣхъ поступившихъ замѣчаній принадлежало разнымъ захолустнымъ жрецамъ дореформенной

Өемиды, которыхъ мы привыкли олицетворять въ безсмертномъ типѣ Тяпкина-Ляпкина. Для правильнаго освѣщенія этого факта мы позволимъ себѣ здѣсь напомнить, что Сергѣй Ивановичъ Зарудный, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ осуществленія судебной реформы, съ 1842 г. по 1859 г., т. е. въ самый разгаръ попытокъ обновить нашу юстицію, попытокъ, сокрушавшихся о твердыню николаевскаго духа гр. Панина, состоялъ на службѣ по Министерству Юстиціи, занималъ разнообразныя должности отъ помощника столоначальника и до старшаго юрисконсульта и былъ любимѣйшимъ чиновникомъ этого исключительнаго министра *). По словамъ Джаншіева, чуть ли не со дня вступленія своего на службу Зарудный сталъ принимать участіе въ работахъ гр. Блудова по преобразованію суд. части, работахъ, о значеніи которыхъ мы уже говорили выше. Такимъ образомъ, оказывается, что служеніе старымъ богамъ, въ качествѣ чуть ли не верховнаго жреца, не только не мѣшало свысока относиться къ нимъ, но позволяло даже лѣпить новыхъ и притомъ лѣпить весьма удачно. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія техническаго совершенства, насколько намъ извѣстно, не было и нѣтъ двухъ взглядовъ на судебные уставы, независимо отъ того или другого принципіальнаго къ нимъ отношенія. Поэтому намъ думается, что упрекъ въ незрѣлости долженъ быть отнесенъ всецѣло къ моменту воли, которая, очевидно, неспособна еще была перейти въ дѣйствіе и выражалась только въ неопредѣленномъ недовольствѣ, но никакъ не къ сознанію, которое было и достаточно развитымъ и настолько всеобщимъ, что отразилось ярко и въ правительственныхъ сферахъ.

Прежде чѣмъ перейти къ литературнымъ взглядамъ того времени, мы считаемъ необходимымъ обратить еще вниманіе на два всеподданнѣйшихъ адреса изъ Орла—одинъ отъ дворянства, другой отъ купечества и мѣщанства. Въ первомъ изъ нихъ говорится: „Всемилостивѣйшій Государь. Дворянство

---

*) Подробности у Гр. Джаншіева „С. И. Зарудный и суд. реформа“.

Орловской губ... спѣшитъ при первомъ своемъ собраніи послѣ обнародованія „основныхъ началъ судопроизводства“ повергнуть передъ Вами, Всемилостивѣйшій Государь, выраженіе благоговѣйныхъ чувствъ самой искренней безпредѣльной благодарности за это новое благодѣяніе, которымъ исполняется завѣтное желаніе Вашего сердца: да милость и правда царствуютъ въ судахъ. Всемилостивѣйшій Государь. Вы призвали къ свободной жизни 20 милліоновъ русскаго народа, даруете гласный судъ, обезпечивающій личность и имущество всѣхъ Вашихъ подданныхъ... и все это совершается путемъ мирнымъ среди благословеній Богомъ ввѣреннаго Вамъ народа. Исторія не представляетъ подобныхъ тому примѣровъ“. Орловское купечество и дворянство (за 245 подписями) отмѣчаетъ, между прочимъ: „теперь Ты даешь намъ гласное судопроизводство, которое ставитъ богатаго и бѣднаго, знатнаго и простого равными предъ закономъ. Итакъ, по слову твоему, судъ и правда воцарятся въ судахъ твоихъ“. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти слѣдовъ другихъ адресовъ, но орловское общество, очевидно, не сумѣло оцѣнить значеніе реформы и на первый планъ выдвинуло далеко не важнѣйшіе моменты ея.

Обращаясь засимъ къ литературѣ, нужно прежде всего отмѣтить, что не только наиболѣе видные, но и самые незначительные органы сочли своимъ долгомъ откликнуться на обнародованныя основныя положенія. Мы можемъ назвать —Современникъ (1863 г. 1 4), Отеч. Записки (1862 г. № 11), Рус. Вѣстникъ (1862 г. № 40, 42, 45, 46), День (1863 г. № 7, 8, 11), Время (1862 г. № 11), Библіотека для чтенія (1862 г. № 11 и 12), Голосъ, Русскій Листокъ, Русское Слово, Русскій Міръ, Русскій Инвалидъ, Сынъ Отечества, С.-Петербургскія Вѣдомости, Наше Время, Очерки, Современная Лѣтопись, Сѣверная Почта, Сѣверная Пчела, Народное Богатство, Акціонеръ, Военный Сборникъ. Совершенно особо стоитъ оффиціозный Журналъ Министерства Юстиціи, который въ рядѣ статей, принадлежавшихъ перу впослѣдствіи

извѣстныхъ юристовъ *), подвергалъ внимательному анализу отдѣльные институты предлагавшейся реформы и несомнѣнно сыгралъ весьма видную роль въ дѣлѣ распространенія ея основныхъ идей. Въ отзывахъ, о которыхъ мы говорили выше, то и дѣло встрѣчаются указанія на ту или другую статью Журнала, иногда прямо рекомендуется составителямъ проектовъ принять во вниманіе или руководствоваться данной статьей; не менѣе часты ссылки на Журналъ и въ литературѣ того времени. Несмотря на столь большое количество, казалось бы, разнородныхъ голосовъ, они въ общемъ дали почти полную гармонію. Диссонансомъ явились классовыя аристократическія тенденціи Русскаго Вѣстника и Русскаго Листка, требовавшія безплатности службы мироваго судьи, и Русскаго Міра, защищавшаго сословные суды, подъ тѣмъ предлогомъ, что они охраняютъ низшія сословія отъ вліянія высшихъ и предохраняютъ отъ посторонняго вмѣшательства въ ихъ дѣла. Но политическая сторона судебной реформы не вызывала никакихъ сомнѣній. Даже славянофильскій „День“ радовался не только тому, что новый порядокъ, являющійся антиподомъ прежняго, наноситъ удары „старымъ петровскимъ нововведеніямъ, пораженію стараго врага, обжившагося у насъ, какъ дома“ **), но и тому, что вводимое новое, хотя точно также чуждо народу, но даруетъ большій просторъ общественной самодѣятельности. Его смущаетъ только то, что реформа проводится бюрократическимъ способомъ, а не такъ, какъ освобожденіе крестьянъ, и особенно Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, когда были призваны выборные люди отъ всей земли, что свидѣтельство-

*) Здѣсь встрѣчаются имена Н. А. Маркова (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), П. А. Александрова (впослѣдствіи знаменитаго адвоката), Макалинскаго (автора нѣсколькихъ руководствъ). Особенно горячо дебатировались вопросы о судѣ присяжныхъ, о защитѣ на предварит. слѣдствіи, объ обязанности веденія дѣлъ черезъ адвокатовъ, объ исковой пошлинѣ.

**) „День“, 13 октября 1862 г.; Собр. соч. И. С. Аксакова, т. IV, с. 541.

вало „о взаимной довѣренности власти и земства, о единствѣ и цѣльности всего общественнаго организма“. Замѣчательно, что эта мысль не встрѣтила поддержки со стороны прогрессивныхъ направленій. „Отеч. Записки“ находятъ, что хотя дѣйствительно „извѣстный способъ рѣшенія общественныхъ вопросовъ самъ по себѣ важенъ, но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о „теоретическихъ началахъ суда“, которыя далеко не являются общедоступными“. Едва ли нужно доказывать неправильность этого взгляда, онъ вполнѣ опровергается разсмотрѣннымъ нами отношеніемъ общества и печати къ этимъ, неизвѣстно почему названнымъ „отвлеченными“, началамъ. Вопреки утвержденію „Дня“, будто „проектъ застаетъ общество врасплохъ, общественное сознаніе неприготовленнымъ“,— мы видѣли, напротивъ, что предложенія правительства отнюдь не явились неожиданностью. Тѣмъ болѣе, конечно, это относится къ печати. „Отеч. Записки“ вообще находятъ, что „исторія еще не представляла примѣровъ, чтобы обществу нашему предлагалось болѣе правъ и болѣе силы, чѣмъ сколько оно можетъ вынести“. Подобно „Современнику“, мнѣніе котораго мы приводили уже выше, и „Отеч. Зап.“ неоднократно и настойчиво повторяли, что хотя суд. реформа и задумана шире другихъ, но и здѣсь окружено настоящими гарантіями лишь то, что стоитъ внѣ всякаго соприкосновенія съ прерогативами правительства *). За этой границей идутъ изъятія изъ общихъ началъ, а между тѣмъ „обобщилось убѣжденіе, что между всѣми сторонами общественнаго развитія существуетъ необходимая связь“. Публичность суда, заключающая въ себѣ возможность обсужденія суд. преній въ печати, требуетъ, чтобы печатное слово было поставлено въ болѣе юридическое положеніе. „Не можетъ

---

*) „Конечно, говоритъ тотъ же журналъ въ другомъ мѣстѣ (В. Утинъ. Судебная реформа), судебная реформа означаетъ и можетъ прямо означать только обезпеченіе частныхъ правъ, т. е. огражденіе правъ имущественныхъ и, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, личныхъ правъ“.

не броситься въ глаза нашему законодательству та очевидная истина, что новое судебное устройство будетъ чистѣйшей фантасмагоріей, пока рядомъ съ нимъ будетъ существовать судъ административный, который можетъ во всякое время исправлять и дополнять судебные приговоры и наказывать всѣхъ тѣхъ, кого не сочтетъ въ правѣ наказать судъ". Исходя отсюда, „Отеч. Записки" склонны вѣрить, что такой анахронизмъ, какъ административная ссылка, недолго продержится при такомъ судѣ, какой намъ обѣщанъ „основными положеніями". Точно также и „Современникъ" находитъ, что, „какъ бы ни были велики недостатки новыхъ судебныхъ учрежденій, во всякомъ случаѣ самыя начала, принятыя въ основаніе реформы, ручаются въ непремѣнномъ исправленіи ихъ". Вотъ почему вообще признается всѣми, что реформа является громаднымъ шагомъ впередъ, составляющимъ славу царствованія, и что уставъ гражд. судопроизводства даетъ всѣ необходимыя гарантіи правосудія и долженъ удовлетворить и самаго взыскательнаго критика.

Вслѣдъ за этими общими замѣчаніями печать переходитъ къ разсмотрѣнію частностей *); и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми же указаніями, какія дѣлались въ отзывахъ частныхъ лицъ, подробнѣе лишь обоснованными. Отдѣленіе власти судебной отъ административной проведено неполно—нужно устранить губернатора отъ вмѣшательства въ составленіе списковъ миров. судей и прис. засѣдателей, устранить полицію отъ производства дознаній, ограничить дѣйствіе примѣчанія къ 1 ст. уст. уг. суд., допустить защиту на предварит. слѣдствіи, закрытіе дверей засѣданія не предоставлять судебному и прокурорскому произволу, а поставить въ тѣсныя границы закона, измѣнить порядокъ преданія суду должностныхъ лицъ, уменьшить число изъятій изъ общаго порядка судопроизводства, уменьшить цензъ для мировыхъ судей и

*) Встрѣчаются даже постатейныя замѣчанія. См. „Библіотека для чтенія".

предоставлять обществу выбирать, кого оно считаетъ достойнымъ, уменьшить судебныя издержки и уничтожить судебную пошлину, ибо это все равно, что требовать отъ лица, у котораго загорѣлся домъ, денегъ для тушенія пожара, поставить мир. судей въ условія, которыя не давали бы мѣста проявленію произвола, болѣе точно провести отмѣну подсудности по сословіямъ. Горячую полемику сосредоточилъ вокругъ себя вопросъ о роли мировыхъ судей. „Сѣверная Почта" заявила, что мировой судъ есть судъ по совѣсти, вродѣ англійской Equity, а „Русскій Вѣстникъ", „День" и „Сѣверная Пчела" доказывали, что это тотъ же судъ по закону, отличающійся лишь болѣе упрощеннымъ судопроизводствомъ, причемъ и de lege ferenda склоняются, повидимому, къ тому заключенію, что мировой судья долженъ быть связанъ требованіями закона.

Наиболѣе замѣчательной и по основательной разработкѣ вопросовъ и, главное, по умѣлой ихъ постановкѣ, слѣдуетъ признать уже неоднократно упомянутыя нами статьи А. М. Унковскаго въ 4-хъ книгахъ „Современника". Авторъ не останавливается на частностяхъ, справедливо считая, что при общемъ правильномъ направленіи „все образуется", и подвергаетъ детальному разбору пять-шесть основныхъ недостатковъ, грозящихъ, по его мнѣнію, разрушеніемъ всего зданія новыхъ судебныхъ уставовъ. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ сохраненіе прежняго порядка отвѣтственности должностныхъ лицъ, поставленной въ зависимость отъ усмотрѣнія ихъ начальствъ. Приведя массу доказательствъ несовмѣстимости такого порядка съ водвореніемъ законности, авторъ не забываетъ развить и другую сторону вопроса, указавъ, что „непосредственная отвѣтственность передъ судебной властью въ нарушеніи законовъ составляетъ для каждаго лица самое важное и самое драгоцѣнное право, отсутствіе котораго противорѣчитъ понятію о человѣческомъ достоинствѣ". При такомъ порядкѣ особенно опаснымъ представляется правило 1 ст. и 1 прим. уст. уг. суд., которое гово-

ритъ, что „никто не можетъ быть наказанъ за преступленія и проступки, *подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ*, не бывъ присужденъ“ и т. д. Такимъ образомъ, дается основаніе предположенію, будто существуютъ преступленія и проступки, которые неподвѣдомственны судебнымъ мѣстамъ, и это предположеніе осложняется предоставленіемъ администраціи права принимать предупредительныя мѣры. „Главное дѣло состоитъ не въ ограниченіи круга дѣйствій административныхъ властей, но въ устраненіи произвола. Какъ бы ни было велико пространство этой власти, но если должностныя лица будутъ гласно отвѣчать за всѣ свои дѣйствія, то они никогда не рѣшатся на произвольныя мѣры, выходящія изъ предѣловъ строгой законности“. Напротивъ, „при оставленіи настоящаго порядка административнаго предупрежденія и пресѣченія преступленій, существованіе независимаго суда представляетъ такую несообразность, которая невозможна въ дѣйствительной жизни“. Если бы автору удалось увидѣть перипетіи, чрезъ которыя пришлось пройти судебнымъ уставамъ, онъ невольно воскликнулъ бы вмѣстѣ съ Гамлетомъ: „o, my prophetic soul!“—Конечно, авторъ протестуетъ противъ предоставленія администраціи контроля надъ составленіемъ списковъ миров. судей и прис. засѣдателей и энергически высказывается за огражденіе населенія отъ произвола мир. судей. Съ неменьшей страстностью авторъ обрушивается на неполноту отдѣленія обвинительной власти отъ судебной. Провозгласивъ это начало, „основныя положенія“ отступаютъ отъ него въ стадіи предварительнаго слѣдствія и „утверждаютъ здѣсь прежній инквизиторіальный порядокъ, ибо на слѣдователя возлагается и обязанность безпристрастнаго судьи, и обвинителя, преслѣдующаго преступленіе; а между тѣмъ предварит. слѣдствіе обыкновенно предопредѣляетъ все дальнѣйшее направленіе процесса, и ошибки его часто бываютъ неисправимы. Еще одну непослѣдовательность г. Унковскій видитъ въ томъ, что, вопреки правилу 17 ст. осн. полож. уст. уг. суд., уничтожающей различіе подсудности по

сословіямъ, лица привилегированныхъ состояній за кражу и нѣкоторыя другія преступленія подвѣдомственны окр. суду, лица же низшаго состоянія—единоличному, и, затѣмъ, приговоры, по которымъ дворяне, чиновники и священнослужители всѣхъ степеней духовной іерархіи присуждаются къ наказанію, соединенному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ или какого либо знака отличія, представляются на Высочайшее усмотрѣніе, тогда какъ всѣ такіе же приговоры о лицахъ другихъ состояній прямо обращаются къ исполненію. Не говоря о томъ, что такое различіе противорѣчитъ самому понятію о правосудіи, фактически верховная власть не имѣетъ возможности провѣрить правильность приговоровъ, слѣд., въ дѣйствительности, эта функція „очутится въ рукахъ мѣстныхъ административныхъ властей или чиновниковъ центральнаго управленія“. Отмѣтимъ еще весьма цѣнныя и убѣдительныя соображенія автора относительно необходимости постановить правиломъ, чтобы вопросы, предлагаемые нашимъ присяжнымъ, разрѣшались ими не иначе, какъ единогласно, а не по большинству голосовъ; мы думаемъ, что если бы это правило было принято, то врядъ ли судъ присяжныхъ подвергался бы такимъ нападкамъ, какія посыпались на него впослѣдствіи. Въ заключеніе своихъ прекрасныхъ статей авторъ опять останавливается на вопросѣ, что ждетъ вновь создаваемыя учрежденія, и затрудняется отвѣтить на этотъ вопросъ категорически: „независимые и хорошіе органы правосудія, говоритъ онъ, не могутъ создаваться одними уставами судопроизводства и судоустройства. Такъ какъ судебныя учрежденія не являются чѣмъ-то внѣшнимъ, не отъ міра сего сущимъ, то существованіе ихъ, также какъ и прочихъ учрежденій, необходимо обусловливается общимъ состояніемъ среды, въ которой они дѣйствуютъ. Поэтому особыя постановленія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ могутъ получить жизнь и дѣйствительное значеніе лишь на столько, на сколько они соотвѣтствуютъ общему строю народной жизни. При извѣстныхъ условіяхъ

существованіе независимаго и нелицепріятнаго суда точно такъ же невозможно, какъ существованіе гласности безъ права свободной рѣчи или публичности безъ публики. Поэтому дѣйствительное осуществленіе какихъ либо началъ судопроизводства зависитъ не столько отъ правилъ судебнаго устава, сколько отъ тѣхъ условій, которыя представляются общимъ строемъ государственной жизни".

Мы позволили себѣ болѣе подробно остановиться на статьѣ г. Унковскаго, потому что, независимо отъ индивидуальныхъ качествъ, въ ней, какъ въ фокусѣ, концентрируется все, что отрывочно было высказываемо въ разныхъ органахъ, и она лишь въ болѣе рельефной и болѣе рѣзкой, пожалуй, формѣ отражаетъ общее настроеніе. Прибавимъ лишь еще, что и спеціальные органы, какъ „Народное Богатство", „Акціонеръ", съ большимъ энтузіазмомъ привѣтствовали реформу, ожидая, что обезпеченіе личности дастъ толчокъ экономическому расцвѣту и подъему промышленности. При этомъ „Нар. Богатство" совѣтуетъ ни въ какомъ случаѣ не останавливаться предъ расходами на юстицію; „расходы эти составляютъ страховую премію для защиты величайшихъ благъ жизни, здоровья, чести, свободы".

V.

Накануне судебной реформы.

Моментъ опубликованія основныхъ положеній судебнаго преобразованія несомнѣнно составляетъ поворотный пунктъ въ развитіи правительственныхъ стремленій къ проведенію назрѣвшихъ и всѣми сознанныхъ реформъ.—Въ извѣстномъ дневникѣ А. В. Никитенко подъ 1 января 1863 г. записано: „Новый годъ! всѣ какъ будто вдругъ обезумѣли: такая бѣготня и суматоха! Что же это такое? Вѣдь въ сущности ни малѣйшаго намека на то, что случилось что нибудь новое, что образовывало бы рубежъ между 1862 и 1863 г. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ сыпятся поздравленія, всѣ поддаются какимъ то надеждамъ, вѣроятно и въ этомъ году такимъ же несбыточнымъ, какъ и въ прошломъ". Пророчество сбылось, и дѣйствительно съ этого момента начинается уже diminuendo, которое непрерывно идетъ вплоть до нашихъ дней и заканчивается комиссіей Н. В. Муравьева для пересмотра законоположеній по судебной части, комиссіей, которая подводитъ окончательные итоги.

И прежде всего это diminuendo съ чрезвычайной яркостью отразилось на отношеніи правительства къ голосу общества, который оно само же пожелало услышать и который, какъ мы только что видѣли, поданъ былъ съ полной искренностью и съ глубокимъ интересомъ, соотвѣтствовавшимъ знанію и пониманію дѣла. Всѣ шесть грандіозныхъ томовъ „замѣчаній", въ которыя вложено было столько беззавѣтнаго труда и энергіи, оказались совершенно не нужными, какъ будто совершенно забыли, что правительство обращалось къ частнымъ

и должностнымъ лицамъ съ просьбой высказаться объ основныхъ положеніяхъ. Изъ дальнѣйшаго хода реформы оказывается, что эти „положенія“ составляютъ предѣлъ, „его же не прейдеши“, и дальнѣйшему развитію не подлежатъ. Въ объяснительныхъ запискахъ, составленныхъ къ основнымъ положеніямъ учрежденной при государственной канцеляріи „комиссіей для начертанія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части“, то и дѣло встрѣчаются ссылки на непререкаемость основныхъ положеній, на невозможность отступить отъ буквы ихъ. — Этимъ аргументомъ члены комиссіи при разногласіи весьма успѣшно побивали другъ друга, а затѣмъ, когда проекты перешли на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, то здѣсь этотъ аргументъ постоянно дѣйствовалъ и противъ комиссіи и взаимно между собой. Такъ напр., по поводу различныхъ замѣчаній по вопросу о преданіи суду должностныхъ лицъ Государственный Совѣтъ замѣчаетъ: „такъ какъ предначертанное въ проектѣ правило о преданіи суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства перенесено буквально изъ Высоч. утв. основныхъ положеній, то и не можетъ подлежать обсужденію“.— Что же касается замѣчаній и пожеланій частныхъ лицъ, высказанныхъ по требованію правительства, то ихъ словно и не бывало: съ ними не только не считаются, но даже и не упоминаютъ о нихъ. Въ многочисленныхъ объяснительныхъ запискахъ комиссіи и въ журналахъ Государственнаго Совѣта съ трудомъ найдется пять-десять ссылокъ на замѣчанія и эти ссылки играютъ лишь роль орнамента въ букетѣ доказательствъ, безъ котораго легко было бы вовсе обойтись. А кромѣ того, и среди этихъ рѣдкихъ случаевъ бываютъ такіе, когда ссылка дѣлается совсѣмъ не впопадъ. Любопытнымъ примѣромъ можетъ служить вопросъ о порядкѣ отмѣны окончательныхъ приговоровъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ. Меньшинство комиссіи предполагало предоставить отмѣну Прав. Сенату, исходя изъ того, что „отправленіе правосудія въ государствѣ, какъ своего рода священнодѣйствіе, должно быть всюду

одинаково. Всѣ органы суда должны дѣйствовать подъ надзоромъ одной и нераздѣльной власти верховнаго судилища. Только при такомъ единствѣ толкованія закона судебная доктрина можетъ сдѣлаться достояніемъ каждаго, и въ нашей русской жизни установится тотъ духъ законности, при которомъ только и можемъ мы ожидать общественнаго благоустройства и настоящаго, а не мнимаго прогресса". Большинство же, въ томъ числѣ и С. Зарудный, полагало, что кассаціонной инстанціей должны быть суд. палаты, и въ подтвержденіе своего мнѣнія между прочимъ приводитъ такое соображеніе: „когда основныя положенія были распубликованы во всеобщее извѣстіе и разосланы по всѣмъ русскимъ практикамъ... всѣ подумали, что мир. судьи и ихъ съѣзды учреждаются на совершенно независимомъ основаніи и останутся безъ всякаго судебнаго контроля. Противъ этого неправильнаго предположенія... поднялся, можно сказать, общій вопль". Но на этотъ вопль боязни произвола со стороны мировыхъ судей съ бо̀льшимъ правомъ могло сослаться меньшинство, отстаивавшее единообразное примѣненіе закона, нежели большинство, которое находило, что инстанція, отмѣняющая приговоры мирового суда, должна разсматривать дѣла не только съ формальной, но и съ матерьяльной точки зрѣнія, а такая точка несомнѣнно не можетъ быть свободна отъ произвола сообразно весьма различнымъ представленіямъ каждаго о справедливости. И такимъ образомъ ссылка эта на „общій вопль" во всякомъ случаѣ неумѣстна въ качествѣ аргумента противъ меньшинства, которое еще болѣе ревностно заботилось о гарантіяхъ въ приговорахъ мировыхъ судей.

Замѣчательно, что когда проекты даже воспринимали предложенія, указанныя замѣчаніями *), это дѣлалось безъ всякаго о нихъ упоминанія.—Этому впрочемъ не приходится удивляться, ибо подобное отношеніе у насъ далеко не рѣд-

*) См. выше, стр. 86, 87.

кость. И сейчасъ вотъ правительство черезъ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности запросило мнѣніе страны по различнымъ вопросамъ, затѣмъ собрало отвѣты въ 58 томовъ, изъ томовъ сдѣлало сводки и затѣмъ... оставило эти отвѣты безъ всякаго вниманія. Даже и Особое Совѣщаніе въ тѣхъ вопросахъ, которые оно до сихъ поръ разработало, совершенно не упоминаетъ о трудахъ мѣстныхъ комитетовъ. При такихъ условіяхъ можно скорѣе недоумѣвать, почему, не смотря на практическую безрезультатность, общество съ неослабной энергіей и трудомъ продолжаетъ откликаться на всякое обращеніе къ нему.

Само собою разумѣется, что такое самоограниченіе рамками основныхъ положеній не могло не отразиться на дальнѣйшемъ ходѣ судебнаго преобразованія. Для творческой мысли не оставалось почти никакого простора. Вмѣсто того чтобы идти впередъ въ анализѣ и созиданіи условій, необходимыхъ для правильнаго дѣйствія судебныхъ уставовъ, Госуд. Совѣтъ возвращается вспять, тратя свои силы на уясненіе и изысканіе буквальнаго смысла основныхъ положеній. Рельефнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить вопросъ о судебной пошлинѣ. Въ отвѣтъ на высказанное меньшинствомъ мнѣніе, что судебная пошлина должна увеличиваться сообразно цѣнѣ иска, но не пропорціонально, а въ уменьшающейся прогрессіи, большинство разсуждаетъ: „прежде всего должно обратиться къ образу разрѣшенія его (т. е. этого вопроса) основными положеніями... Въ ст. 123 основныхъ положеній установлено: „будетъ установленъ новый видъ исковой пошлины съ прошеній, взимаемой при самой подачѣ ихъ въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ цѣнѣ иска“. – Точный смыслъ этихъ словъ приводитъ къ прямому заключенію, что основаніемъ къ исчисленію помянутой пошлины должна быть принимаема одна только цѣна иска, и что затѣмъ, сообразно увеличенію сей послѣдней, размѣръ первой долженъ не уменьшаться, а увеличиваться“. И если даже такой, хотя и очень важный, но совершенно частный, не

касающійся основныхъ началъ реформы вопросъ былъ уже окончательно предрѣшенъ „положеніями", то, очевидно, дальше идти было некуда.—При этомъ, конечно, чѣмъ выше поднималось разсмотрѣніе судебныхъ уставовъ, тѣмъ проще и безапелляціоннѣе отвергались всякія стремленія идти на встрѣчу обнаружившимся запросамъ жизни. Такъ напр., комиссія единогласно признала необходимымъ ввести институтъ защиты на предварительномъ слѣдствіи, полагая, что онъ „является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ допущенія представителя обвинительной власти къ присутствованію при всѣхъ дѣйствіяхъ судебнаго слѣдователя". Эта принципіальная постановка вопроса въ соединенныхъ департаментахъ была опрокинута опасеніемъ, что защитникъ „сочтетъ своей обязанностью противодѣйствовать собранію обличительныхъ доказательствъ и способствовать обвиняемому въ сокрытіи слѣдовъ преступленія". Но вѣдь это соображеніе съ равной силой можно было бы выставить и противъ допущенія защиты на судебномъ слѣдствіи; несомнѣнно, что безъ ея участія обвинительный приговоръ является болѣе обезпеченнымъ.—Далѣе, напр., комиссія и соединенные департаменты проектировали постановить правило, „что за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло подлежитъ разсмотрѣнію при закрытыхъ дверяхъ суда, при производствѣ предварительнаго слѣдствія могутъ присутствовать и посторонніе лица, если суд. слѣдователь не признаетъ, что присутствіе ихъ можетъ служить препятствіемъ къ открытію истины, а лица женскаго пола во всякомъ случаѣ не допрашиваются наединѣ". Но и въ такой скромной формѣ Общее Собраніе отвергло гласность, причемъ любопытно, что однимъ изъ аргументовъ выставляется то обстоятельство, что „въ деревняхъ и захолустьяхъ, гдѣ часто совершаются слѣдственныя дѣйствія, слѣдователь поневолѣ остается наединѣ съ обвиняемымъ"; и затѣмъ, совершенно забывъ все, что было столь краснорѣчиво сказано имъ по другому поводу, Госуд. Совѣтъ не задумывается даже высказать, что „для предотвращенія очевидныхъ злоупотребленій и упущеній есть, кромѣ глас-

ности, другое *болѣе дѣйствительное* обезпеченіе, это—повѣрка предварительнаго слѣдствія и неотъемлемое право подсудимаго приносить жалобы на непредоставленіе ему всѣхъ способовъ къ его оправданію". И какъ бы для того, чтобы еще рѣзче оттѣнить бюрократически придумываемый ad hoc характеръ разсужденія, Госуд. Совѣтъ тутъ же ссылается на „опытъ примѣненія Свода Законовъ", того самаго свода, которому меньше всего можно было поставить въ упрекъ отсутствіе этихъ „болѣе дѣйствительныхъ обезпеченій", въ дѣйствительности, однако, сводившихся къ нулю.

Особенно важнымъ и многочисленнымъ измѣненіямъ подвергся вопросъ о порядкѣ избранія кандидатовъ на вакантное мѣсто по судебному вѣдомству вообще; по этому вопросу ничего не было предустановлено въ основныхъ положеніяхъ. Въ комиссіи произошло разногласіе. Меньшинство предполагало довольно широко поставить автономію судебныхъ мѣстъ, предоставивъ имъ исключительное право избирать, въ связи съ системой конкурсныхъ испытаній кандидатовъ на должности членовъ судовъ и палатъ, и сенаторовъ. Министру же юстиціи предоставлялось только право на ряду съ избранными кандидатами въ члены суда представлять на Высочайшее усмотрѣніе и своихъ кандидатовъ или даже только своихъ, но съ объясненіемъ причинъ, почему онъ не считаетъ возможнымъ утвердить представленіе палаты. Большинство съ этимъ мнѣніемъ не согласилось, и отвергло конкурсныя испытанія. Засимъ, соединенные департаменты Государственнаго Совѣта нашли невозможнымъ предоставить судебнымъ мѣстамъ избирать предсѣдателей, товарищей и сенаторовъ. „Что же касается замѣщенія должностей членовъ въ означенныхъ судахъ и палатахъ, то указаніе общими ихъ собраніями на лица, достойныя занять эти должности, можетъ быть очень полезно для министра юстиціи; но это указаніе, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, не слѣдуетъ признавать настолько для него обязательнымъ, чтобы онъ непремѣнно долженъ былъ объяснять причины, побуждающія его къ устраненію избранныхъ

судомъ кандидатовъ, тѣмъ болѣе, что по основнымъ положеніямъ, всѣ сіи должности замѣщаются по представленію министра юстиціи, и при этомъ вовсе не сказано, чтобы онъ въ своихъ представленіяхъ могъ быть стѣсняемъ чьими либо указаніями". Это ограниченіе судебной автономіи имѣло самыя роковыя послѣдствія для всего предпринятаго преобразованія. Наиболѣе просвѣщенное меньшинство комиссіи уже и тогда понимало, что „отъ такого или другого замѣщенія извѣстной должности зависитъ большая или меньшая независимость служащаго въ этой должности—не отъ закона, отъ котораго всѣ должны зависѣть, а отъ лицъ. Если желательно, чтобы судебная власть было независима отъ административной,—что по основнымъ положеніямъ составляетъ краеугольный камень настоящей реформы,—то и самое замѣщеніе судебныхъ должностей должно совершаться по указаніямъ судебной власти". А такъ какъ фактически назначеніе на всѣ должности, начиная съ судебнаго слѣдователя, находится въ рукахъ министра и директора 1-го департамента, то, слѣдовательно, краеугольный камень реформы сразу же былъ вынутъ и реформа построена была на пескѣ. Чтобы убѣдиться въ полной зависимости магистратуры отъ администраціи, стоитъ заглянуть въ пріемные часы въ переднюю директора, гдѣ подобострастно выжидаютъ появленія этого чиновника и предсѣдатели судовъ, и старшіе предсѣдатели, а порою и сенаторы. Поѣздки на поклонъ въ Петербургъ, достигшіе теперь повидимому своего апогея, (встрѣчаются, напр., прокуроры окраинныхъ палатъ, которые проводятъ въ Петербургѣ чуть ли не большую часть года), начались съ первыхъ дней реформы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ М. Ѳ. Громницкій въ своихъ воспоминаніяхъ *).

---

*) Ср. описаніе пріема у гр. Палена и директора департамента Эссена и роль чиновника особыхъ порученій Бурлакова, типа, наиболѣе пышно развившагося въ наше время.

Правда, большинство комиссіи полагало, что „министръ юстиціи не только поставленъ во главѣ прокурорскаго надзора, но составляетъ средоточіе всего судебнаго управленія. Наблюденіе за личными дѣйствіями судебныхъ чиновъ входитъ въ прямую его обязанность. Къ нему будутъ стекаться и всѣ свѣдѣнія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, такъ что, имѣя всѣ данныя для правильной оцѣнки кандидатовъ, отъ участія его въ этомъ дѣлѣ можно ожидать только пользы". Въ жертву этимъ бюрократическимъ соображеніямъ принесены были условія судоустройства, которыя та же комиссія единогласно признаетъ главными и которыя постоянно, по ея мнѣнію, слѣдуетъ имѣть въ виду: „самостоятельность суда и независимость судьи, — безъ чего собственно не можетъ быть суда въ настоящемъ значеніи этого слова". Такимъ образомъ основы эти были поколеблены, а надежды на пользу отъ вмѣшательства, увы, оказались тщетными, польза и произволъ несовмѣстимы. И недавно еще по поводу десятилѣтняго юбилея нынѣшнаго министра юстиціи мы писали въ „Правѣ": переполненіемъ центральнаго вѣдомства чисто-бюрократическими чиновными элементами, можно объяснить, что представленія судовъ о замѣщеніи открывающихся вакансій весьма нерѣдко не уважаются, назначаются кандидаты чуждые, при чемъ не задумываются посылать въ гражданскія отдѣленія и департаменты лицъ, никогда не занимавшихся гражданскимъ правомъ, и даже бывали случаи назначенія въ столичныя судебныя палаты лицъ, никогда не служившихъ по судебному вѣдомству.

Но мы забѣжали далеко впередъ, куда такъ неудержимо влечетъ наклонная плоскость, на которую поставило судебные уставы разсматриваемое правило. Возвращаясь къ осуществленію реформы, слѣдуетъ еще отмѣтить замѣчательное для того времени мнѣніе меньшинства комиссіи о необходимости избирать мировыхъ судей не въ земскихъ собраніяхъ, а въ особыхъ, спеціально для этого составляемыхъ, потому что „земскія собранія предположено учредить для завѣдыванія

дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ и вслѣдствіе того къ участію въ нихъ призываются только мѣстные собственники или капиталисты, а право голоса въ нихъ предоставляется только весьма ограниченному числу лицъ, изъ которыхъ ни одно не пользуется этимъ правомъ непосредственно, но получаетъ его только чрезъ первоначальный выборъ его въ гласные, на особыхъ предварительныхъ собраніяхъ нѣкоторыхъ жителей уѣзда или извѣстной его части. Между тѣмъ въ выборѣ лицъ, которымъ ввѣряется мѣстное отправленіе правосудія, заинтересованы и многія другія лица, до которыхъ хозяйственныя дѣла ихъ мѣстности нисколько не касаются, какъ напримѣръ, всѣ лица, не имѣющія ни поземельной, ни городской собственности... По ограниченному составу уѣздныхъ земскихъ собраній, выборъ мировыхъ судей и участь всего народонаселенія въ дѣлахъ правосудія будетъ отдана въ руки весьма небольшого числа лицъ... Бóльшая часть членовъ уѣздныхъ земскихъ собраній охотно будутъ искать этихъ должностей и такимъ образомъ сдѣлаютъ изъ нихъ для себя монополію. Конечно, въ этомъ случаѣ народонаселеніе не можетъ имѣть къ такимъ судьямъ ни довѣрія, ни уваженія".

Съ этимъ мнѣніемъ не согласилось большинство по тому оригинальному соображенію, что и при такомъ порядкѣ „многіе заинтересованные въ избраніи мировыхъ судей, но не подходящіе подъ предлагаемый семью членами, или другой какой либо, избирательный цензъ, также будутъ устранены отъ выборовъ". Едва ли нужно прибавлять, что Госуд. Совѣтъ согласился съ большинствомъ, передавъ такимъ образомъ всю мѣстную судебную власть почти исключительно въ руки одного господствующаго сословія.

Для характеристики недовѣрія къ населенію любопытно, кстати, отмѣтить тѣ измѣненія, которыя вносились въ проектированный порядокъ избранія въ мир. судьи лицъ, неудовлетворяющихъ требованіямъ устанавливаемаго ценза. Комиссія предположила предоставить квалифицированному

большинству (2/3 присутствующихъ) избирать въ мир. судьи, не стѣсняясь требованіями ценза; соединенное присутствіе признало необходимымъ повысить квалификацію, установивъ 2/3 голосовъ по отношенію къ полному закономъ опредѣленному числу гласныхъ земскаго собранія, а общее собраніе замѣнило большинство—единогласнымъ избраніемъ, неудобство коего быстро обнаружилось и подробно выяснено въ сенаторскихъ ревизіяхъ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Къ тому же разряду вредныхъ ограниченій относится и постепенное повышеніе ценза прис. засѣдателей. Устанавливая имущественный цензъ, комиссія исходила изъ того соображенія, что безъ него „въ присяжные поступали бы лица бѣдныя, неимѣющія достаточнаго образованія и недостаточно развитыя для того, чтобы исполнять важную и трудную обязанность прис. засѣдателей“, и потому совершенно послѣдовательно допустила изъятіе для лицъ образованныхъ, а Госуд. Совѣтъ отвергнулъ это изъятіе, находя, что „если (!) и могутъ быть такія лица, которыя по окончаніи наукъ, не соотвѣтствуютъ“ требованіямъ ценза, то „такія лица едва ли внушаютъ къ себѣ столько довѣрія, чтобы допустить ихъ къ важной обязанности прис. засѣдателя“. Это, впрочемъ, было только началомъ длиннѣйшей исторіи: наиболѣе частымъ измѣненіямъ въ дальнѣйшемъ подвергался именно цензъ присяжныхъ засѣдателей, наиболѣе ожесточеннымъ нападкамъ подвергался именно этотъ институтъ.

Въ концѣ концовъ единственнымъ отступленіемъ отъ основныхъ положеній было установленное комиссіей и одобренное соединеннымъ присутствіемъ Госуд. Совѣта разрѣшеніе печатать не только окончательныя, но всякія судебныя рѣшенія, и притомъ не только въ юридическихъ журналахъ, но и во всѣхъ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, въ которыхъ будетъ отдѣлъ юридической хроники, вопреки прямому указанію ст. 62 основныхъ положеній судоустройства. И въ разсужденіяхъ по этому поводу ни комиссія, ни Госуд. Совѣтъ не обмолвились ни

однимъ словомъ о томъ, что здѣсь они прямо расходятся съ основными положеніями, изъ чего и можно заключить, что эти положенія вовсе не представляли чего-то абсолютно непререкаемаго, а если фактически комиссія отступила отъ нихъ только по указанному вопросу, то это произошло потому, что на большее у нея не хватило силъ и отваги, или же потому, что она понимала необходимость примѣняться къ измѣнившимся обстоятельствамъ.

При разсмотрѣніи основныхъ положеній мы указывали, что два важныхъ вопроса будущаго судебнаго строя остались весьма мало выясненными, а именно: долженъ ли мир. судья въ своей дѣятельности руководствоваться закономъ или совѣстью своей и, во вторыхъ, являются ли прис. засѣдатели судьями факта или же по своему свободному убѣжденію они разрѣшаютъ вопросъ о вмѣняемости преступленія въ каждомъ данномъ случаѣ?

Несмотря на то, что вопросы эти были затронуты и въ замѣчаніяхъ, послѣдовавшихъ на „основныя положенія“, въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ на нихъ не было обращено достаточнаго вниманія. Въ объяснительной запискѣ къ уставамъ весьма бѣгло говорится, что мир. судью не слѣдуетъ стѣснять правилами о силѣ формальныхъ доказательствъ (но это въ равной мѣрѣ относится и къ общимъ судебнымъ мѣстамъ), а въ главѣ о рѣшеніи вовсе не говорится, чѣмъ долженъ руководствоваться судья при постановленіи рѣшеній. Только въ журналѣ Госуд. Совѣта мы читаемъ, что „Соединенные Департаменты находили, что для того, чтобы устанавливаемыя для мироваго судопроизводства правила получили правильное примѣненіе и чтобы мировой судья съ самаго начала уяснилъ себѣ тотъ характеръ дѣятельности, который предназначается ему по мысли законодателя, необходимо точнѣе выразить въ проектѣ, что оцѣнка представляющихся въ дѣлѣ доказательствъ производится имъ по совѣсти и что лишь разрѣшеніе юридическаго вопроса въ дѣлѣ не должно противорѣчить закону“.

Если сравнить выраженное здѣсь правило, вошедшее въ 102 ст. устава гр. судопр., со ст. 411 того же устава, касающейся оцѣнки доказательствъ общими судебными мѣстами, то мы увидимъ, что послѣдніе обязаны приводить въ рѣшеніяхъ основанія, по которымъ они принимаютъ за доказательство свидѣтельскія показанія и почему показаніе одного свидѣтеля они предпочитаютъ другому. Если же общіе суды обязаны приводить основанія, то очевидно, что они должны быть убѣдительны для всѣхъ, иначе говоря, основанія эти должны быть построены на данныхъ разума, функціонирующаго по одинаковымъ для всѣхъ людей законамъ человѣческаго мышленія; мировой же судья, не обязанный мотивировать своей оцѣнки, можетъ и самому себѣ не отдавать отчета и судить на основаніи впечатлѣній, получаемыхъ отъ личности свидѣтелей, впечатлѣній, которыя складываются изъ мелкихъ, неуловимыхъ штриховъ и образуютъ то, что французы называютъ conviction intime. Но этимъ и исчерпывается разница. Засимъ, при постановкѣ рѣшенія и мировой судья безусловно связанъ закономъ и отнюдь не является судьею совѣсти подобно судьѣ третейскому. Правда, въ отличіе отъ рѣшеній общихъ судовъ, которыя должны содержать указанія на законы, послужившіе основаніемъ къ разрѣшенію спорнаго правоотношенія, отъ мировыхъ судей требуется, какъ мы видѣли, чтобы ихъ рѣшенія не противорѣчили закону. Но это различіе имѣетъ значеніе только для того случая, когда разрѣшается отношеніе, закономъ не предусмотрѣнное. Тогда общіе суды должны руководствоваться правилами юридическаго толкованія, примѣняя аналогію, общій смыслъ законовъ, а мировой судья можетъ разрѣшить случай по своему усмотрѣнію. Это подтверждается еще и тѣмъ, что рѣшенія мирового суда подлежатъ не только апелляціи, но и кассаціи, т. е. отмѣнѣ по неправильному примѣненію закона.

Что же касается второго вопроса—о компетенціи присяжныхъ засѣдателей,—онъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ не

обратилъ на себя никакого вниманія. Между тѣмъ, какъ уже указывалось выше, въ законодательствѣ существуютъ двѣ системы суда присяжныхъ: англійская признаетъ за присяжными только право разрѣшать вопросъ, совершилъ ли подсудимый то или другое дѣяніе, и континентальная—предоставляющая имъ опредѣлить, подлежитъ ли данное дѣяніе вмѣненію подсудимому въ вину. Это обстоятельство и дало формальный поводъ нападать на нашъ судъ присяжныхъ, когда онъ послѣдовалъ континентальной системѣ. Мы говоримъ—формальный, ибо по существу врядъ ли могло подлежать спору, что отсутствіе въ законѣ какихъ либо указаній на ограниченіе функцій присяжныхъ въ разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго свидѣтельствуетъ, что они опредѣляютъ не только, совершилъ ли подсудимый преступленіе, но и можетъ ли оно быть ему вмѣнено въ вину. Въ этомъ отношеніи не было никакого разногласія между нашими учеными, практикой Правительствующаго Сената перваго времени и періодической печатью. Но тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, вопросъ этотъ не сходилъ со сцены до самыхъ послѣднихъ дней и тѣмъ удивительнѣе, что и комиссія Н. В. Муравьева по примѣненію судебныхъ уставовъ къ условіямъ настоящей эпохи не дала себѣ яснаго отчета въ разсматриваемомъ вопросѣ. Такъ, въ объяснительной запискѣ къ учр. суд. установленій, составленной въ юрисконсультской части министерства юстиціи, мы читаемъ: „процессуальная дѣятельность суда при отправленіи правосудія по уголовнымъ дѣламъ распадается, такъ сказать, *на двѣ части*—установленіе фактической стороны разсматриваемаго дѣла и примѣненіе къ нему соотвѣтствующей правовой нормы. Послѣдняя задача, конечно, предполагаетъ юридическія познанія и было бы неправильно возлагать ее на судей, не имѣющихъ ни юридической подготовки, ни практическаго навыка“. — А въ другомъ томѣ, въ объясн. запискѣ къ уставу угол. судопр. мы читаемъ другое: „Дѣятельность уголовнаго суда при постановленіи приговора представляетъ съ логи-

ческой стороны *три момента*. Первый моментъ заключается въ установленіи однихъ голыхъ фактовъ, второй моментъ въ подведеніи всѣхъ фактовъ подъ предустановленное закономъ отвлеченное понятіе преступленія, изъ чего образуется одно цѣлое—виновность лица въ извѣстномъ преступленіи, и третій—въ опредѣленіи соотвѣтствующаго винѣ наказанія.—Первый моментъ еще не заключаетъ въ себѣ судебной дѣятельности въ настоящемъ ея смыслѣ; почему и наименованіе присяжныхъ судьями, если бы они были ограничены участіемъ въ первомъ моментѣ судебнаго изслѣдованія, было бы совершенно непонятно... Комиссія приходитъ къ тому заключенію, что присяжные засѣдатели, призываемые для отдѣльнаго отъ коронныхъ судей разрѣшенія вины или невиновности подсудимаго, обсуждаютъ таковую съ точекъ зрѣнія и фактической, и правовой". Такимъ образомъ, по одной запискѣ выходитъ, что компетенція присяжныхъ ограничивается констатированіемъ фактовъ, а вторая записка утверждаетъ, что въ такомъ случаѣ ихъ нельзя было бы назвать судьями и что въ дѣйствительности они оцѣниваютъ фактическую сторону въ связи съ правовой.

Итакъ, дальнѣйшее теченіе преобразованія судебной части не представляетъ ни одного настоящаго шага впередъ сравнительно съ основными положеніями и высказанныя, по приглашенію правительства, литературой и обществомъ замѣчанія оставлены были рѣшительно безъ всякаго вниманія. Въ теченіе Мая, Іюня и Іюля 1864 г. проекты комиссіи разсмотрѣны были Соединенными Департаментами Госуд. Совѣта въ 35 засѣданіяхъ, въ Сентябрѣ и Октябрѣ они подверглись обсужденію Общаго Собранія, а 20 Ноября 1864 г. послѣдовалъ знаменитый указъ Прав. Сенату, гласящій такъ:

„По вступленіи на прародительскій престолъ, однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ Манифестѣ 19 марта 1856 года, было: „*правда и милость да царствуютъ въ судахъ*".

„Съ того времени среди другихъ преобразованій, вызван-

ныхъ потребностями народной жизни, Мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли посредствомъ лучшаго устройства судебной части и, послѣ многостороннихъ предварительныхъ работъ во второмъ отдѣленіи Собственной Нашей канцеляріи, 29 Сентября 1862 года утвердили и тогда же повелѣли обнародовать въ общее свѣдѣніе основныя положенія преобразованія этой части.

„Составленные въ развитіе сихъ основныхъ положеній, особо учрежденною Нами комиссіею, проекты уставовъ нынѣ подробно обсуждены и исправлены Государственнымъ Совѣтомъ.

„Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго.

„Вслѣдствіе того, признавъ за благо утвердить составленные и разсмотрѣнные въ такомъ порядкѣ: 1) учрежденіе судебныхъ установленій, 2) уставъ уголовнаго судопроизводства, 3) уставъ гражданскаго судопроизводства и 4) уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и препровождая означенныя законоположенія въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ ему сдѣлать надлежащія распоряженія для ихъ обнародованія. Порядокъ приведенія ихъ въ дѣйствіе будетъ, неотложно за симъ, особо Нами указанъ.

„Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого великаго дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства нынѣ, по волѣ Нашей, на новыхъ основаніяхъ образуемаго".

Указъ этотъ весьма ярко подчеркиваетъ сущность судебной реформы. Ея задача--заставить всѣхъ и каждаго руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ только закономъ и средствомъ для этого является самостоятельность судей. Справедливо замѣчено было въ одномъ изъ журналовъ за 1866 г.: „какъ ни рѣшительны и глубоки были государственныя преобразованія, предшествовавшія судебной реформѣ, ей однако принадлежитъ самый обширный кругъ дѣйствія на всѣ наши общественныя отношенія, частныя и офиціальныя". Указъ о введеніи судебныхъ уставовъ, признавая, что до сихъ поръ наша общественная жизнь не основывалась на законѣ, бросилъ новыя учрежденія на борьбу съ повсемѣстно царившимъ произволомъ, на которомъ, однако, зиждился весь нашъ государственный строй того времени. Съ этой точки зрѣнія представляется вполнѣ понятнымъ и послѣдовательнымъ восклицаніе яраго врага судебныхъ уставовъ В. Фукса: „теоретики 1861—1864 гг. имѣли въ виду не улучшеніе способовъ рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, но созданіе такого суда, который содѣйствовалъ бы (вѣрнѣе было бы сказать—соотвѣтствовалъ) перестройкѣ самого государственнаго организма по вѣяніямъ того времени" *).

Обнародованіе судебныхъ уставовъ не всюду вызвало то общественное возбужденіе и радостныя надежды, какими сопровождалось опубликованіе основныхъ положеній. Въ дневникѣ А. В. Никитенко мы встрѣчаемъ подъ 5 Декабря 1864 г. даже такую тираду: „Читалъ обнародованные на дняхъ законы о судахъ. Вотъ великолѣпный монументъ нашего времени... Между тѣмъ о немъ, за исключеніемъ небольшого круга, непосредственно соприкасающагося съ этимъ дѣломъ, очень мало говорятъ и думаютъ въ обществѣ... Я пробовалъ заговорить объ этомъ хоть съ нѣкоторыми изъ товарищей по академіи, но нашелъ мало сочувствія".—Это, впрочемъ, относилось, главнымъ образомъ, къ Петербургу, гдѣ уже чувствовалось, что

*) Судъ и полиція, ч. II с. 19.

движеніе впередъ будетъ совершаться далеко не безпрепятственно. Въ провинціи же отдавались новому суду безъ заднихъ мыслей съ глубокой вѣрой въ него. Въ своихъ воспоминаніяхъ „Изъ прошлаго“ *) М. Ѳ. Громницкій, одинъ изъ первыхъ дѣятелей реформированнаго суда—свидѣтельствуетъ, что давно жданное извѣстіе объ обнародованіи судебныхъ уставовъ наполнило всѣхъ большой радостью. „Хотѣлось говорить, кричать по поводу этого событія... Въ ближайшее воскресенье въ залѣ дворянскаго собранія по поводу событія былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ присутствовало много людей, совсѣмъ далекихъ по своему положенію отъ судебнаго міра. Тостамъ и рѣчамъ не было конца. Чтенію судебныхъ уставовъ всѣ, конечно, предались съ увлеченіемъ“.

Этого восторга, несомнѣнно, поубавилось бы, если бы тогда уже можно было предвидѣть, что въ провинціи новый судъ осуществится еще весьма не скоро и что многія мѣстности даже и не увидятъ у себя судебныхъ уставовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были опубликованы 20 Ноября 1864 г. — А между тѣмъ, это было именно такъ! Борьба возникла тотчасъ и наступленіе начато было не новыми учрежденіями — ихъ еще и не было, а — старыми силами по нарождающемуся только врагу. Его пытались убить въ зародышѣ, стали носиться слухи, что введеніе новаго суда отсрочивается на неопредѣленное время; 8 Января 1866 г. А. В. Никитенко записываетъ въ своемъ дневникѣ: „говорятъ, что шепнуто, кому подобаетъ, чтобы здѣшнему суду было внушено, да не придерживается онъ очень строго закона въ оправданіи проступковъ по дѣламъ печати“. Въ томъ же 1866 г. министры внутреннихъ дѣлъ и госуд. имуществъ и шефъ жандармовъ подали государю записку объ усиленіи губернаторской власти и въ этой запискѣ предлагалось предоставить губернаторамъ

*) Р. Мысль, 1899 г.

„право требовать въ свое присутствіе, для личныхъ объясненій, должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и судебныхъ*), а равно всякое частное лицо“ и „подтвердить, чтобы существующія въ губерніи установленія всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и судебнаго... равныя губернскимъ, входили къ губернаторамъ съ представленіемъ, а мѣста и лица, равныя уѣзднымъ—съ донесеніемъ“ **).

Эта борьба привела прежде всего къ тому, что въ виду новизны дѣла „стали сомнѣваться въ пользѣ одновременнаго введенія судебныхъ уставовъ во всей Имперіи“, хотя раньше объ этомъ и вопроса не возникало.—Сторонникомъ постепеннаго введенія новыхъ учрежденій выступилъ и министръ юстиціи Замятнинъ противъ предсѣдательствовавшаго въ Госуд. Совѣтѣ князя Гагарина, который горячо доказывалъ необходимость сразу осуществить судебную реформу повсемѣстно. Пока дѣло дошло до Госуд. Совѣта, не было уже и рѣчи объ осуществленіи плана князя Гагарина, приходилось уже отстаивать мысль о введеніи уставовъ по крайней мѣрѣ во всѣхъ судахъ столичныхъ округовъ, а не только въ Петербургѣ и Москвѣ. Очень любопытны соображенія Госуд. Совѣта по этому поводу: „введеніе ихъ (т. е. судебныхъ уставовъ) въ 1866 году въ двухъ только губерніяхъ не соотвѣтствовало бы ни важности предпріятія, ни объявленнымъ намѣреніямъ Государя Императора водворить въ Россіи судъ на началахъ, болѣе обусловливающихъ правильность его дѣйствій, ни основаннымъ на неоднократномъ оглашеніи этихъ

*) Любопытна эта оговорка, совершенно излишняя въ виду предшествующихъ ей словъ „всѣхъ вѣдомствъ“ и заставляющая поэтому думать, что въ ней то весь центръ тяжести.

**) Историческій обзоръ дѣятельности Комит. Мин. т. VI ч. 1. с. 130 сл. Объ усиленіи власти говоритъ значительно позже и А. Головачевъ въ своей книгѣ „Десять лѣтъ реформъ“ (с.303): „Припомнимъ проектъ объ усиленіи власти губернаторовъ, который хотя и не былъ опубликованъ, но содержаніе котораго далеко не тайна... Въ немъ проводилась мысль о необходимости вліянія администраціи на судебную власть“.

намѣреній надеждамъ русскаго народа. Такой приступъ къ судебной реформѣ могъ бы произвести самое неблагопріятное впечатлѣніе, ибо если, послѣ признанія этой реформы дѣломъ особенно важнымъ и неотложнымъ, будетъ заявлено, что на первый годъ введеніе ограничится двумя губерніями, то одно это можетъ отнять у остальной Россіи всякую надежду дождаться въ скоромъ времени обѣщаннаго ей блага, такъ какъ нѣтъ достаточнаго основанія расчитывать на болѣе быстрое впослѣдствіи распространеніе судебнаго преобразованія, а при продолженіи онаго въ такихъ малыхъ размѣрахъ, полное осуществленіе его въ однихъ, по общему учрежденію управляемыхъ, губерніяхъ потребовало бы болѣе 20 лѣтъ. Очевидно, что такое направленіе дѣла было бы противно не только интересамъ общества, но и всенародно заявленной въ Высочайшемъ указѣ 20 ноября 1864 года волѣ Его Императорскаго Величества *)".

Всѣ эти, казалось бы, непобѣдимыя соображенія разбились о такъ называемыя „финансовыя затрудненія", которыя съ тѣхъ поръ служили неизмѣннымъ и вѣрнымъ предлогомъ для обузданія всякихъ попытокъ къ дальнѣйшимъ судебнымъ преобразованіямъ.—Еще недавно одна законодательная комиссія, ликвидирующая реформу 19 февраля 1861 г., въ объясненіе своихъ комбинацій ссылалась на финансовыя затрудненія и по этому поводу мы писали: „Аргументъ, неоднократно встрѣчающійся въ трудахъ комиссіи, представляется намъ не вполнѣ понятнымъ и объясняется, повидимому, отсутствіемъ въ ней представителей финансовой науки. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же думать, что подданные существуютъ для государственнаго казначейства, а не наоборотъ. И если признано, что основная потребность населенія въ правосудіи является совершенно неудовлетворенной, то допустимо-ли при милліардномъ бюджетѣ, покоящемся всецѣло на плечахъ этого же населенія, говорить о

*) Журналъ Соединеннаго Присутствія Госуд. Совѣта 1865 г. № 42.

непосильныхъ расходахъ". Въ данномъ случаѣ нельзя сослаться и на отсутствіе спеціалиста, потому что иниціаторомъ финансовыхъ затрудненій явился самъ министръ финансовъ Гротъ, назначившій на судебную реформу въ 1866 г. только 648000 р. 60 к. Если въ только что изданномъ указѣ Государь призналъ, что безъ этой реформы невозможно общественное благосостояніе, то логически нужно было заключить, что нѣтъ тѣхъ затратъ, предъ которыми слѣдуетъ остановиться, лишь бы ввести преобразованія. Не говоря о томъ, что способствованіе общественному благосостоянію—составляетъ единственную цѣль и исключительный raison d'être государства, но и чисто утилитарныя соображенія должны побуждать дѣлать подобныя затраты какъ можно шире: способствуя общественному благостоянію, они вернутся сторицею.

Врядъ ли, однако, нужно доходить до такихъ „тонкостей" тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о полумилліардномъ, а теперь о двухмилліардномъ бюджетѣ; очевидно, что дѣло перестало казаться настолько важнымъ и неотложнымъ, какимъ оно представлялось двумя годами раньше, и достаточно было ссылки на финансовыя затрудненія, чтобы отказаться отъ совершенно опредѣленныхъ цѣлей. А что такое желаніе вообще начинало проявляться, свидѣтельствуетъ слѣдующая запись въ дневникѣ А. В. Никитенко подъ 17 Іюня 1865 г.: „Говорятъ, что судебная реформа откладывается въ дальній ящикъ. А между тѣмъ, ею возбуждена томительная жажда: всякій чувствуетъ, что безъ нея невозможна никакая безопасность и всякій ожидаетъ ее, какъ манны небесной.—Но административная или бюрократическая сила не хочетъ выпустить власть изъ своихъ рукъ". При такихъ условіяхъ можно скорѣе удивляться, что государственному совѣту удалось убѣдить статсъ секретаря Грота „пожертвовать" на общественное благосостояніе еще около 400 тысячъ рублей „съ тѣмъ что отпускъ полной суммы, исчисленной по временнымъ штатамъ на введеніе судебныхъ уставовъ въ озна-

ченныхъ 10 губерніяхъ, долженъ начаться съ 1867 г.“—Единственное утѣшеніе, которое оставили себѣ Соединенные Департаменты, заключалось въ томъ, что они „полагали постановить, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ, а если можно то и ранѣе, судебные уставы должны быть введены во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію и въ бессарабской области“. Извѣстно, какъ далеко отступила дѣйствительность отъ этихъ предположеній. „Финансовыя затрудненія“ служатъ неизмѣннымъ предлогомъ къ затяжкѣ, и въ своихъ статьяхъ въ „В. Евр.“ А. Головачевъ съ горечью писалъ: „Если мы нашли возможнымъ, со времени изданія судебныхъ уставовъ, увеличить нашъ бюджетъ на военное министерство болѣе чѣмъ на сорокъ милліоновъ, и притомъ въ мирное время, то ясно, что недостатка въ средствахъ на организацію суда быть не могло *)“. Въ теченіе четырехъ лѣтъ не было сдѣлано почти ничего; для дальнѣйшаго распространенія судебной реформы оказалось необходимымъ созывать новую комиссію (на офиціальномъ языкѣ это называлось „для окончательнаго установленія плана дальнѣйшаго осуществленія реформы“) и напр. въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ реформа была осуществлена только въ 1881 г. Въ виду же того, что измѣненія — и притомъ самыя радикальныя—въ судебныхъ уставахъ начались чуть ли не на другой день по ихъ опубликованіи, наибольшей части Имперіи, какъ уже упоминалось выше, и не довелось увидѣть дѣйствія новаго института въ его первоначальномъ, не искаженномъ видѣ.

Послѣ долгихъ и томительныхъ ожиданій и сомнѣній 17 и 23 Апрѣля новые суды были наконецъ открыты въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ pendant къ указаннымъ „финансовымъ затрудненіямъ“ любопытно еще отмѣтить серьезныя затрудненія по пріисканію зданія С.-Петербургскихъ судебныхъ

*) Десять лѣтъ реформъ, с. 275.

установленій, для помѣщенія которыхъ Замятнинъ готовъ былъ отдать домъ генерала-прокурора, и если бы не военный министръ Д. А. Милютинъ, уступившій „по дешевой цѣнѣ“ зданіе стараго арсенала, то, пожалуй, осуществленіе реформы отодвинулось бы еще на нѣкоторое время. И даже когда все было уже готово, опять чуть-чуть не произошло отсрочки изъ-за событія 4 Апрѣля *), хотя, казалось бы, оно никакого отношенія къ новымъ судамъ не имѣло и имѣть не могло.— Въ концѣ концовъ „17 апрѣля, въ день рожденія Государя, около часу дня съ горельефа надъ воротами стараго арсенала была снята завѣса, и слова „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“ впервые заблистали своими золотыми буквами надъ входомъ въ новый судъ**)“. Открытіе совершилось съ большой пышностью, въ присутствіи Высочайшихъ особъ, митрополита, иностранныхъ пословъ (Государь посѣтилъ новый судъ 14 Апрѣля и обратился съ привѣтствіемъ къ представленнымъ ему чинамъ). Министръ Юстиціи произнесъ рѣчь, которую уже упоминавшійся нами В. Фуксъ еще въ 80-хъ годахъ ставилъ ему въ тяжкую вину.—Упомянувъ, что „всѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, дается полная самостоятельность“,—„вотъ въ какомъ видѣ, ужасается В. Фуксъ, первый генералъ-прокуроръ преобразованной магистратуры предусматривалъ послѣдствія этой самостоятельности“,—Министръ сказалъ: „никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть воз-

---

*) См. Джаншіевъ, изд. 8, с. 405.

**) А. Ѳ. Кони. „Новые мѣха и новое вино“. (За послѣдніе годы изд. 2. с. 328), — Статья эта содержитъ блестящее и трогательное описаніе зданій Петербургскихъ и Московскихъ судебныхъ установленій и первыхъ дней реформы.

можности ссылаться и на предписанія начальства" *). Такая постановка суда, по мнѣнію В. Фукса, совершенно не соотвѣтствуетъ самодержавному государству, ибо „выдѣленіе суда изъ государственнаго организма нарушаетъ самый авторитетъ государственной власти, непоколебимость коей была искони въ Россіи основой общаго порядка и благоустройства". Точно также и „право назначенія судебныхъ чиновъ, безъ права ихъ смѣщенія въ случаѣ непригодности, отнюдь не соотвѣтствуетъ авторитету государственной власти". Насколько „Русскій Вѣстникъ" оказался правымъ въ своихъ апріорныхъ соображеніяхъ, мы постараемся разъяснить въ слѣдующихъ главахъ.

---

*) В. Фуксъ, с. 14. т. II.

VI.

Медовый мѣсяцъ судебной реформы.

Въ настоящее время трудно себѣ даже представить, какое огромное впечатлѣніе должно было произвести введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій! Замѣна приказной избы, гдѣ все вершалось угодливыми и продажными чиновниками подъ спудомъ непроницаемой тайны, гласнымъ и самостоятельнымъ судомъ—сразу вырыла непроходимую пропасть между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ.—„Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе лучшія и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены палаты, губернаторы въ предсѣдатели окружныхъ судовъ. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей, какъ на обычную рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была первая любовь. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ и тамъ она, войдя первою въ сердце, послѣднею выходитъ изъ него“ *). С.-Петербургская дума поднесла всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ, между прочимъ, писалось: „открытіе новаго суда наполнило радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія“ **). Въ Харьковѣ состоялся торжественный обѣдъ, на которомъ гор. голова предложилъ тостъ за сліяніе сословій!.. Предложено было устроить литературные

---

*) Кони. Новое вино с. 330. Ср. также Хартулари.

**) Джаншіевъ, с. 408.

вечера для чтенія судебныхъ уставовъ, и издавать Судебный Вѣстникъ. Въ Москвѣ было открыто юридическое общество, предположено было открыть такое же общество въ Астрахани. Въ Воронежѣ, по свидѣтельству М. Ѳ. Громницкаго, на одномъ благотворительномъ литературно-музыкальномъ вечерѣ, на ряду съ пѣніемъ Славянскаго, мѣстный прокуроръ читалъ о мировой юстиціи по судебнымъ уставамъ.

Несмотря на полную новизну дѣла, новые суды сразу же проявили удивительное умѣнье въ примѣненіи уставовъ и стали функціонировать совершенно правильно. Были, конечно, промахи въ смыслѣ допущенія болѣе или менѣе важныхъ отступленій отъ правилъ судопроизводства, но они нисколько не касались, такъ сказать, физіономіи новаго суда, не мѣняли общей картины его дѣятельности. Такъ Громницкій разсказываетъ, что „на первой выѣздной сессіи въ Богородскѣ предсѣдательствовавшій, въ виду сознанія обвиняемаго, не произведя судебнаго слѣдствія, не выслушавши преній сторонъ и не произнеся своего резюме, быстро вручилъ вопросный листъ старшинѣ присяжныхъ засѣдателей, прося ихъ удалиться въ совѣщательную комнату“. Въ самой Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Е. Е. Люминарскаго, „слушалось дѣло, по которому товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія, а окружный судъ, считая этотъ отказъ равносильнымъ отсутствію обвиненія, своею властью, минуя вердиктъ присяжныхъ засѣдателей, призналъ обвиняемаго свободнымъ отъ суда. Дѣло это и оригинальное его разрѣшеніе подняло у насъ въ Москвѣ большой шумъ. Спорящіе раздѣлились на 2 группы: одни находили рѣшеніе суда неправильнымъ, другіе—наоборотъ, утверждали, что иначе нельзя было и поступить“. Были также серьезныя недоразумѣнія и у мировыхъ судей. Такъ „Юрид. Газета“ сообщала: Въ 89 нумерѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ разсказанъ замѣчательный случай, бывшій во время разбирательства у московскаго мирового судьи городского участка, г. Лопухина. Къ мировому судьѣ является проси-

тельница еврейка и объясняетъ, что она только что обронила узелокъ съ деньгами, всего 874 р., что какая-то старуха нашла эти деньги, и что послѣднее могутъ засвидѣтельствовать многіе... Судья принимаетъ горячее участіе въ положеніи бѣдной еврейки, потерявшей такую громадную сумму, какъ она объясняетъ, чужихъ денегъ, тотчасъ отправлястся на мѣсто и застаетъ тамъ старуху, нашедшую деньги. Какъ ни ласково встрѣтилъ судья счастливицу, поздравивъ ее съ находкой, но старуха не сознается ни въ находкѣ, ни въ утайкѣ, говоритъ, что хоть у нея и есть деньги, но они ся собственныя. Судья употребляетъ все свое стараніе, для того чтобы склонить виновницу къ сознанію, ничто не помогаетъ: старуха уперлась на своемъ. Наконецъ, противъ нея приводятся сильныя улики, и утайка найденныхъ денегъ сдѣлалась очевидною. Старуха покаялась и вынесла узелокъ. Судья великодушно предлагаетъ старухѣ сто рублей вознагражденія, но та окончательно растерялась и не знаетъ, что это значитъ. Она ждала чуть-ли не Сибири, а тутъ ей еще денегъ даютъ. „Какъ же это, батюшка, спрашиваетъ она: серебромъ или ассигнаціями"? Судья увѣряетъ, что серебромъ. Но еврейка останавливаетъ порывъ великодушія судьи и съ горькимъ плачемъ отвѣчаетъ, что деньги эти не ся, и что она не можетъ такъ широко располагать чужой собственностью. Тогда, разсказываетъ газета, послѣ нѣкоторыхъ увѣщаній, еврейка соглашается дать 57 рублей и утайка найденныхъ денегъ впервые въ лѣтописяхъ судебной практики, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ у насъ на Руси законы уголовные, заканчивается мировою записью и награждается 57 рублями. Случай поистинѣ замѣчательный"!

Приведя этотъ случай, „Юр. Газета" разъясняетъ, какія неправильности допущены мир. судьею, и убѣждаетъ, что мир. судья долженъ строго руководствоваться установленными въ законѣ правилами. Но та же газета по поводу другого рѣшенія Моск. мир. съѣзда восклицаетъ: Приговоръ этотъ „показалъ, что судъ у насъ и послѣ введенія миро-

выхъ судебныхъ учрежденій остается только судомъ по закону, но не по совѣсти". Здѣсь явно сказались результаты неясной постановки въ объясн. запискахъ роли мир. судьи.

Курьезные случаи приводитъ и Кони въ цитированныхъ уже нами воспоминаніяхъ. „Въ Петербургѣ одинъ мировой судья, устроившій вопреки господствовавшей у мировыхъ судей строгой простотѣ обстановки, въ своей камерѣ, для судейскаго мѣста, драпированное краснымъ сукномъ возвышеніе, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ пожарнымъ тактикомъ и стратегомъ—и явился, въ цѣпи, распоряжаться на пожарѣ, вспыхнувшемъ въ его участкѣ; а другой, возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь съ острововъ, и найдя мостъ разведеннымъ, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія".

Все это были отдѣльные случаи, въ общемъ не нарушавшіе правильнаго хода правосудія и не только самъ министръ юстиціи свидѣтельствовалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о блестящемъ успѣхѣ новаго института, но, въ концѣ 1866 г., въ „Сѣверной Почтѣ", офиціальномъ органѣ министерства вн. дѣлъ, были, между прочимъ, помѣщены слѣдующія строки относительно дѣятельности новыхъ судовъ: „Благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы одинаково признаются всѣми правительственными вѣдомствами и свидѣтельствуются губернаторами всѣхъ губерній, гдѣ уже введены новыя судебныя установленія" *). Правда, губернаторская оцѣнка въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, какъ поставленъ вопросъ, но нельзя, конечно, думать, чтобы Валуевымъ вопросъ былъ поставленъ благопріятно, а, главное — въ данномъ случаѣ этотъ отзывъ соотвѣтствовалъ общему и единодушному взгляду. Ни одного противнаго голоса не раздалось въ тогдашней печати.

Необходимо еще отмѣтить, что на первыхъ же порахъ среди казавшагося совершенно безнадежнымъ безлюдья но-

*) Цитируемъ по „Историческому очерку" с. 107.

вый судъ нашелъ для себя блестящихъ и выдающихся дѣятелей: Арцимовичъ, Буцковскій, Ковалевскій, Карніолинъ-Пинскій, Люминарскій, Мотовиловъ, Неклюдовъ въ качествѣ мироваго судьи—всѣ эти имена увѣковѣчены А. Ѳ. Кони въ его замѣчательныхъ характеристикахъ. А затѣмъ—судебные ораторы! Достаточно назвать М. Ѳ. Громницкаго, бывшаго губернскаго стряпчаго, „который выросъ на обвинительной трибунѣ и изъ устъ его полилась рѣчь, скованная съ непревзойденной до тѣхъ поръ суровой красотою". Его блестящимъ соперникомъ явился кн. Урусовъ, который вызвалъ „неслыханный восторгъ присутствующихъ послѣ защитительной рѣчи по д. Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа,—рѣчи, сломившей силой чувства и тонкостью разбора уликъ, тяжкое и серьезное обвиненіе" *). Въ Петербургѣ съ первыхъ же дней выдвинулся К. К. Арсеньевъ, выступившій защитникомъ въ цѣломъ рядѣ литературныхъ процессовъ **).

Несмотря, однако, на столь исключительный и всѣми признанный успѣхъ новыхъ учрежденій, съ первыхъ же дней ихъ функціонированія возникъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Начались они съ разсмотрѣнія судомъ обвиненій по дѣламъ о нарушеніи правилъ печати, которыхъ администрація возбуждала тогда очень много. Въ Маѣ 1866 г. было возбуждено судебное преслѣдованіе противъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за статью: „Судебные порядки въ Прибалтійскихъ губерніяхъ", противъ Труда и противъ Современника за помѣщенную въ № 3 статью Ю. Жуковскаго: „Вопросъ молодого поколѣнія". Кромѣ того Министръ Вн. Дѣлъ Валуевъ „обратился еще къ Московскому прокурору Ланге съ предложеніемъ начать искъ противъ „Московскихъ Вѣдомостей" за ихъ вредное направленіе, но получилъ отказъ по причинѣ

---

*) Кони, с. 339.

**) Особенно замѣчательной была его рѣчь по д. Жуковскаго и Пыпина, въ которой ораторъ представилъ блестящій анализъ понятія юридическаго лица. „Вѣсть" устами Валуева назвала эту рѣчь затѣйливо ловкой.

недостатка поводовъ къ обвиненію"*).—Особеннаго шуму надѣлалъ процессъ Жуковскаго и редактора Современника А. Н. Пыпина. С.-Петербургскій окружный судъ оправдалъ обвиняемаго за отсутствіемъ состава преступленія**). Этого было достаточно, чтобы Валуевъ вошелъ къ Государю съ докладомъ о необходимости смѣстить съ должности предсѣдателя суда Г. Н. Мотовилова, который, кстати сказать, находился въ это время въ отпуску внѣ Петербурга.

Удаленіе несмѣняемаго предсѣдателя, какъ сообщаетъ Джаншіевъ***), было уже совсѣмъ рѣшенымъ дѣломъ, и Замятнину стоило большихъ трудовъ убѣдить Государя, что такая мѣра послѣ только что провозглашенной несмѣняемости представлялась бы крайне неудобной. „Вѣсть", усматривавшая въ этомъ дѣлѣ столкновеніе суда съ администраціей, обрушилась даже и на товарища прокурора Якоби, который въ рѣчи своей позволилъ себѣ сказать, что въ средѣ дворянства есть крѣпостническія стремленія, и ужасалась тому, что этотъ тов. прокурора, по слухамъ, получаетъ назначеніе прокурора.— Въ судебной палатѣ, куда дѣло перешло по отзыву прокуратуры, тов. прокурора доказывалъ, что „необходимость нравственной оцѣнки фактовъ—вотъ первое, что должно лечь въ основу рѣшенія суда въ дѣлѣ о преступленіи печати" и что здѣсь „степень противозаконности проступка часто находится въ зависимости отъ обстоятельствъ времени". Эти „политическія" соображенія встрѣтили горячій отпоръ со стороны защитника, убѣждавшаго палату, что она не можетъ ими руководствоваться и должна отрѣшиться отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Палата отвергла обвиненіе въ распространеніи оскорбительныхъ отзывовъ о дворянствѣ, но признала

---

*) А. В. Никитенко 3 Декабря 1866 г.

**) Какъ сообщаетъ „Суд. Вѣстникъ" (№ 29), при объявленіи резолюціи „было допущено шумное изъявленіе знаковъ одобренія со стороны нѣкоторыхъ лицъ изъ публики".

***) Стр. 411. Подтвержденіе этого разсказа мы слышали также лично отъ родственниковъ покойнаго.

подсудимыхъ виновными въ приведенiи бранныхъ выраженiй въ печати *).—Подъ влiянiемъ этого дѣла Валуевъ тотчасъ же внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ измѣненiя правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ печати, и уже 12 декабря 1866 г. состоялась новелла къ Судебнымъ Уставамъ о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ печати. Окружный судъ признанъ былъ недостойнымъ разсматривать эти дѣла, и первой инстанцiей назначена судебная палата. Какъ сообщаетъ Никитенко, Валуевъ хотѣлъ еще добиться лишенiя прокурора права давать свои заключенiя по поступающимъ въ суды отъ м-ва внутр. дѣлъ обвиненiямъ въ проступкахъ и преступленiяхъ печатнымъ словомъ.

Для характеристики отношенiй администрацiи къ новому суду еще одинъ любопытный фактъ приводится въ дневникѣ Никитенки: „Была въ Петербургѣ учреждена Комиссiя для устройства и преобразованiя городской полицiи. Шло между прочимъ дѣло о раздѣленiи города на сорокъ участковъ; но когда Трепову замѣтили въ комиссiи, что раздѣленiе это не имѣетъ основанiя и что не лучше-ли въ полицейскомъ отношенiи раздѣлить городъ по числу судебныхъ мировыхъ участковъ, онъ энергически отвергъ это, потому, какъ онъ выразился, что авторитетъ полицiи тутъ какъ бы подчинится авторитету судовъ. Треповъ, говорятъ, ненавидитъ новые

---

*) Въ настоящее время представляется, конечно, совершенно излишнимъ входить въ обсужденiе приговора по существу. Пусть онъ и совсѣмъ неправильный; для исправленiя такого приговора и учреждена суд. палата. Отмѣтимъ лишь здѣсь, что оправдательный приговоръ тѣмъ болѣе не долженъ былъ казаться ужаснымъ, что дѣлу Жуковскаго и Пыпина предшествовало разсмотрѣнiе тѣмъ же судомъ, почти въ томъ же составѣ, обвиненiе А. С. Суворина въ изданiи своихъ очерковъ „Всякiе", закончившееся осужденiемъ автора и уничтоженiемъ книги.

Процессъ Жуковскаго и Пыпина происходилъ уже послѣ закрытiя „Современника", по поводу чего А. В. Никитенко (23/VII 1866 г.) писалъ: „я не помню давно, чтобы какая-либо мѣра производила такое единодушное и всеобщее недовольство, какъ запрещенiе двухъ журналовъ".

суды“ *).—Весьма рѣзко нападала на новые суды уже неоднократно упоминавшаяся нами „Вѣсть“ за снисходительные приговоры по дѣламъ объ оскорбленіи городовыхъ.—

Въ этихъ первыхъ столкновеніяхъ судебное вѣдомство потерпѣло полное пораженіе по всей линіи. За отказъ возбудить преслѣдованіе противъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Валуевъ пожаловался министру юстиціи, и — увы! — прокуроръ Ланге былъ назначенъ членомъ московской суд. палаты. „Это произошло, говоритъ Громницкій, и неожиданно и нежелательно какъ для него, такъ и для насъ, его товарищей. Слухъ ходилъ, что онъ претерпѣлъ за то, что слишкомъ высоко держалъ голову передъ особенно сильной тогда московской администраціей“. Съ другой стороны, когда „Вѣсть“ предосудительно отозвалась о новыхъ судахъ, и за эту статью, которая, по словамъ Никитенко, написана была по заказу Валуева и даже исправлена имъ, прокуратура хотѣла возбудить преслѣдованіе, то Валуевъ постарался „интригою расположить суды по дѣламъ печати въ свою пользу. Онъ успѣлъ склонить на свою сторону Замятнина“, и Замятнинъ прекратилъ преслѣдованіе **). Несмотря на горячій протестъ Замятнина и министра финансовъ Рейтерна противъ вышеупомянутой записки Валуева о расширеніи власти губернаторовъ, въ этомъ смыслѣ состоялось въ Іюлѣ Высоч. утв. положеніе комитета министровъ, и министръ юстиціи вынужденъ былъ разослать циркуляръ о томъ, что чины судебнаго вѣдомства, несмотря на сравнительное ихъ по классу должности или чину старшинство, въ случаѣ ихъ вызова или приглашенія губернаторомъ, обязаны непремѣнно подчиняться его законнымъ требованіямъ и оказывать ему должное уваженіе, на которое онъ имѣетъ неотъемлемое право, какъ представитель высшей въ губерніи власти ***). По поводу этого циркуляра въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ появилась замѣ-

---

*) Никитенко, подъ 26-ымъ Ноября 1866 г.

**) Никитенко, подъ 3-имъ Октября 1866 г.

***) В. Фуксъ (с. 132) увѣряетъ, что эта мѣра была принята вслѣд-

чательная по своей страстности и убѣдительности статья, полная значенія и для настоящаго времени. Разъяснивъ „Суд. Вѣстнику", назвавшему этотъ циркуляръ предписаніемъ, что министръ юстиціи не имѣетъ права давать предписанія судебнымъ мѣстамъ, М. Н. Катковъ писалъ: „Тщательно справляясь съ Судебными Уставами, *единственнымъ* законодательствомъ, которое, вызвавъ къ жизни новые суды, служитъ нормой отношеній послѣднихъ ко всѣмъ бывшимъ до него государственнымъ учрежденіямъ, мы не находимъ *ни малѣйшаго*, хотя бы самаго отдаленнаго, указанія на то, въ какихъ случаяхъ могъ бы представиться губернатору поводъ вызвать или пригласить къ себѣ лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству. Соображаясь съ Судебными Уставами, мы, напр., *никакъ не можемъ вообразить себѣ* такой случай, чтобы губернатору представилась надобность въ видахъ ли интересовъ общаго управленія, съ одной стороны, или интересовъ правосудія съ другой—вызвать къ себѣ предсѣдателя мирового съѣзда или окружнаго суда, находящихся въ уѣздахъ, и чтобы тотъ или другой, все въ тѣхъ же интересахъ, должны были оставить свои текущія занятія, ѣхать, быть можетъ, за сотни верстъ, чтобы явиться по зову губернатора. Повторяемъ, Судебные Уставы 20 ноября не содержатъ въ себѣ ни одного указанія на возможность какого-либо соприкосновенія судебныхъ мѣстъ и власти губернатора. Это до такой степени вѣрно, что, сколько намъ извѣстно, во всѣхъ уставахъ, не исключая и позднѣйшихъ прибавленій къ нимъ, слово *губернаторъ* только упоминается при составленіи списка присяжныхъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы Судебные Уставы оставили сколько-нибудь неяснымъ вопросъ о порядкѣ подчиненности судебныхъ мѣстъ (ст. 249 учр. суд. уст.). Надобно полагать, что права, предоставлен-

---

ствіе „неправильнаго положенія" (!), которое судебные чины стали вездѣ проявлять къ губернаторамъ. Такъ какъ однако представленіе Валуева внесено было еще до осуществленія реформы, то надо заключить, что онъ провидѣлъ это „неправильное положеніе".

ныя губернаторамъ по отношенію къ лицамъ судебнаго вѣдомства, какъ сказано въ самомъ Положеніи комитета министровъ, „совершенно независящимъ“ въ своей служебной дѣятельности отъ ихъ вліянія, нисколько *не касаются отправленія правосудія,* равно какъ то уваженіе, къ которому при всей независимости своей обязываются лица судебнаго вѣдомства по отношенію къ губернаторамъ, не можетъ состоять въ исполненіи какихъ-либо распоряженій или *внушеній въ дѣлахъ правосудія.* Не относясь къ судебнымъ должностямъ, Положеніе, о которомъ идетъ рѣчь, поэтому можетъ быть принимаемо только въ самомъ общемъ смыслѣ. Такъ, въ высокоторжественные дни служащія лица всѣхъ вѣдомствъ, хотя бы и совершенно не зависящія отъ губернатора, являются къ нему съ поздравленіемъ; такъ же точно предполагается случай, когда губернатору можетъ представиться надобность объясниться съ предсѣдателемъ палаты или окружнаго суда по какому-нибудь дѣлу, не имѣющему прямого отношенія къ ихъ служебнымъ по суду обязанностямъ (ибо дѣла судебныя строго ограждены отъ всякаго вмѣшательства администраціи), и въ такомъ предположеніи губернатору предоставлено право приглашенія къ себѣ точно также, какъ иногда приглашаетъ онъ къ себѣ частныхъ и ни на какой службѣ не состоящихъ лицъ. При этомъ всякій, конечно, пожелаетъ, чтобы съ успѣхами благоустройства *не выростала, а уменьшалась* возможность подобныхъ случаевъ“ *).

Несмотря, однако, на проявленную Замятнинымъ уступчивость, или именно благодаря ей, недолго ему пришлось занимать постъ министра юстиціи. Все въ томъ же 1866 г., въ Петербургскихъ судебныхъ установленіяхъ слушалось дѣло мелкаго чиновника министерства вн. дѣлъ Протопопова по обвиненію его въ оскорбленіи своего начальника вице-директора дѣйствіемъ. Присяжные засѣдатели признали обвиняемаго дѣйствовавшимъ въ припадкѣ умоизступленія и

*) Цитируемъ эту статью по Джаншіеву.

судъ освободилъ его отъ наказанія. Валуевъ окончательно вышелъ изъ себя и служившая ему „Вѣсть“ стала печатать рядъ статей, въ которыхъ обвиняла судъ въ революціонныхъ замыслахъ. Протопопова непремѣнно нужно было наказать „для примѣра другимъ“, а разъ судъ не сумѣлъ понять это, надо было уволить министра и товарища его. 1 Января 1867 г. Н. И. Стояновскій, всю душу свою отдавшій судебнымъ уставамъ, былъ назначенъ сенаторомъ. —Вслѣдъ за Стояновскимъ наступила очередь и Д. Н. Замятнина, такъ много, беззавѣтно и удачно потрудившагося надъ введеніемъ судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе. Офиціальный „историческій очеркъ министерства юстиціи“, только что удостовѣрившій, со словъ губернаторовъ, блестящіе результаты дѣйствія новыхъ учрежденій *), тутъ же скромно продолжаетъ: „исходъ нѣсколькихъ процессовъ, не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ администраціи, вызвалъ нареканія на дѣятельность суда и эти нареканія вскорѣ поколебали положеніе министра юстиціи Замятнина. Въ началѣ 1867 г. онъ оставилъ свой постъ съ назначеніемъ его членомъ Государственнаго Совѣта“ **). Но эти грозные симптомы еще не вызывали смущенія. Вотъ что пишетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. Ѳ. Громницкій: „даже переходъ товарища министра юстиціи Стояновскаго въ сенатъ не наводилъ насъ ни на какія серьезныя размышленія, возвыситься до общихъ причинъ подобныхъ перемѣнъ мѣшала намъ наша легкомысленная наивность... Мы были еще убѣждены, что съ судебными уставами въ рукахъ всякіе люди, хорошіе, средніе и даже плохіе въ сущности для насъ безразличны. O, sancta simplicitas“!

Насколько неотложнымъ признавалось удаленіе Замятнина, видно изъ того, что ему не было назначено настоящаго преемника. Постъ министра юстиціи временно былъ порученъ кн. Урусову впредь до того, какъ къ занятію

*) См. выше, стр. 133.
**) С. 108.

этой должности подготовится гр. К. И. Паленъ, бывшій вице-директоръ департамента полиціи исполнительной и псковскій губернаторъ, о которомъ, какъ писалъ Громницкій, только и было извѣстно, что онъ никогда по министерству юстиціи не служилъ. А кн. Мещерскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ *)“ говорилъ по этому поводу: „Въ день, когда узнали въ Петербургѣ о томъ, что выборъ новаго министра юстиціи, вмѣсто Замятнина, палъ на графа Палена, бывшаго псковскимъ губернаторомъ, тогда всѣ поняли, какое сильное политическое вліяніе пріобрѣлъ П. А Шуваловъ на своемъ посту шефа жандармовъ. Едва онъ успѣлъ подсказать выборъ генералъ-адъютанта Тимашева, какъ на постъ, столь важный въ то время, при началѣ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, постъ министра юстиціи, онъ указалъ, отступая смѣло отъ всѣхъ традицій, въ лицѣ гр. Палена, во-первыхъ, молодого, а во-вторыхъ, совсѣмъ чужого вѣдомства человѣка. Это назначеніе сопровождалось и удивленіемъ и комментаріями. Ихъ было не мало, но существѣннѣйшимъ изъ нихъ было предположеніе, что выборъ, по совѣту графа Шувалова, остзейца и лютеранина, какъ разъ въ это время, во главу министерства юстиціи долженъ былъ имѣть смыслъ реакціоннаго шага противъ излишка либерализма, введеннаго въ жизнь судебными уставами. Это былъ отголосокъ той минуты изумленія и досады, которую пережилъ Александръ II, когда за нѣсколько мѣсяцевъ до этого ему министръ юстиціи Замятнинъ докладывалъ, послѣ неприличной рѣчи одного сенатора **) въ петербургскомъ земскомъ собраніи, что онъ, государь, *не имѣетъ права* безъ суда увольнять судебныхъ чиновъ отъ должностей“.

Въ это же приблизительно время А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ записывалъ: „Итакъ, вотъ уже первая побѣда бюрократіи надъ судебною властью. Бѣдное русское правосудіе“!

---

*) Т. II, ст. 78, 79.

**) Сенаторомъ этимъ былъ, какъ извѣстно, М. Любощинскій.

VII.

Важнѣйшія измѣненія въ судебной реформѣ.

Мы остановились съ такой подробностью на медовомъ мѣсяцѣ реформы, чтобы показать, что уже въ это время допущенный mesalliance сталъ проявляться весьма ощутительно. Съ первыхъ же дней обнаружилось, что новый институтъ вошелъ въ государственный организмъ инороднымъ тѣломъ, которое по общему физіологическому закону должно быть ассимилировано или извергнуто.—И въ то время какъ либеральные журналы старались утѣшить общество, что „судебные уставы окрѣпли настолько, что имъ не угрожаетъ фундаментальной ломки“ *), въ это самое время бой по всей линіи только еще открывался и одинъ министръ смѣнялся другимъ, пока, наконецъ, статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ, назначенный управлять министерствомъ юстиціи 1 Января 1894 г., не поставилъ вопроса о коренной реформѣ судебныхъ уставовъ ребромъ.—Во всякомъ случаѣ со дня назначенія министромъ юстиціи гр. Палена отношеніе къ суд. уставамъ ни на мигъ не измѣнялось, исправленія производились то болѣе быстрымъ, то болѣе медленнымъ темпомъ, полнѣе или частичнѣе, и, какъ свидѣтельствуетъ Н. В. Муравьевъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ объ учрежденіи комиссіи для пересмотра суд. уставовъ, „не было года въ теченіе этого времени, который не приносилъ бы

---

*) Вѣстн. Евр. 1871 г. №№ 3, 4, 5—К. Арсеньевъ. Итоги судебной реформы.

съ собою тѣхъ или иныхъ измѣненій и дополненій въ уставахъ“ и въ концѣ концовъ этимъ были достигнуты „результаты отрицательные“, „наши судебные порядки въ общемъ ихъ составѣ не только не улучшались съ теченіемъ времени, а постепенно ухудшались“ *).

Первая мѣра гр. Палена, чреватая самыми рѣшительными послѣдствіями, заключалась въ томъ, чтобы испросить Высочайшее повелѣніе на пріостановленіе назначеній на должность судебныхъ слѣдователей и на замѣну ихъ особыми чиновниками, командированными для производства слѣдствій, дабы министерство юстиціи, въ случаѣ неудачнаго выбора, могло во всякое время удалить отъ должности лицъ, недостаточно опытныхъ или благонадежныхъ. „Историческій очеркъ“ министерства разсказываетъ объ этомъ такъ, что „при введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, въ виду недостатка вполнѣ подготовленныхъ дѣятелей для замѣщенія огромнаго числа открывшихся должностей въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, на должность судебнаго слѣдователя, составляющую первую ступень въ судебной карьерѣ, нерѣдко попадали лица, не удовлетворявшія необходимымъ для этого требованіямъ; тѣмъ не менѣе лица эти, въ виду предоставленнаго имъ права несмѣняемости, не могли быть замѣнены болѣе пригодными дѣятелями даже въ тѣхъ случаяхъ, когда выяснялась полная ихъ неспособность къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей“ **). Конкретно же, по разсказу очевидца М. Ѳ. Громницкаго, дѣло происходило такъ: въ іюнѣ 1867 г. гр. Паленъ, еще подготовлявшійся тогда къ посту министра юстиціи, прибылъ въ Москву и здѣсь, собравъ у себя, прежде еще чѣмъ онъ видѣлъ какія-либо судебныя установленія, московскій прокурорскій надзоръ, высказалъ ему, что находитъ положеніе слѣдственной части по Судебнымъ Уставамъ

*) Историческій очеркъ, с. 222 и 223.

**) Стр. 126.

неправильнымъ, что эти сразу утвержденные судебные слѣдователи слишкомъ независимы и самостоятельны, что прокурорскій надзоръ, который обязанъ непрестанно наблюдать за производствомъ предварительныхъ слѣдствій, лишенъ, въ силу такого положенія слѣдователей, возможности на нихъ воздѣйствовать. Отвѣтомъ, на это, продолжаетъ Громницкій *), со стороны всѣхъ присутствовавшихъ было гробовое молчаніе. И это вполнѣ понятно, ибо Громницкій, по личному опыту, удостовѣряетъ, что составъ московскихъ судебныхъ слѣдователей былъ безукоризненный, и что никакихъ недоразумѣній съ прокурорскимъ надзоромъ не возникало. Если-же къ этому прибавить, что, начиная съ осени 1867 года, судебные слѣдователи уже перестали назначаться и были замѣщаемы чиновниками, то станетъ очевиднымъ, что мѣра эта была принята a priori. Вотъ какъ описываетъ тотъ же Громницкій результаты этой мѣры: „Наша слѣдственная часть, эта наиважнѣйшая часть уголовнаго процесса, отодвинута была значительно назадъ даже по сравненію съ тѣмъ, что существовало у насъ до 1866 г. Дореформенный институтъ судебныхъ слѣдователей (съ 1860 г. по 1866 г.), распространенный уже повсемѣстно, успѣлъ ко времени введенія новаго суда окрѣпнуть настолько, что примѣнить судебные уставы къ этому институту было не только не трудно, но даже легче, чѣмъ то предстояло и было выполнено въ г. Москвѣ и въ г. Петербургѣ, — легче потому, что ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ до 1866 г. не существовало судебныхъ слѣдователей (были въ уѣздахъ, но не въ столицахъ). Даже въ тѣхъ судебныхъ округахъ, гдѣ дореформенныхъ судебныхъ слѣдователей оставлено было въ значительномъ числѣ и по введеніи судебныхъ уставовъ, положеніе слѣдственной части не улучшилось, а ухудшилось. Опытность такихъ судебныхъ слѣдователей, разумѣется, не умалилась, да положеніе ихъ стало другое, худшее; не говоря уже о томъ, что большинство изъ нихъ были утвержденные

*) Изъ прошлаго. Русская Мысль 1892 г. VI.

(конечно, по старому порядку) судебные слѣдователи, а теперь превратились въ исправляющихъ должность,—главное же въ томъ, что духъ, царившій въ судебномъ вѣдомствѣ до 1867 г., послѣ, вслѣдствіе того, значительно измѣнился: прежде они чувствовали подъ собою твердую почву, были сотоварищами прокурорскаго надзора (губернскій прокуроръ былъ primus inter pares между ними, они на него смотрѣли прежде всего какъ на охранителя ихъ интересовъ отъ нападокъ уголовной палаты), а теперь встали къ послѣднему въ такія неестественныя отношенія, что рисковали по капризу каждаго прокурора лишиться мѣста, быть отозваннымъ отъ должности. Если бы мнѣ цифрами доказали, что подобныхъ отозваній въ періодъ съ 1867 по 1878 годы было немного, то я все-таки остался бы при высказанномъ мнѣніи и это потому, что мнѣ хорошо извѣстенъ тотъ духъ приниженности и неувѣренности за свое положеніе, который господствовалъ тогда между судебными слѣдователями. А затѣмъ начали выскакивать все въ большемъ и большемъ числѣ юные исправляющіе должность судебныхъ слѣдователей, птенцы м-ва юстиціи, у которыхъ на первомъ планѣ стояли не забота о своей безпомощности въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій, — объ усиленномъ изученіи слѣдственной части, чтобы хоть современемъ стать нормальнымъ слѣдователемъ, — нѣтъ, у однихъ на первомъ мѣстѣ было рабское угожденіе прокурорскому надзору, а у другихъ (побойчѣе)—скорѣе перебраться въ товарищи прокурора. И возопили со всѣхъ сторонъ, что наши предварительныя слѣдствія никуда не годятся, что слѣдственная часть требуетъ коренныхъ измѣненій" *).

И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ наше предварительное слѣдствіе стало притчей во языцѣхъ. Его непригодность признается рѣшительно всѣми.

Подчиненіе прокурскому надзору, отъ котораго министерство юстиціи, такъ сказать, вымогало обвинительные

*) Тамъ же. Книга XII стр. 59, сл.

приговоры *), дѣлало и. д. судебныхъ слѣдователей крайне односторонними въ розысканіи уликъ, не говоря о томъ, что, по признанію самого министерства юстиціи **), и безъ того „односторонность въ производствѣ слѣдствій является прямымъ логическимъ послѣдствіемъ инквизиціоннаго процесса, положеннаго въ основаніе нашего предварительнаго слѣдствія; слѣдователь, самъ не замѣчая, невольно впадаетъ въ роль преслѣдователя“. Мы, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо знаемъ, къ чему приводитъ эта наклонность къ преслѣдованію; достаточно напомнить еще у всѣхъ на памяти стоящія дѣла Мултанскихъ вотяковъ, Тальмы, Скитскихъ, Золотовой, вызывавшія огромное общественное возбужденіе. Получивъ въ свои руки дознаніе, слѣдователь-чиновникъ идетъ, не задумываясь, по дорожкѣ, проторенной нерѣдко кулаками, зуботычинами и жестокимъ истязаніемъ ***), хватается жадно за заподозрѣннаго полиціей и нагромождаетъ противъ него кучу уликъ, „числомъ поболѣе, цѣною подешевле“, совершенно не заботясь о такихъ моментахъ, которые, по его предвзятому мнѣнію, являются безразличными по отношенію къ уличенному имъ. Въ дѣлѣ Тальмы и Скитскихъ людей схватили, только потому что они были въ дурныхъ отношеніяхъ съ убитыми и, по разуму полицейскихъ, у нихъ были всѣ резоны рѣшиться на убійство.—Сколько труда и энергіи нужно было обществу затратить, чтобы въ упомянутыхъ дѣлахъ наново въ полномъ

*) Министерство требовало отъ прокуратуры періодическихъ отчетовъ о томъ, какой % проведенныхъ дѣлъ оканчивался обвинительнымъ приговоромъ. Легко понять, какъ „старались“ товарищи прокуроровъ!

**) Записка комиссіи Н. В. Муравьева къ уст. уг. суд. т. II с. 43.

***) Насильственныя дѣйствія полицейскихъ чиновъ, производящихъ дознаніе, отмѣчены оффиціально комиссіей Н. В. Муравьева. Потрясающій разсказъ о полиц. истязаніи заподозрѣннаго см., напр., въ Правѣ за 1900 г. № 45. Полицейскій сыскъ: „въ сыскномъ отдѣленіи его пять дней мучили голодомъ, его били по виску, онъ оглохъ, посѣдѣлъ, жизнь его разбита. Онъ думалъ, что онъ не останется въ живыхъ и жаждалъ только одного, вырваться изъ этого ада, какой бы то ни было цѣной“. Такія же и гораздо худшія картины рисуются во всѣхъ названныхъ дѣлахъ.

составѣ суда произвести полное предварительное слѣдствіе, лишь бы не дать совершиться роковой ошибкѣ. — Но такія дѣла исключительныя, а огромное большинство проходитъ безъ защиты; предв. слѣдствіе и на судебномъ ничѣмъ не дополняется и не исправляется. „Русло проложено, какъ красиво сказалъ защитникъ Скитскихъ, слѣдствіе течетъ и журчитъ, убаюкивая и усыпляя".—Въ своемъ стремленіи во что бы то ни стало уличить заподозрѣннаго, чиновникъ, замѣщающій слѣдователя, не останавливается и предъ полицейскимъ способомъ розыска. Въ дѣлѣ Скитскихъ къ одному изъ братьевъ былъ посаженъ сыщикъ, подъ видомъ арестанта, добывшій отъ него какую-то записку, которая служила тяжкой уликой, не фигурируя однако въ качествѣ вещественнаго доказательства. Въ „Правѣ" за 1900 г.*) разсказывалось объ одномъ случаѣ изъ слѣдственной практики, гдѣ „допросы обвиняемаго и свидѣтелей направляемы были въ явный ущербъ цѣли органовъ правосудія. Одинъ свидѣтель удостовѣрилъ, что слѣдователь его допрашивалъ отъ 10 утра до 6½ ч. вечера; ни одинъ отвѣтъ его не былъ записанъ правильно; на замѣчаніе его по этому предмету слѣдователь или напоминалъ ему о своей власти, или заявлялъ, что это не имѣетъ юридическаго значенія. Во время допроса онъ былъ доводимъ до обморока". А еще чуть ли не на дняхъ, по дѣлу объ еврейскомъ погромѣ въ Кишиневѣ въ Апрѣлѣ 1903 г., дѣлу, приковавшему къ себѣ вниманіе всей Европы, пострадавшіе въ своихъ жалобахъ въ Сенатъ удостовѣряли, что и. д. судебнаго слѣдователя Фрейнатъ отказывался выслушивать показанія свидѣтелей, удостовѣрявшихъ фактъ истязаній евреевъ во время погрома, исключалъ изъ показаній тѣ мѣста, гдѣ говорилось объ участіи въ погромѣ въ качествѣ подстрекателей опредѣленныхъ лицъ, не записалъ ряда указаній на виновность отдѣльныхъ лицъ, оставшихся, такимъ образомъ, непривлеченными, и вносилъ въ протоколъ осмотра такіе факты, о

*) № 37.

которыхъ свидѣтели вовсе не говорили. Кромѣ того, жалобщики указывали на тѣ ненормальныя условія, при которыхъ велось предварительное слѣдствіе. Какъ показали на судѣ свидѣтели, и. д. с. слѣдователя отказывался прочитывать свидѣтелямъ ихъ показанія, а, прочитывая ихъ въ виду неоднократныхъ и настойчивыхъ просьбъ, отказывался внести въ протоколъ пропущенныя имъ мѣста. Одного свидѣтеля выгналъ изъ камеры и назвалъ пьяницей, другого свидѣтеля допрашивалъ въ присутствіи пом. пристава, что свидѣтеля очень стѣсняло. Одинъ же свидѣтель указывалъ на то, что и. д. слѣдователя опрашивалъ его, держа нагайку и угрожая арестантскими отдѣленіями за настойчивое указаніе на участіе въ погромѣ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ лицъ *).

При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ обществѣ начинаетъ уже сказываться обидное недовѣріе къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ. Достаточно напомнить недавнее дѣло Золотовой, приведшее къ безпорядкамъ толпы и заставившее министерство юстиціи, послѣ произведеннаго имъ уже спеціальнаго разслѣдованія, которое рѣзко оспаривалось, вновь нарядить предварительное слѣдствіе. И только послѣ опубликованія всѣхъ данныхъ этого слѣдствія можно было достигнуть успокоенія общественной тревоги.

Но это еще далеко не все. Неудовлетворительность предварительнаго слѣдствія, непоправимая, какъ уже было замѣчено, въ дальнѣйшемъ, имѣла самыя невыгодныя послѣдствія для нашего уголовнаго правосудія. Улики, на основаніи которыхъ обвиняемый предается суду, на судебномъ слѣдствіи при наличности защиты не выдерживаютъ никакой критики и суду приходится либо обращать дѣло къ дослѣдованію **), либо, гораздо чаще, оправдывать подсудимыхъ. Отсюда извѣстныя

---

*) См. Право № 22 за 1904 г.

**) Такихъ случаевъ за послѣднее время намъ приходилось очень много регистрировать въ „Правѣ“.

нападки на слабость уголовной репрессіи, особенно на судъ присяжныхъ, отсюда постоянные запросы министерства юстиціи, чѣмъ объясняется ненормально (?) большое количество оправдательныхъ приговоровъ. По одному изъ такихъ запросовъ намъ пришлось, во время службы въ Тульскомъ окр. судѣ, разсмотрѣть всѣ дѣла, окончившіяся оправдательными приговорами, за пятилѣтіе 1887—1891 гг., и оказалось, что большинство ихъ вызывалось совершеннымъ измѣненіемъ картины событій на судебномъ слѣдствіи. До чего ненормально стало разсматриваемое положеніе, видно уже изъ того, что даже особыя присутствія суд. палатъ, которыя, какъ указывалось въ „Правѣ", по дѣламъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, проявляютъ удивительную политическую чуткость, и тѣ въ послѣднее время все чаще постановляютъ оправдательные приговоры.

Все это, конечно, легко можно было предвидѣть a priori. — Въ самомъ дѣлѣ, если министерство юстиціи замѣтило, что на должность судебнаго слѣдователя попадаютъ лица, недостаточно подготовленные благодаря тому, что она составляетъ первую ступень въ судебной карьерѣ, а между тѣмъ предварительное слѣдствіе должно составлять фундаментъ уголовнаго дѣла, то отсюда логически можно было сдѣлать одинъ только выводъ:—нужно измѣнить порядокъ судебной карьеры, должность суд. слѣдователя возвысить, установивъ болѣе продолжительный стажъ и т. п. Но лишить слѣдователей независимости и самостоятельности и командировать для производства слѣдствій тѣхъ же кандидатовъ, подчинивъ ихъ—большею частью еще менѣе опытнымъ — товарищамъ прокуроровъ, это еще болѣе удивительно, чѣмъ das Kind mit dem Bade ausschiessen, и можно только радоваться, что дѣла не пошли еще гораздо хуже.

Но министерство юстиціи настойчиво и опредѣленно стремилось пробить брешь въ непрочной и безъ того стѣнѣ независимости суд. вѣдомства. При введеніи реформы въ западныхъ губерніяхъ министерство сохранило за собою право назна-

ченія судей, тоже оно предполагало сдѣлать и по отношенію къ мир. учрежденіямъ въ Астраханской и Оренбургской губерніи, но Госуд. Совѣтъ, при обсужденіи соотвѣтствующаго представленія, замѣтилъ министерству, что, такъ какъ на основаніи учрежденія судебн. установленій 20 Ноября 1864 г. всѣ судейскія должности, за исключеніемъ выборныхъ, должны быть замѣщаемы по назначенію Высоч. власти, то Госуд. Совѣтъ нашелъ нужнымъ примѣнить тотъ же порядокъ и къ назначенію мировыхъ судей въ Оренбургской и Астраханской губерніяхъ. При этомъ Гос. Совѣтъ не могъ не выразить убѣжденія, что мѣра эта могла бы быть принята съ большою пользою и по отношенію къ губерніямъ западнымъ, въ коихъ мировые судьи назначаются министерствомъ юстиціи. Распространеніе на нихъ означенной мѣры много способствовало бы возвышенію значенія мѣстнаго мироваго института и привлеченію въ составъ онаго лицъ вполнѣ достойныхъ" *).

Къ тому же разряду мѣръ относится уничтоженіе самоуправленія сословія адвокатовъ. Въ 1874 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о *временномъ* пріостановленіи учрежденія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и передачѣ функцій совѣтовъ окружнымъ судамъ, въ виду того что „учрежденные уже совѣты присяжныхъ повѣренныхъ не оправдали возложенной на нихъ задачи надзора за охраненіемъ достоинства и нравственной чистоты въ дѣйствіяхъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому сословію" **). Едва ли нужно прибавлять, что „временное" и на этотъ разъ оказалось весьма прочнымъ и неизмѣннымъ вотъ уже въ теченіе 30 лѣтъ, а въ 1889 году оно было еще подкрѣплено пріостановленіемъ временно же во всѣхъ судебныхъ округахъ, въ коихъ учреждены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, дальнѣйшаго открытія отдѣленій сихъ совѣтовъ" ***).—Министръ Юстиціи предположилъ идти

---

*) Отчетъ по Гос. Сов. за 1878 г. с. 4, 5.

**) Историч. очерк., с. 134.

***) На дняхъ, послѣ настойчивыхъ указаній печати, допущено одно

еще дальше: „для возвышенія нравственнаго уровня въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ, статсъ-секретарь графъ Паленъ признавалъ необходимымъ предоставить министру юстиціи тоже право исключать изъ означеннаго сословія лицъ недостойныхъ, какое было уже ему предоставлено закономъ 25 Мая 1874 г. въ отношеніи частныхъ повѣренныхъ. Представленіе, внесенное имъ по этому предмету въ Государственный Совѣтъ 21 Апрѣля 1878 г., вызвало однако весьма существеныя возраженія и потому предположенная министерствомъ юстиціи мѣра не получила осуществленія *).

Можно себѣ представить, вспоминая, въ какія отношенія встала магистратура къ адвокатурѣ, какое разнообразное употребленіе было бы сдѣлано изъ столь гибкаго средства. Уже въ 1867 г. имѣлъ мѣсто, напр., такой случай: „предсѣдатель Московскаго окружнаго суда Арсеньевъ, во время производства процесса одного лица, обвиняемаго въ распространеніи фальшивыхъ ассигнацій, удалилъ изъ присутствія защитника подсудимаго, кн. Урусова, одного изъ извѣстныхъ адвокатовъ въ Москвѣ. Говорятъ, это произошло вслѣдствіе тайнаго повелѣнія, даннаго предсѣдателямъ судовъ, чтобы они удаляли адвокатовъ, которые почему либо не нравятся администраціи“ **).

Вообще министерство принимало самыя разнообразныя мѣры къ бюрократизаціи судебнаго вѣдомства, установленію іерархической подчиненности и усиленію вмѣшательства министра въ судебную жизнь. Подъ давленіемъ этихъ условій воззрѣнія постепенно такъ измѣнились, что въ 1885 г. Госуд. Совѣтъ исходилъ изъ того соображенія, что „находясь во главѣ судебнаго вѣдомства и неся отвѣтственность предъ Верховною властью за правильный ходъ правосудія въ Имперіи, министру юстиціи, очевидно, должно располагать вполнѣ достаточными

quasi-изъятіе: отдѣленіе Совѣта при Новочеркасскомъ окр. судѣ, съ открытіемъ въ Новочеркасскѣ суд. палаты, преобразовано въ Совѣтъ.

*) Истор. очеркъ, с. 134.

**) Никитенко, 11 Ноября 1867 г.

способами къ устраненію усматриваемыхъ имъ въ дѣятельности судебныхъ чиновъ уклоненій отъ законнаго порядка *)." Въ этомъ направленіи въ 1872 г. министру юстиціи было предоставлено измѣнять правила о распредѣленіи занятій между судебными слѣдователями въ Петербургѣ. Законъ 20 Мая 1885 г. предоставилъ министру юстиціи право требовать отъ чиновъ судебнаго вѣдомства доставленія нужныхъ ему свѣдѣній и объясненій письменно, а въ необходимыхъ случаяхъ также и личнаго представленія оныхъ, и дѣлать подлежащимъ лицамъ соотвѣтственныя указанія и напоминанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнено положеніе старшаго предсѣдателя судебной палаты, который изъ primus inter pares превращенъ въ мѣстное начальство. Госуд. Совѣтъ призналъ, согласно съ представленіемъ министра юстиціи, что „надзирающая дѣятельность судебныхъ коллегій всегда соединена съ формальностями, неизбѣжно лишающими ея распоряженія надлежащихъ быстроты и рѣшительности". „Для усиленія надзора въ судебномъ вѣдомствѣ представлялось необходимымъ созданіе на мѣстахъ такой единоличной власти, которая была бы уполномочена прекращать усматриваемые безпорядки и дѣлать всѣмъ *подчиненнымъ* (характерно это опредѣленіе!) вызываемыя обстоятельствами указанія и напоминанія". Всѣмъ, хотя бы поверхностно знакомымъ съ судебной жизнью, хорошо извѣстно, къ чему привело на практикѣ установленіе этой „единоличной власти". Пріемная старшаго предсѣдателя это въ миніатюрѣ министерская пріемная; она полна судебныхъ чиновниковъ: одинъ представляется по случаю назначенія, другой благодаритъ, третій ходатайствуетъ о назначеніи, четвертый проситъ поддержать представленіе суда, ибо всѣ эти представленія проходятъ черезъ руки старшаго предсѣдателя и безъ поклона никому не получить желаемаго назначенія (конечно если не имѣть непосредственной протекціи во всемогущемъ центральномъ управленіи).

*) Отчетъ за 1885 г., ст. 529

Еще болѣе рѣшительную коллизію съ основными началами судебной реформы создало предоставленное министру юстиціи закономъ 12 Февраля 1887 г. полномочіе ограничивать публичность судебныхъ засѣданій. Представленіе министра юстиціи о предоставленіи ему права закрывать двери засѣданія, такъ какъ иногда, въ интересахъ полноты судебнаго разбирательства, судъ вынужденъ пренебречь соблюденіемъ интересовъ правительственной власти, вызвало разногласіе въ средѣ Государственнаго Совѣта. Большинство находило что „предоставленіе единоличной власти м-ра юстиціи права дѣлать распоряженія о закрытіи дверей судебныхъ засѣданій и сообщать о семъ предсѣдателямъ подлежащихъ судебныхъ мѣстъ къ исполненію шло бы въ разрѣзъ съ основными началами нашего судебнаго строя, не допускающими какого либо вмѣшательства въ судебное производство со стороны высшей административной власти. Публичность уголовнаго суда, по мнѣнію большинства, не составляетъ простой лишь обрядности. Всѣ законодательства, а въ томъ числѣ и наше, признаютъ ее и словесное производство основными, существенными формами суда. Присутствіе постороннихъ лицъ при разбирательствѣ и соединенная съ этимъ возможность широкаго оглашенія всѣхъ его подробностей, изустно и въ печати, побуждаютъ свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ воздерживаться отъ лжи и не скрывать истины, судей—живѣе чувствовать святость своего призванія, быть внимательными и строго соблюдать всѣ предписанныя закономъ правила, и въ этомъ смыслѣ публичность безспорно вліяетъ на правильность самаго приговора по данному судебному дѣлу“. *) Однако, меньшинство (20 противъ 31) не раздѣляло этихъ соображеній и поддержало представленіе министра юстиціи. Государь согласился съ мнѣніемъ меньшинства**). Едва-ли нужно напоминать, какое

---

*) Историческій очеркъ, с. 192.

**) Независимо отъ этого, пунктъ 17б положенія объ усиленной охранѣ предоставляетъ генералъ-губернаторамъ и министру вн. д. требовать закрытія дверей судебнаго засѣданія.

щедрое употребленіе дѣлается изъ этого могущественнаго средства. Закрытіе дверей „по ордеру министра юстиціи“ стало совсѣмъ обычнымъ явленіемъ и тщетно пытаются съ нимъ бороться стороны, заинтересованныя въ правильномъ ходѣ процесса. Такъ, напр., въ 1903 г. въ Екатеринодарѣ слушалось дѣло о безпорядкахъ, находившихся въ связи съ упомянутымъ выше *) дѣломъ Татьяны Золотовой. Когда предсѣдатель объявилъ, что по распоряженію м-ра юстиціи дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ, защита заявила, что ею послана министру слѣдующая телеграмма: „Глубокій интересъ и серьезное вниманіе, проявленные русскимъ обществомъ къ условіямъ, при которыхъ умерла Татьяна Золотова, вызвали необходимость въ производствѣ предварительнаго слѣдствія черезъ особо-командированнаго слѣдователя и опубликованія слѣдственныхъ актовъ для всеобщаго свѣдѣнія. Защита по дѣлу Кондакова, Коселя и др. обвиняемыхъ по 38 и 1621 ст., полагаетъ, что закрытіе дверей по настоящему дѣлу принципіально противорѣчитъ правительственному обѣщанію изслѣдовать объективно и открыто всѣ обстоятельства, связанныя съ содержаніемъ подъ стражей и смертью Золотовой, и что оглашеніе слѣдствія Бурцева нравственно и логически обязываетъ судебное вѣдомство обезпечить обществу и подсудимымъ гласность настоящаго судебнаго разслѣдованія, тѣмъ болѣе, что факты, изслѣдованные Бурцевымъ, впервые подлежатъ провѣркѣ суда. Поэтому защита ходатайствуетъ передъ вашимъ высокопревосходительствомъ объ отмѣнѣ распоряженія вашего и о раскрытіи дверей засѣданія“. На эту телеграмму не послѣдовало даже никакого отвѣта.

Само собою разумѣется, что въ томъ же направленіи шла неослабная работа и со стороны другихъ вѣдомствъ. Никитенко разсказываетъ, что еще въ Январѣ 1867 г. „былъ внесенъ въ Комитетъ Министровъ проектъ объ учрежденіи какого то кон-

---

*) Стр. 148.

троля изъ высшихъ административныхъ лицъ надъ судами и надъ всѣми судебными учрежденіями, не исключая и сената. На этотъ разъ проектъ о подчиненіи судовъ административной власти не прошелъ". — Впослѣдствіи однако мысль эта была таки осуществлена, нѣсколько въ иномъ видѣ. Изъ отчета Госуд. Совѣта за 1879 г. *) мы узнаемъ, что существовала Высочайше учрежденная при министерствѣ вн. дѣлъ комиссія для обсужденія недоразумѣній, касающихся отношеній администраціи къ судебнымъ установленіямъ. Къ сожалѣнію, ни въ историч. очеркѣ, ни въ другихъ источникахъ мы не нашли дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этой комиссіи только въ разсматриваемомъ отчетѣ имѣется весьма любопытное указаніе на проявленіе ея несомнѣнно энергичной дѣятельности. Комиссія эта сообщила министру юстиціи, что мир. судьи невразумительно разъясняютъ сущность порученій. даваемыхъ ими полиціи. „Послѣдствіемъ являлись часто разнаго рода недоразумѣнія, а иногда даже и неправильности, при исполненіи полиціей даваемыхъ ей мировыми судьями порученій". – Отсюда, повидимому, можно было сдѣлать заключеніе, что слѣдуетъ просить судей, въ виду низкаго умственнаго уровня полиціи, разъяснять болѣе детально сущность возлагаемыхъ порученій или, если почему либо нельзя было надѣяться, что мир. судьи на это будутъ способны, лишить ихъ права пользоваться услугами полиц. чиновъ.—Но комиссія вовсе не интересуется установленіемъ болѣе мирнаго сожитія и, оставляя все по старому, заключаетъ только, что нужно лишить мир. судей права дѣлать чинамъ полиціи предостереженія **). Графъ Паленъ, не возражая противъ этого,

*) С. 289, сл.

**) С. Татищевъ въ трудѣ своемъ „Императоръ Александръ II" (Т. II с. 605—607) сообщаетъ объ образованіи особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ Валуева, изъ министровъ военнаго, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и вн. дѣлъ, главноуправляющаго II отдѣленіемъ, для изслѣдованія и выясненія причинъ быстраго распространенія въ средѣ молодого поколѣнія разрушительныхъ ученій и изысканія дѣйствитель-

находилъ однако, что въ такомъ случаѣ нужно учредить для полицейскихъ особый дисциплинарный судъ, иначе они оказывались бы почти безотвѣтственными за нарушеніе судебно-полицейскихъ обязанностей, но министръ вн. дѣлъ, „признавая всю важность этихъ соображеній и выразивъ готовность содѣйствовать скорѣйшему ихъ осуществленію", нашелъ, однако же, нужнымъ ограничиться разрѣшеніемъ вопроса о болѣе правильной постановкѣ отношеній мировыхъ судей къ полиціи, и министерство юстиціи вполнѣ подчинилось этимъ указаніямъ, а дисциплинарнаго суда, какъ извѣстно, и понынѣ не существуетъ.

Такое отношеніе къ новымъ учрежденіямъ не могло сейчасъ-же не отразиться на авторитетѣ и силѣ судебной власти. Происходившія „недоразумѣнія" замутили воду и тотчасъ же появились, конечно, охотники ловить въ ней рыбку. По удостовѣренію Джаншіева *), въ 70 годахъ нѣкоторые чины высшей мѣстной московской администраціи, гражданской и военной, пользовались настоящей экстерриторіальностью, и судебные пристава, съ исполнительными листами въ рукахъ, бывали безсильны привести ихъ въ исполненіе.

Параллельно съ этими административными воздѣйствіями шли законодательныя измѣненія, направленныя на установленіе различныхъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства, оказывавшагося на практикѣ неудобнымъ въ различныхъ направленіяхъ. Такъ 5 Августа 1866 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе „о порядкѣ исполненія суд. мѣстами, образованными по уставамъ 20 Ноября 1864 г., рѣшеній, коими отчуждается въ чье либо владѣніе имѣніе, состоящее въ завѣдываніи департамента удѣловъ и другихъ установленій мини-

ныхъ практическихъ мѣръ для борьбы съ этимъ явленіемъ. Совѣщаніе проектировало въ видахъ предоставленія полиціи большей самостоятельности и для возвышенія ея значенія и авторитета въ общественной средѣ отмѣнить право мировыхъ судей давать полицейскимъ чинамъ „предостереженія.

*) Стр. 425

стерства императорскаго двора“. Въ 1869 г. опять состоялся именной Высоч. указъ о представленіи на Высочайшее благоусмотрѣніе окончательныхъ судебныхъ рѣшеній по указаннымъ дѣламъ. Далѣе,—начиная съ 1870 г., начался рядъ измѣненій въ порядкѣ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ. Шефъ жандармовъ, гр. Шуваловъ предложилъ министерству юстиціи при производствѣ дознаній пользоваться услугами корпуса жандармовъ, которые, по роду своей дѣятельности, обладаютъ свѣдѣніями, иногда необходимыми, и по большей части полезными для раскрытія преступленія. Эта мысль была встрѣчена министерствомъ юстиціи „съ полнымъ сочувствіемъ“, и 19 Мая 1871 г. послѣдовала соотвѣтствующая законодательная новелла. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ законъ, „въ видахъ человѣколюбія“, такъ какъ наказанія за государственныя преступленія слишкомъ строги, а притомъ и не всегда можно собрать достаточно уликъ для постановленія обвинительнаго приговора, установилъ, что всякое дознаніе о государственномъ преступленіи представляется, по его окончаніи, прокуроромъ судебной палаты министру юстиціи, который, по сношеніи съ шефомъ жандармовъ, дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ предварительнаго слѣдствія или испрашиваетъ Высочайшее повелѣніе о прекращеніи производства, съ оставленіемъ въ послѣднемъ случаѣ, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, или же съ разрѣшеніемъ онаго въ административномъ порядкѣ“. Но оказалось, что и этотъ законъ „не устранилъ всѣхъ обнаруженныхъ практикою недостатковъ судопроизводственныхъ правилъ“ и, какъ сообщаетъ „Историческій очеркъ“ *), въ томъ же 1871 г. „вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада управлявшаго министерствомъ юстиціи, товарища министра Эссена о существѣ приговора Спб. суд. палаты по дѣлу о злоумышленіи Нечаева и его сообщниковъ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ Имперіи порядка правленія, государь императоръ Высочайше повелѣлъ

---

*) Стр. 127, сл.

министру юстиціи представить свои соображенія о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры для предупрежденія подобныхъ неудовлетворительныхъ приговоровъ". Министръ юстиціи сообразилъ, что такіе неудовлетворительные приговоры могутъ повториться и по другимъ дѣламъ, такъ какъ причины кроются въ общихъ условіяхъ производства дѣлъ, и предложилъ замѣнить для дѣлъ по преступленіямъ, за которыя въ законѣ опредѣлено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, судъ судебной палаты съ сословными представителями особымъ присутствіемъ прав. сената съ тѣми же представителями, а для менѣе значительныхъ—оставить судебную палату безъ сословныхъ представителей. Предложеніе министра юстиціи получило санкцію закона 7 Іюня 1872 г., который, наряду съ другими измѣненіями, ограничиваетъ также публичность судебныхъ засѣданій. Установленный этимъ и предыдушими законами порядокъ былъ распространенъ 7 Іюня 1874 г. и на составленіе противозаконныхъ сообществъ и участіе въ нихъ.—„Съ теченіемъ времени выяснились значительныя практическія неудобства вновь установленнаго порядка" и опять приступлено было къ измѣненіямъ. Законъ 9 Мая 1878 г. подчинилъ дѣла, изъятыя предыдущимъ закономъ изъ вѣдѣнія палаты съ сословными представителями, опять тѣмъ же палатамъ, а особому присутствію Пр. Сената лишь въ случаѣ Высочайшаго на то повелѣнія. Затѣмъ, не говоря уже объ изданномъ 14 Августа 1881 г. положеніи о мѣрахъ къ огражденію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и положеніи 12 Марта 1882 г. о полицейскомъ надзорѣ, усилившихъ административное воздѣйствіе на разрѣшеніе дѣлъ о госуд. преступленіяхъ, заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманія Высочайшія повелѣнія отъ 11 Іюня 1880 г., 10 Іюня 1881 г. и 18 Января 1901 г. объ административномъ порядкѣ разрѣшенія дѣлъ по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 246 и 248 ст. ул. о н. Сначала наказаніе примѣнялось по испрошеніи на каждый разъ особаго Высочайшаго соизволенія, затѣмъ право налагать наказаніе предо-

ставлено было соглашенію министровъ вн. дѣлъ и юстиціи и, наконецъ, соглашенію прокуроровъ палаты съ мѣстнымъ начальникомъ губерніи, области и т. п. Но всѣ эти разнообразныя измѣненія оказывались мало жизнеспособными и разъ введенный изъ человѣколюбія порядокъ административнаго разрѣшенія дѣлъ вытѣснилъ обращеніе къ суду. По свидѣтельству „Новаго Времени", опирающемуся на оффиціальное представленіе, въ періодъ времени съ 1894 по 1901 г. ни одно дознаніе о государственномъ преступленіи не было направлено и разрѣшено въ порядкѣ судебномъ по уставу угол. судопр., а такихъ дознаній, напр. въ 1901 г., поступило въ министерство юстиціи 520 съ 1784 привлеченными по нимъ лицами.—Въ послѣднее время, по назначеніи на постъ министра вн. дѣлъ В. К. Плеве стали вновь встрѣчаться случаи судебнаго разсмотрѣнія дѣлъ о госуд. преступленіяхъ *), такъ какъ правительство, по словамъ того же „Нов. Вр.", сознало, что „такое положеніе, при которомъ судебное разсмотрѣніе дѣлъ стало явленіемъ исключительнымъ, могло быть допущено, конечно, лишь временно, какъ крайность. Оно обременяло Верховную Власть, создало исключительный внѣсудебный ходъ и административное разрѣшеніе крайне важныхъ дѣлъ, влекущихъ тяжкую кару; оно установило окончательное разсмотрѣніе дѣлъ по бумажному производству безъ его необходимой провѣрки, безъ необходимаго обезпеченія привлеченныхъ въ томъ, что обвиненіе, столь тяжкое по послѣдствіямъ, поставлено правильно и достаточно обосновано, что улики, противъ нихъ собранныя и признаваемыя достаточными для отвѣтственности, не ведутъ къ смѣшенію понятій о неблагонадежности съ понятіемъ о виновности, и что начало предупрежденія преступленія не смѣшивается, не сливается съ началомъ кары за него".

*) См., напр., въ Правѣ 1904 г. № 27 отчетъ по дѣлу пр. доц. Аничкова и Бормана о провозѣ изъ за границы „Освобожденія"; см. также сообщенія въ хроникѣ „Права" № 17, с. 983; № 23 с. 1294 и др.

Сдѣлать этотъ судебный порядокъ болѣе частымъ мѣшала установленная уложеніемъ о наказаніяхъ „суровость наказаній, часто совсѣмъ не соотвѣтствующая винѣ, и отсутствіе необходимаго простора въ примѣненіи мѣры наказанія, что дѣйствительно и могло оправдывать внѣсудебное рѣшеніе многихъ дѣлъ". Новое уложеніе, Высоч. утвержденное 22 Января 1904 г., значительно смягчаетъ наказанія за госуд. преступленія, и новый законъ 7 Іюня 1904 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ *) въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ вводитъ въ дѣйствіе 3 и 4-ую главы новаго уложенія, а также нѣкоторыя отдѣльныя статьи его, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ и административный порядокъ разрѣшенія, такъ какъ „на практикѣ нерѣдко встрѣчаются дѣла, по которымъ, на основаніи выясненныхъ дознаніемъ данныхъ, обвиняемые не могутъ быть изобличены въ учиненіи опредѣленнаго преступнаго дѣянія государственнаго, а дознаніемъ установлено лишь вредное вообще для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія направленіе дѣятельности обвиняемыхъ, или политическая ихъ неблагонадежность, по терминологіи устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій".—Во всякомъ случаѣ и судебный порядокъ, устанавливаемый новымъ закономъ, сохраняетъ въ себѣ весьма немного изъ тѣхъ началъ, которыя признаны были основными при начертаніи судебныхъ уставовъ.

Наибольшія пренія вызвалъ и существеннѣйшимъ измѣненіямъ подвергся въ разнообразныхъ направленіяхъ судъ присяжныхъ. Недаромъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ этого суда, сенаторъ Желеховскій въ комиссіи Н. В. Муравьева по преобразованію судебныхъ уставовъ заявлялъ, что въ Англіи, „достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ судѣ не идутъ далѣе

*) Измѣненія эти сводятся къ установленію тѣсной связи между судебнымъ и жандармскимъ вѣдомствомъ при производствѣ дознаній и слѣдствій.

эпохи Генриха III, царствованіе котораго было отмѣчено борьбою съ возстаніемъ, прекратившимся лишь послѣ подтвержденія королемъ Magna Charta Libertatum Іоанна Безземельнаго... Возникшій въ столь смутное время и при такихъ условіяхъ, судъ присяжныхъ явился, конечно, учрежденіемъ, преслѣдовавшимъ не простое улучшеніе судебныхъ порядковъ, а представлялъ собою орудіе, долженствовавшее служить въ рукахъ народа средствомъ защиты его интересовъ противъ посягательства со стороны королевской власти". Исходя изъ подобныхъ соображеній, сенаторъ Желеховскій приходитъ къ выводу, „что у насъ судъ присяжныхъ находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ основными законами государства". Ему возражали остальные члены комиссіи; настаивая на сохраненіи института присяжныхъ засѣдателей, они „высказались рѣшительнымъ образомъ противъ самой возможности постановки вопроса о судѣ присяжныхъ у насъ на почву политическую, находя, что возбужденіе вопроса о несоотвѣтствіи суда присяжныхъ основнымъ законамъ самодержавнаго государства представлялось бы тѣмъ болѣе неумѣстнымъ въ настоящее время, когда велѣніемъ Верховной власти учрежденіе это уже введено и существуетъ болѣе 30 лѣтъ, снискавъ за этотъ долгій промежутокъ времени полное довѣріе правительства и самыя живыя симпатіи какъ общества, такъ и судебныхъ дѣятелей".

Это возраженіе комиссіи несомнѣнно было бы болѣе убѣдительно, если бы судъ присяжныхъ, въ теченіе всего періода своего существованія, не служилъ главнымъ объектомъ нареканій на несоотвѣтствіе судебной реформы условіямъ нашего государственнаго строя и не подвергался ежечасной опасности быть сметеннымъ съ лица земли всколыхнувшимся въ 80-хъ годахъ вѣтромъ „твердой власти". Мы уже знаемъ, что чуть ли не первый приговоръ суда присяжныхъ возбудилъ неудовольствіе правительства. Въ дневникѣ А. В. Никитенко подъ 12 Іюня 1867 г. записано: „говорятъ, министръ юстиціи объяснялся съ предсѣдателемъ

здѣшняго окружнаго суда и, между прочимъ, замѣтилъ, что присяжные не оправдываютъ ожиданій правительства, которое надѣялось найти въ нихъ консервативный элементъ, а находитъ противное". Какъ ни эластичны въ нашемъ словоупотребленіи слова „консервативный и „либеральный",—все же съ перваго взгляда трудно сообразить, какое отношеніе они могутъ имѣть къ функціямъ присяжныхъ засѣдателей, которые клянутся прилагать всю силу разумѣнія къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, уличающихъ и оправдывающихъ подсудимаго, и не оправдывать невиннаго и не осуждать виновнаго. При оцѣнкѣ уликъ врядъ ли можетъ сказаться вліяніе политическихъ убѣжденій присяжнаго. Но если мы вспомнимъ, что первыя нареканія на судъ присяжныхъ вызвало обвиненіе Протопопова въ оскорбленіи дѣйствіемъ своего начальника, обвиненіе, окончившееся, при безспорности самаго событія преступленія, оправданіемъ обвиняемаго, то мы поймемъ, что рѣчь идетъ объ оправданіи сознавшихся подсудимыхъ. Мы уже знаемъ *), что этотъ вопросъ не былъ разрѣшенъ достаточно ясно и опредѣленно законодательными мотивами, но текстъ закона не оставляетъ сомнѣній, что вопросъ о вмѣняемости преступленія присяжные разрѣшаютъ по внутреннему безконтрольному убѣжденію совѣсти.—Врядъ ли представляется здѣсь умѣстнымъ вдаваться въ доказательство выставленнаго положенія: какъ уже указывалось выше, оно пользуется у насъ, можно сказать, всеобщимъ признаніемъ. „Правительство" ограничилось выраженіемъ недовольства, но отнюдь не приписывало присяжнымъ совершенія незаконнаго поступка; что правительство не сомнѣвалось въ правѣ присяжныхъ оправдывать сознавшагося подсудимаго, видно еще яснѣе изъ того, что въ 1880 году „въ законодательныхъ сферахъ вырабатывался проектъ закона объ устраненіи прис. засѣдателей отъ разрѣшенія тѣхъ дѣлъ, по которымъ подсудимые сознались въ приписывае-

*) См. выше, стр. 64; 118, сл.

мыхъ имъ преступленіяхъ“ *). Далѣе, по этому вопросу нѣтъ никакого разногласія и между представителями нашей юридической науки—Таганцевымъ, Фойницкимъ, Случевскимъ, нынѣ являющимися вмѣстѣ съ тѣмъ членами верховнаго кассаціоннаго суда.—И этотъ кассаціонный судъ, когда б. министръ юстиціи Н. А. Манассеинъ поднялъ вопросъ о предоставленіи Сенату права разрѣшать передачу дѣла на разсмотрѣніе новаго жюри, въ случаѣ единогласнаго признанія судомъ, что присяжные *оправдали виновнаго*, въ самой рѣшительной формѣ указалъ на крайнюю несообразность такого предложенія. „19.000 произнесенныхъ у насъ въ 1887 г. на судѣ съ присяжными оправдательныхъ приговоровъ далеко не обнимаютъ собой“, по объясненію Сената, „только не сознавшихся подсудимыхъ, а можно почти съ увѣренностью утверждать, что не менѣе половины были оправданы по тѣмъ соображеніямъ, относящимся до ихъ личности, свойства и послѣдствій дѣянія, условій его совершенія и т. д., вслѣдствіе коихъ на судѣ по внутреннему убѣжденію совѣсти слова „совершилъ“ и „виновенъ“ вовсе не являются синонимами“.

При такой постановкѣ вопроса прис. засѣдатели, какъ съ негодованіемъ указывалъ въ своемъ заключеніи по д. Мельницкихъ оберъ-прокуроръ Н. А. Неклюдовъ **), могутъ „считать преступленіе искупленнымъ: долговременнымъ содержаніемъ подсудимаго подъ стражей, тѣми тяжкими семейными заботами, которыя несла и будетъ продолжать нести подсудимая, какъ мать многочисленнаго семейства; тѣми физическими страданіями и нравственными пытками, которыя вынесъ подсудимый отъ жертвы преступленія; его добрыми дѣлами, готовностью всегда прійти на помощь ближнему и т. п. нравственными качествами; они могутъ, наконецъ, не желать наказать подсудимаго, п. ч. видятъ на свободѣ не менѣе преступныхъ его сообщниковъ, или даже въ силу со-

*) См. Н. В. Муравьевъ. Сочиненія т. I, с. 196.

**) Журн. уг. и гр. пр., 1884 г. № 5.

вершенно своеобразнаго пониманія ими высокаго изреченія Спасителя: „Не судите, да не судимы будете“!—Но еще важнѣе, что, въ случаѣ коллизіи между положительнымъ уголовнымъ законодательствомъ и правовыми убѣжденіями общества, присяжные будутъ отвергать преступность дѣянія; не посягая формально на самую норму, они ни въ одномъ конкретномъ случаѣ не усмотрятъ условій, при которыхъ нарушеніе этой нормы можно вмѣнить въ вину. И чѣмъ эта коллизія острѣе, чѣмъ больше несоотвѣтствія между отдѣльными сторонами государственной организаціи, тѣмъ такіе случаи должны быть чаще. Что касается нашихъ условій, то теперь, когда уже послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго уголовнаго уложенія, къ выработкѣ котораго было приступлено болѣе 20 лѣтъ назадъ; когда, какъ мы видѣли выше *), „изъ человѣколюбія“ отказались судить по уложенію о наказаніяхъ государственныхъ преступниковъ, теперь доказывать полную негодность нашихъ уголовныхъ законовъ было бы явной тривіальностью. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ б. министра юстиціи Д. Н. Набокова о необходимости созданія новаго уложенія прямо указывалось, что „дѣйствующее уложеніе не только не соотвѣтствуетъ требованіямъ новыхъ судебныхъ уставовъ, но и является препятствіемъ, со стороны своей технической обработки, правильному отправленію правосудія, въ особенности на судѣ съ присяжными“ **). А по словамъ Н. В. Муравьева, основываемымъ имъ на личномъ опытѣ, неудовлетворительность нашего уголовнаго законодательства является даже единственной причиной разсматриваемаго явленія ***).

Во всякомъ случаѣ предъ нами есть несомнѣнныя доказательства, что своими оправдательными вердиктами судъ присяжныхъ оказывалъ у насъ весьма благодѣтельное вліяніе

---

*) См. стр. 157.

**) Историческій очеркъ, с. 166.

***) Сочиненія, т. I, с. 221.

на ходъ уголовнаго законодательства. Напомнимъ хотя бы исторію закона о кражѣ со взломомъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ „Историческій очеркъ“ *): уложеніе о наказаніяхъ 1866 г. придало слишкомъ широкое значеніе понятію о взломѣ, признавая, между прочимъ, квалифицированною кражею даже похищеніе изъ запертыхъ сундуковъ, ларцевъ или другихъ хранилищъ движимаго имущества посредствомъ оторванія приложенныхъ къ нимъ печатей. Такъ какъ эти постановленія закона не соотвѣтствовали ни хозяйственному быту нашего народа, ни усвоеннымъ имъ воззрѣніямъ на важность подобнаго рода преступныхъ дѣяній, то въ виду существовавшей строгости взысканій за кражу со взломомъ присяжные засѣдатели или совершенно оправдывали обвиняемаго, не смотря на его сознаніе, или же отвергали фактъ взлома... Министерство юстиціи вошло въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ установленіи менѣе строгой отвѣтственности для нѣкоторыхъ видовъ кражи со взломомъ и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ установленій. Государственный Совѣтъ отнесся весьма сочувственно къ предположеніямъ министерства юстиціи, и выработанныя имъ правила удостоились Высочайшаго утвержденія 18 мая 1882 г.“ **). И затѣмъ „Очеркъ“ подробно выясняетъ, какія разнообразныя благодѣтельныя послѣдствія наступили отъ того, что правительство вняло голосу присяжныхъ: работа сократилась и упростилась, дѣла получили болѣе быстрое движеніе и „въ финансовомъ отношеніи мѣра оказалась не безвыгодной“.

Можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ такого благодѣтельнаго воздѣйствія суда присяжныхъ, но всѣ они, конечно, строго ограничиваются той спеціальной областью, въ которой министерство юстиціи можетъ дѣйствовать, такъ сказать, самостоятельно, не касаясь и не на-

---

*) Стр. 155.

**) Стр. 155, 156.

рушая интересовъ другихъ вѣдомствъ и властей; когда же суду присяжныхъ приходилось вступать въ коллизію подобнаго рода, то въ результатѣ онъ самъ подвергался тѣмъ или другимъ воздѣйствіямъ.—Такъ, мы уже знаемъ, что въ самомъ началѣ его существованія изъ его компетенціи были изъяты дѣла о преступленіяхъ печати. Рѣшительное вліяніе имѣло слушавшееся въ С.-Петербургскомъ окр. судѣ подъ председательствомъ А. Ѳ. Кони въ концѣ Марта 1878 г. дѣло по обвиненію Вѣры Засуличъ въ покушеніи на убійство С.-Петербургскаго градоначальника Трепова, дѣло, въ которомъ, по словамъ „Гражданина", наша магистратура, воспитанная Сенатомъ, достигла своего апогея *).—Дѣло это, какъ извѣстно, закончилось оправданіемъ подсудимой и возбудило огромную сенсацію. „Избранная интеллигентная публика, наполнявшая въ этотъ день залу суда, какъ одинъ человѣкъ, „встрѣтила его бурными рукоплесканіями и долго неумолкавшими криками одобренія. Такими же привѣтствіями и криками разразилась другая, еще болѣе шумная толпа, стоявшая на улицѣ у зданія суда. Вѣру Засуличъ и ея защитника, при ихъ появленіи, подняли на руки и устроили имъ шумную овацію"**).

---

*) Цитируемъ по „Праву" № 10 за 1904 г.

**) Н. Карабчевскій. Около правосудія, стр 374—387, содержащія интересный отчетъ по этому дѣлу. Считаемъ нелишнимъ сопоставить съ этимъ отношеніе публики къ дѣлу по обвиненію Скитскихъ въ убійствѣ своего начальника Комарова, дѣлу, лишенному всякой „политической тенденціи". Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ встрѣчу публикой оправдательнаго приговора судебной палаты: „Въ зданіи суда и за стѣнами произошло что-то небывалое, стихійное: кричали „ура", обнимались, цѣловались другъ съ другомъ люди совершенно между собой незнакомые, многіе плакали. Скитскіе переходили изъ однихъ объятій въ другія. На улицѣ многочисленная толпа ревѣла и бушевала какъ море... Защитниковъ несли на рукахъ, осыпали цвѣтами... Судьямъ, по выходѣ изъ зданія окружного суда, устроили шумныя оваціи, а вечеромъ провожали ихъ на вокзалъ, при чемъ весь вагонъ, въ который они сѣли, украсили цвѣтами. Еще торжественнѣе были проводы защитниковъ Н. П. Карабчевскаго и Б. П. Куликова. Около дома защитника М. Д. Зеленскаго цѣлый день

И. С. Аксаковъ разсказываетъ, что это настроеніе раздѣлялось весьма высокопоставленными лицами. Одно изъ нихъ по окончаніи дѣла обратилось къ предсѣдателю суда со словами: „это самый счастливый день русскаго правосудія“, и на что А. Ф. Кони замѣтилъ: „вы ошибаетесь, это самый печальный день его“. И дѣйствительно, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ кн. Мещерскій пишетъ: „Торжественное оправданіе Вѣры Засуличъ происходило какъ будто въ какомъ-то ужасномъ кошмарическомъ снѣ... Никто не могъ понять, какъ могло состояться въ залѣ суда самодержавной Имперіи такое страшное глумленіе надъ государевыми высшими слугами, и столь наглое торжество крамолы; но въ то же время въ какомъ-то летаргическомъ оцѣпенѣніи всѣ молчали, и никто не смѣлъ громко протестовать... Такъ, промежъ себя, нѣкоторые русскіе люди говорили, что если бы, въ отвѣтъ на такое прямо революціонное проявленіе правосудія, Государь своею властью кассировалъ рѣшеніе суда, и весь составъ суда подвергъ изгнанію со службы, и проявилъ бы эту строгость немедленно и всенародно, то весьма вѣроятно развитіе крамолы было бы сразу пріостановлено“ *).

Этого не случилось, но за то по другому дѣлу, такъ называемому дѣлу 193-хъ, участь осужденныхъ не только не была смягчена Высоч. властью, но наказаніе, опредѣленное Сенатомъ главнымъ зачинщикамъ, повышено нѣсколькими степенями, и ссылка въ Сибирь на поселеніе замѣнена каторжными работами. Значительное число оправданныхъ высланы административнымъ порядкомъ на дальній сѣверъ**).

Вслѣдъ за оправданіемъ Засуличъ графъ Паленъ внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе объ изъятіи изъ компетенціи суда присяжныхъ дѣлъ о явномъ возстаніи

стояла огромнѣйшая толпа и шумно выражала свою благодарность и восторги“. („Право“ 1900 г. № 29).

*) Т. II, с. 402, 403.

**) Татищевъ. Императоръ Александръ II. Т. II, с. 598.

противъ установленныхъ правительствомъ властей, противодѣйствіи или сопротивленіи исполненію судебныхъ опредѣленій или распоряженій вышеупомянутыхъ властей, а также дѣлъ объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, о нанесеніи имъ ранъ и увѣчій при исполненіи или вслѣдствіе исполненія служебныхъ обязанностей. Представленіе свое гр. Паленъ основывалъ на томъ, что установленный порядокъ былъ расчитанъ на нормальное проявленіе преступности въ обществѣ; многочисленность же такихъ преступленій за послѣдніе годы потребовала „безотлагательно принять такія мѣры, съ введеніемъ коихъ строгая по закону наказуемость случаевъ насилія или сопротивленія органамъ правительства была бы обезпечена и не зависѣла бы отъ случайныхъ причинъ“*). Обезпеченіе должно было заключаться въ передачѣ дѣлъ вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, при чемъ въ Гос. Совѣтѣ нѣкоторые члены находили, что по самому свойству преступленій противъ порядка управленія и должностныхъ лицъ, неудобно было бы допускать къ разсмотрѣнію ихъ представителей общества, нерѣдко приходящихъ въ столкновеніе съ органами правительственной власти и не всегда свободныхъ отъ вліянія мѣстныхъ мнѣній и личныхъ пристрастій и предубѣжденій. „Всѣ поняли, пишетъ кн. Мещерскій**), когда эти новые законы были изданы, что правительство, не довѣряя вѣрноподданнической преданности не только общества, поставляющаго присяжнаго засѣдателя, но и самого судебнаго вѣдомства, поставлено въ необходимость, для самообороны, всѣ политическія преступленія отдавать на судъ особенныхъ, не причастныхъ къ судебному вѣдомству лицъ; а разъ всѣ это поняли, то естественное представленіе о слабости и о растерянности правительства должно было усилиться, а вслѣд-

---

*) „Отчетъ Госуд. Совѣта за 1878 г.“, стр. 172 сл.; „Историческій очеркъ“, стр. 129, сл.

**) Воспоминанія, Т. II. с. 407.

ствіе этого дерзость преступниковъ должна постоянно и пропорціонально увеличиваться. „Весьма скоро, въ самомъ дѣлѣ, еще въ томъ же 1878 г., принятая мѣра „оказалась недостаточной для борьбы съ злоумышленниками, посягающими на неприкосновенность представителей власти, вслѣдствіе чего явилась необходимость въ дальнѣйшемъ развитіи исключительныхъ мѣръ, и 9 Августа 1878 г. послѣдовало Высоч. повелѣніе о передачѣ большей части означенныхъ выше дѣлъ военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени. Вслѣдствіе этого, и такъ какъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ и другія дѣла изымались изъ вѣдѣнія гражданскихъ судовъ, министръ юстиціи Набоковъ нашелъ, что въ вѣдѣніи особыхъ присутствій судебныхъ палатъ фактически остались лишь неважныя дѣла, а потому, во избѣжаніе лишнихъ тратъ, полагалъ, что къ компетенціи палатъ слѣдуетъ отнести лишь важныя—возстаніе противъ установленныхъ правительствомъ властей, учиненное вооруженными людьми или хотя и не вооруженными, но совершившими явныя насилія и безпорядки, и всякое сопротивленіе властямъ или нападеніе на чиновъ войска или полиціи и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при опредѣленныхъ условіяхъ,—остальныя же менѣе важныя дѣла возвратить компетенціи присяжныхъ.—Государственный Совѣтъ согласился съ представленіемъ министра, но при этомъ усмотрѣлъ, что „къ числу изъятыхъ изъ вѣдѣнія палатъ предположено отнести и дѣла о безпорядкахъ, для усмиренія коихъ начальство вынуждено было прибѣгнуть къ необыкновеннымъ мѣрамъ (ст. 265 ул. о. н.)“. Передачу этихъ дѣлъ въ вѣдѣніе прис. засѣдателей Гос. Совѣтъ призналъ неправильнымъ, ибо „административныя мѣропріятія, которыя могутъ быть вызваны сопротивленіемъ власти при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, существенно затрагиваютъ интересы мѣстнаго общества и можно опасаться, что прис. засѣдатели, какъ представители послѣдняго, нерѣдко могли бы находиться подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое произвели на мѣстное

населеніе сдѣланныя для усмиренія неповинующихся распоряженія" *).

Этотъ порядокъ былъ измѣненъ закономъ 1889 г. въ управленіе м-вомъ Н. А. Манассеина. Онъ нашелъ, что основныя начала 1862 г. допустили серьезную ошибку, изъявъ изъ компетенціи суда присяжныхъ только дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, что точно также и для сужденія дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія (сопротивленіе власти, нанесеніе оскорбленія ея органамъ, посягательство на личную неприкосновенность должностныхъ лицъ) необходимо обладать ясными представленіями о государственномъ строѣ и его задачахъ, а этимъ условіямъ не всегда могутъ удовлетворить лица, избираемыя въ присяжные засѣдатели. Принадлежа въ большинствѣ къ крестьянской и мѣщанской средѣ, присяжные исполняютъ вполнѣ удовлетворительно возложенныя на нихъ обязанности только при разрѣшеніи дѣлъ о простѣйшихъ по своей обстановкѣ преступныхъ дѣяніяхъ. Остальныя же дѣла недоступны ихъ правильному пониманію. Поэтому цѣлый рядъ дѣлъ (почти всѣ дѣла противъ порядка управленія, по должности, по дѣламъ печати, банковскія дѣла, нѣкоторыя нарушенія уставовъ мореплаванія и путей сообщенія и о двоебрачіи **) какъ особо важныя, проектировалось изъять изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ. Съ другой стороны Манассеинъ находилъ, что дѣла менѣе важныя, за которыя по закону при высшемъ наказаніи „лишь" ограничиваются высшія права состоянія, хотя и доступны, повидимому, правильному пониманію присяжныхъ засѣдателей, тоже нѣтъ основанія оставлять въ ихъ вѣдѣніи, и нужно передать окружному суду съ участіемъ сословныхъ представителей. Государствен-

---

*) Отчетъ по Гос. Сов. за 1882 г. с. 218.

**) Эти послѣднія дѣла изъяты по заявленію оберъ-прокурора Св. Синода, находившаго, что частые оправдательные вердикты по этимъ дѣламъ подрываютъ въ обществѣ уваженіе къ святости брака.

ный Совѣтъ согласился *) только съ первой частью представленія, но и этого, конечно, достаточно было, чтобы перенести центръ тяжести правосудія изъ суда присяжныхъ въ судъ сословныхъ представителей. По подсчету, произведенному Бобрищевымъ-Пушкинымъ, **) при введеніи судебныхъ уставовъ изъ числа 1536 статей особенной части улож. о наказаніяхъ 128 статей было отнесено къ вѣдѣнію административныхъ управленій, 795 оставлены въ вѣдѣніи коронпаго суда, 203 ст. отошли къ мировымъ судьямъ и 410 перешло къ суду присяжныхъ. Послѣ закона 1889 г. въ вѣдѣніи присяжныхъ осталось лишь около 300 статей.

Параллельно съ этимъ шли воздѣйствія и на организацію суда присяжныхъ. Уже Д. Н. Набоковъ находилъ, что необходимо повысить установленный закономъ цензъ для присяжныхъ засѣдателей, но онъ не успѣлъ разработать „соотвѣтственныя по этому предмету предположенія" и ввелъ лишь ограниченіе права отвода присяжныхъ засѣдателей, считавшагося при составленіи судебныхъ уставовъ весьма важной гарантіей правильности произносимыхъ приговоровъ и способнаго вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить въ обществѣ довѣріе къ суду. Одновременно съ этимъ измѣненъ порядокъ составленія списковъ присяжныхъ въ цѣляхъ включенія „лишь наиболѣе достойныхъ представителей общества", что по словамъ „Историч. Очерка" ***) привело къ значительному сокращенію общаго числа лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжнаго. Начатое дѣло съ успѣхомъ продолжалъ Н. А. Манассеинъ. Въ 1887 г. онъ внесъ представленіе о существенномъ повышеніи ценза для присяжныхъ засѣдателей. Судебные уставы устанавливали лишь слѣдующія условія: русское подданство, знаніе русскаго языка, опредѣленный возрастъ и опредѣленное пребываніе въ данномъ мѣстѣ. По мнѣнію Манассеина, для успѣш-

*) „Историч. Очеркъ", стр. 183 сл.

**) „Эмпирическіе законы", стр. 49—50.

***) Стр. 164.

наго выполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя необходимо читать по-русски, а главное—обладать не тѣмъ имущественнымъ цензомъ, какой установленъ былъ реформаторами 60-ыхъ годовъ. Опытъ показалъ Н. А. Манассеину, что лица, не связанныя съ мѣстностью обладаніемъ недвижимостью и матеріально скудно обезпеченныя, представляютъ въ составѣ присяжныхъ засѣдателей элементъ мало надежный и недостаточно серьезно относящійся къ возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ. Къ сожалѣнію, „Историческій Очеркъ" не сообщаетъ, какимъ образомъ это могло быть выяснено опытомъ, несмотря на тайну совѣщанія присяжныхъ засѣдателей. Однако, Государственный Совѣтъ призналъ опытъ убѣдительнымъ и съ большимъ сочувствіемъ принялъ предложенную Манассеинымъ мѣру въ увѣренности, что теперь уже „будутъ устранены тѣ преграды успѣху дѣятельности (суда присяжныхъ), которыя не дозволяли оцѣнить въ полной мѣрѣ достоинства этой формы суда". Мы уже знаемъ, что Государственный Совѣтъ жестоко ошибся: въ 1889 г. компетенція суда присяжныхъ была сильно сокращена. Но мало того, въ 1890 г. вновь пришлось измѣнять порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ униссонъ съ законодательными мѣрами министерство юстиціи дѣйствовало и циркулярами. Такъ, въ прошломъ году министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ въ видахъ борьбы съ „неправильными" вердиктами присяжныхъ засѣдателей разослалъ окружнымъ судамъ циркуляръ о томъ, что присяжные засѣдатели не могутъ быть лишены принадлежащаго всѣмъ вѣрноподданнымъ права ходатайствовать о помилованіи осужденныхъ и что такія ходатайства присяжныхъ должны быть обязательно передаваемы *) въ министерство юстиціи до обращенія приговоровъ къ исполненію. Циркуляръ этотъ послѣ-

---

*) Министерство Юстиціи употребляетъ вмѣсто „передаваемы" терминъ „представляемы". По судебнымъ уставамъ окружные суды какъ неподчиненные министерству пишутъ ему не *представленія*, а *отношенія*.

довалъ послѣ того, какъ Н. В. Муравьевъ опубликовалъ внесенныя имъ же въ Госуд. Совѣтъ объяснительныя записки къ проектамъ новыхъ уставовъ, и въ этихъ объяснительныхъ запискахъ онъ между прочимъ сообщаетъ, что право ходатайствовать о помилованіи по дѣйствующему уставу принадлежитъ только коронному суду. Такимъ образомъ, какъ справедливо указывалъ въ „Правѣ“ В. Д. Набоковъ*), этотъ циркуляръ въ сущности разрѣшаетъ законодательный вопросъ.

Наиболѣе тяжкій ударъ судебной реформѣ нанесенъ былъ положеніемъ 1889 г. о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Даже оффиціальные представители нашей бюрократіи, какъ напр. Н. В. Муравьевъ, заявившій въ Госуд. Совѣтѣ, что „въ основѣ всего учрежденія земскихъ начальниковъ лежитъ мудрая мысль сдѣлать лучшихъ представителей помѣстнаго дворянства хранителями мира и порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ“ **), категорически утверждалъ въ другой своей рѣчи, что „правила 1889 г. о земскихъ участковыхъ начальникахъ вошли глубокимъ клиномъ въ зданіе, возведенное судебными уставами“ ***). Осуществленная въ 1889 г., идея о земскихъ начальникахъ возникла еще въ 1881 году, когда мѣстныя установленія приглашены были циркуляромъ министерства вн. дѣлъ высказаться по вопросамъ, касающимся устройства мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.—Возникла эта идея въ Алатырскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, въ головѣ знаменитаго впослѣдствіи правителя дѣлъ канцеляріи гр. Д. А. Толстого—А. Д. Пазухина, предложившаго выборнаго земскаго судью, совмѣщающаго судебную и административную власть.—Въ 1884 г. А. Д. Пазухинъ выступаетъ весьма вліятельнымъ членомъ комиссіи статсъ-секретаря Каханова для составленія проекта преобра-

---

*) „Право“ 1903 г. № 52, стр. 2962.

**) Историч. очеркъ, с. 237.

***) Послѣднія рѣчи, с. 59.

зованія губернскаго и уѣзднаго административнаго управленія и здѣсь, поддержанный Г. В. Кондоиди, Т. И. Филипповымъ, кн. А. Д. Оболенскимъ и еще нѣсколькими членами, онъ предлагаетъ учредить замѣщаемую изъ рядовъ дворянства должность участковаго, главной функціей котораго является надзоръ надъ спеціально крестьянскимъ управленіемъ, который долженъ совмѣщать административную власть съ судебной компетенціей мировыхъ судей *). Для успѣшнаго осуществленія реформы необходимо уничтожить институтъ мировыхъ судей, ибо иначе можетъ оказаться недостатокъ въ лучшихъ людяхъ, пригодныхъ для занятія трудной должности участковаго, и кромѣ того сліяніе избавитъ правительство отъ необходимости требовать отъ крестьянскаго населенія новыхъ жертвъ изъ своихъ тяжелымъ трудомъ добываемыхъ средствъ. Сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ сдѣлаетъ ее сильной и устранитъ всякія пререканія, ибо пререкаться тогда было бы некому и не изъ-за чего.

Проектъ этотъ потерпѣлъ фіаско въ комиссіи, большинство которой находило его не только нежелательнымъ, но „едва ли возможнымъ въ настоящее время". По мнѣнію этого большинства, „совмѣщеніе судебныхъ и административныхъ функцій невозможно, ибо судъ въ своей дѣятельности долженъ руководствоваться соображеніями законосообразности, администрація—соображеніями цѣлесообразности. Судья долженъ быть независимъ, независимость административнаго органа рождаетъ произволъ... Судья-администраторъ явился бы судьей закономѣрности собственныхъ своихъ распоряженій. Для обезпеченія населенія противъ произвола властей безспорно необходимо, чтобы взысканія за неисполненіе законныхъ требованій этихъ властей налагались не ими самими, а судомъ, стоящимъ внѣ всякой зависимости отъ органовъ администраціи, непосредственно заинтересованныхъ въ томъ

---

*) Интересныя подробности см. въ статьѣ В. Гессена, въ сборникѣ „Мелкая земская единица". Изд. 2-е, с. 403, сл.

или иномъ исходѣ дѣла... Въ результатѣ реформы оказался бы такой произволъ на мѣстахъ, отъ котораго только и оставалось бы бѣжать изъ уѣзда и тѣмъ, кто въ немъ еще остается, не говоря о положенiи, въ которомъ могли бы оказаться крестьяне".

По закрытiи Кахановской комиссiи А. Д. Пазухинъ назначенъ былъ правителемъ дѣлъ канцелярiи министерства вн. дѣлъ и тогда земско-начальническая идея получила дальнѣйшее оффицiальное развитiе.—Первоначальный проектъ подвергся нѣкоторымъ видоизмѣненiямъ. Мировымъ судьямъ сохранялась жизнь, изъ ихъ компетенцiи предполагалось изъять лишь тѣ дѣла, которыя возникаютъ изъ ежедневныхъ бытовыхъ отношенiй сельскихъ жителей и носятъ на себѣ характеръ судебно-полицейскихъ производствъ и малоцѣнныхъ тяжбъ.—Для такихъ дѣлъ предполагалось достаточнымъ установить какой-нибудь упрощенный процессуальный порядокъ, а болѣе важныя угол. дѣла, угрожающiя обвиняемому болѣе или менѣе тяжкимъ наказанiемъ, и гражданскiя дѣла по обязательствамъ, для разрѣшенiя коихъ необходимы юридическiя познанiя, которыхъ нельзя требовать отъ земскихъ начальниковъ,—остаются въ вѣдѣнiи мировыхъ судовъ. Проектъ этотъ встрѣтилъ серьезныя возраженiя со стороны бывшаго министра Н. А. Манассеина, который указывалъ, что нельзя приносить интересы правосудiя въ жертву авторитету земскихъ начальниковъ и обаянiю присвоенной имъ власти. „Правильное отправленiе правосудiя въ государствѣ составляетъ одну изъ первостепенныхъ государственныхъ потребностей, а потому организацiя въ немъ суда должна быть построена исключительно на такихъ началахъ, которыя обезпечивали бы въ наибольшей мѣрѣ возможность успѣшнаго выполненiя возложенной на него задачи. На этомъ основанiи передача обширныхъ судебныхъ функцiй земскимъ начальникамъ съ единственной цѣлью возвысить и упрочить ихъ авторитетъ едва ли соотвѣтствовала бы интересамъ государства, не допускающимъ обращенiя судебной власти въ ору-

діе для достиженія цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлями правосудія“ *).

Что же касается упрощенія процессуальныхъ правилъ, то, въ связи съ намѣчавшимся ограниченіемъ права обжалованія, это, по мнѣнію министра, лишило бы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ необходимыхъ гарантій и открыло бы широкій просторъ для произвола и всякаго рода злоупотребленій. Въ виду этихъ возраженій, раздѣлявшихся и нѣкоторыми другими вѣдомствами, образована была комиссія подъ предсѣдательствомъ К. П. Побѣдоносцева, но министръ вн. дѣлъ отстаивалъ свое мнѣніе и проектъ—въ измѣненномъ лишь въ частностяхъ видѣ—внесенъ былъ въ 1888 г. въ Госуд. Совѣтъ. Здѣсь съ самаго начала разсмотрѣнія обнаружилось существенное разногласіе по вопросу о томъ, должны ли земскіе начальники завѣдывать спеціально крестьянскимъ управленіемъ, что укрѣпляло бы обособленность крестьянъ, или имѣть характеръ органа общеадминистративнаго. Меньшинство изъ 13 членовъ высказалось за обособленность, а большинство изъ 39 членовъ, во главѣ съ предсѣдателемъ Госуд. Совѣта и великими князьями Владиміромъ Александровичемъ и Алексѣемъ Александровичемъ, находило нужнымъ распространить власть земскаго начальника на все населеніе, въ томъ очевидно предположеніи, что въ такомъ случаѣ власть земскаго начальника будетъ заключена въ болѣе ограниченныя рамки, соотвѣтствующія потребностямъ и привычкамъ т. н. привилегированныхъ классовъ населенія. — Разногласіе это представлено было на усмотрѣніе Государя и Александръ III положилъ слѣдующую историческую резолюцію: „Соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ, желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздѣ были упразднены,—для того чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей. Часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ

*) Ист. очеркъ, с. 203.

начальникамъ и въ волостные суды, а меньшая часть, болѣе важныя дѣла, могли бы отойти къ окружнымъ судамъ. Во всякомъ случаѣ непремѣнно желаю, чтобы эти измѣненія не помѣшали окончанію разсмотрѣнія проекта до лѣтнихъ вакацій".—При всей неожиданности этой резолюціи она почти дословно совпадаетъ съ тѣми вожделѣніями, которыя, какъ мы только что видѣли, высказывались въ Кахановской комиссіи А. Д. Пазухинымъ и другими, что и свидѣтельствуетъ, что духъ времени къ этому моменту окрѣпъ совершенно, восьмидесятые годы достигли своего апогея.

Послѣ приведенной Высочайшей резолюціи дѣло пошло уже впередъ въ предуказанномъ направленіи безъ всякихъ задержекъ. Мировые судьи, которые по словамъ ревизовавшихъ въ 80-хъ г.г. сенаторовъ, представляли единственное свѣтлое пятно въ мрачномъ хаосѣ провинціальной жизни, упразднены были не только въ уѣздѣ, но и повсемѣстно (за исключеніемъ 2 -3 городовъ), такъ какъ министръ юстиціи пересталъ уже „усматривать достаточныя основанія сохранять выборное начало для тѣхъ немногихъ участковыхъ судей, которые остались бы въ городскихъ поселеніяхъ". Вмѣсто нихъ учреждены городскіе судьи, пониженные въ классѣ должности, благодаря чему они назначаются министромъ и увольняются консультаціей и, такимъ образомъ, вся мѣстная юстиція очутилась въ рукахъ зависимыхъ чиновниковъ. Компетенція земскихъ начальниковъ оказалась расширенной и къ ихъ вѣдомству отнесены и тѣ дѣла, которыя, по предположеніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не должны были быть имъ передаваемы, какъ требующія юридическихъ познаній, необязательныхъ для этихъ должностныхъ лицъ.—Что же касается упрощеннаго судопроизводства, то, въ виду наступившей спѣшности, министерство юстиціи ограничилось тѣмъ, что оно изъ уставовъ для мировыхъ судей рядъ статей изъяло совсѣмъ, другія замѣнило ссылками на эти уставы, а нѣкоторыя изложило въ новой редакціи. Такъ какъ, однако, уставы эти представляютъ стройное цѣлое и всякое изъятіе нарушаетъ общую

гармонію, а съ другой стороны — для мир. судей обязателенъ былъ и уставъ судопроизводства для общихъ судовъ, что упущено было по отношенію къ земскимъ начальникамъ, то новый кодексъ („правила производства дѣлъ") сразу обнаружилъ свою полную непригодность и до сихъ поръ продолжаетъ вызывать непреодолимыя затрудненія.

12 іюля 1889 г. положеніе о земскихъ начальникахъ стало закономъ, и реформа въ 4 года введена была въ 32 губерніяхъ; финансовыхъ затрудненій здѣсь не существовало.—Земскіе начальники не обманули возлагавшихся на нихъ ожиданій, реформа принесла всѣ результаты, обусловленные замѣною правосудія сильной властью. Еще на дняхъ по поводу новыхъ законовъ о земскихъ начальникахъ, изданныхъ къ 15-лѣтнему юбилею ихъ существованія, мы поминали въ „Правѣ" „нынѣ покойнаго, но несомнѣнно обезсмертившаго себя земскаго начальника Чернскаго у., Тульской губ., отставного маіора А. Н. Сухотина. Онъ прославилъ себя тѣмъ, что когда „подвѣдомственные" ему крестьяне отказались возить изъ его конюшни навозъ, такъ какъ тамъ были лошади, больныя сапомъ, и крестьяне боялись заразить своихъ лошадей, то помѣщикъ Сухотинъ тотчасъ же превратился въ земскаго начальника Сухотина и оштрафовалъ крестьянъ „за неисполненіе законныхъ распоряженій". Онъ же, Сухотинъ, увѣковѣчилъ свою память циркуляромъ къ окрестнымъ помѣщикамъ, въ которомъ обращалъ ихъ вниманіе на то, что крестьянинъ работаетъ только тогда, когда ему сводитъ брюхо отъ голода. Какъ только онъ насытился, онъ ложится на печку и море ему по колѣно. Отсюда проистекаютъ постоянныя недоимки въ податяхъ и повинностяхъ. Для пресѣченія этого зла и въ цѣляхъ надлежащаго воспитанія крестьянскаго сословія А. Н. Сухотинъ, въ качествѣ земскаго начальника, рекомендовалъ помѣщикамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ нихъ будетъ причитаться крестьянамъ заработная плата или другіе какіенибудь платежи, предварительно расплаты, удерживать для взноса въ казначейство слѣдуемыя съ нихъ подати и т. п.".

И именно этого земскаго начальника всегда отмѣчали „Моск. Вѣдомости“ и „Гражданинъ“, какъ вѣрно понимающаго свою задачу, именно онъ былъ назначенъ за свою дѣятельность вице-губернаторомъ.

Таковы были важнѣйшія измѣненія, внесенныя въ судебные уставы императора Александра II, и бѣглый ихъ просмотръ не можетъ не привести къ тому заключенію, что въ сущности уставы эти до сихъ поръ не введены были въ дѣйствіе въ томъ видѣ, который долженъ былъ разрѣшить задачи, возложенныя на нихъ Высочайшимъ указомъ.

VIII.

Черты современнаго состоянія правосудія.

Одинъ изъ сенаторовъ, ревизовавшихъ въ 1880—1881 гг. мѣстныя учрежденія для Кахановской комиссіи, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ писалъ: „Пререканія судебныхъ и административныхъ властей, которыми сопровождалось введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., въ настоящее время уже не существуютъ. Между той и другой властью установились теперь въ С. и С. губерніяхъ отличныя внѣшнія отношенія. Но эти отношенія поддерживаются лишь уступками въ строгомъ исполненіи требованій закона“.

Такимъ образомъ ассимиляція совершилась еще въ царствованіе того императора, который вводилъ судебные уставы съ тою цѣлью, чтобы утвердить „уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“. Легко можно себѣ представить, какъ широко разлилось это теченіе въ послѣдующее царствованіе, вообще тяготившееся закономъ который оно отождествляло съ бездушнымъ сухимъ формализмомъ, и постоянно порывалось отъ него въ сторону многообразной и гибкой справедливости, осуществляемой твердою властью. Вотъ почему Императоръ Александръ III, какъ свидѣтельствуютъ его многочисленныя резолюціи, относился отрицательно къ судебнымъ учрежденіямъ, скованнымъ узами закона; онъ находилъ, что Сенатъ мѣшаетъ министрамъ вести дѣла; на докладѣ о томъ, что по обнародованіи закона

3 мая 1883 г. о правахъ и льготахъ раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ, судъ, считая богомоленіе единственной цѣлью штундовыхъ собраній, не подвергалъ наказанію штундистовъ, привлекавшихся къ отвѣтственности, причемъ такое отсутствіе единства между дѣйствіями администраціи и суда смущало православный народъ, Государь написалъ: „Фактъ чрезвычайно грустный“!—Особенно энергичному воздѣйствію подверглось судебное вѣдомство со введеніемъ закона 12 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ. Ни о какомъ противодѣйствіи реформѣ въ эти „чеховскіе“ годы унынія и индиферентизма не могло быть, конечно, и рѣчи, но въ строку ставилось и безразличное отношеніе. Такъ, на докладѣ одного изъ губернаторовъ, что „чины министерства юстиціи относятся равнодушно къ реформѣ 12 іюля 1889 г., исходя изъ того взгляда, что теорія права не допускаетъ смѣшенія административной и судебной властей, послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „Это, къ сожалѣнію, я слышу не въ первый разъ и обращаю самое серьезное вниманіе министра юстиціи на эти непростительные факты, требуя отъ него самыхъ энергичныхъ мѣръ къ прекращенію ихъ“.

Само собою разумѣется, что Высочайшая воля принималась къ неукоснительному исполненію и если, какъ сплетничаетъ кн. Мещерскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, самъ Замятнинъ не зналъ, что сенаторы несмѣняемы, и выразилъ готовность уволить безъ прошенія М. Любощинскаго за рѣчь его въ С.-Петербургскомъ земскомъ собраніи, то послѣдующіе министры—и особенно Н. А. Манассеинъ—отлично знали, что несмѣняемости нѣтъ и ихъ очень мало смущала „столь основательно названная самимъ Государемъ нелѣпостью статья закона о неприкосновенности членовъ судебнаго вѣдомства“ *). Противъ особенно непокорныхъ, не желавшихъ для соблюденія декорума подать прошеніе объ отставкѣ или перемѣщеніи, имѣлось въ запасѣ грозное средство въ видѣ оставленія

*) Мещерскій. „Воспоминанія“. Ч. I, с. 430.

за штатомъ. И многіе ли могли упорствовать, зная, что министръ не останавливается предъ осуществленіемъ угрозы и что въ такомъ случаѣ они будутъ выброшены на улицу безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія.

Что же касается новыхъ назначеній, то, конечно, министерство старалось подбирать такихъ, въ угодливости коихъ сомнѣваться не было основанія. Эта угодливость, впрочемъ, должна быть дана даже въ задатокъ.—Фактически безъ той или иной поддержки ходатайствъ ни одно назначеніе не можетъ обойтись. Въ своихъ воспоминаніяхъ М. Громницкій разсказываетъ, что его назначеніе изъ прокуроровъ членомъ палаты, послѣдовавшее противъ его воли и повлекшее выходъ его въ отставку, произошло по инициативѣ состоявшаго при министрѣ и всегда оживлявшаго его пріемную, рыжаго чиновника Бурлакова.—Съ тѣхъ поръ, жизнь, конечно, усложнилась, стала много изящнѣе; должность Бурлакова все повышается въ своемъ классѣ, занимается людьми безусловно благообразными, но сущность Бурлакова остается неизмѣнной. Еще недавно мы писали въ „Правѣ“ *), что представленія судовъ о замѣщеніи открывающихся вакансій весьма нерѣдко не уважаются: назначаются кандидаты чуждые, при чемъ не задумываются посылать въ гражданскія отдѣленія и департаменты лицъ, никогда не занимавшихся гражданскимъ правомъ, и даже бывали случаи назначенія въ столичныя судебныя палаты лицъ, никогда не служившихъ по судебному вѣдомству.

Иначе это, впрочемъ, и быть не можетъ, потому что министерство, какъ органъ строго бюрократическій, органически не можетъ понять потребности судебнаго вѣдомства. Насколько они чужды другъ другу, видно изъ того, что всѣ попытки привлечь на службу въ центральное вѣдомство судебныхъ дѣятелей оканчивались неудачно, они приходились не ко двору. Министерству, какъ весьма тонко замѣтилъ однажды одинъ

---

*) № 1 за 1904 г., с. 6.

изъ видныхъ его представителей, нуженъ стиль для бумагъ, и больше ничего, а судамъ—нужны юридическія познанія и логика.

Понятно, что при такихъ условіяхъ многія лица, поступавшія на службу въ расчетѣ, что она будетъ регулироваться учрежденіемъ судебныхъ установленій 20 ноября 1864 года, оставляли магистратуру, переходя въ адвокатуру, плѣнявшую независимымъ самоуправленіемъ (въ столицахъ), или другія вѣдомства. Такъ, уже въ первые годы дѣйствія судебныхъ уставовъ ушли Александровъ, Андріевскій, Жуковскій, Громницкій, Пассоверъ, имена которыхъ могли бы составить лучшее украшеніе и въ самой выдающейся адвокатурѣ и которые подняли наше судебное краснорѣчіе на недосягаемую высоту. Несмотря на различныя измѣненія, стремившіяся внести улучшеніе въ постановку судебной службы, судебное сословіе быстро и неизмѣнно падало съ каждымъ годомъ. Вотъ въ какихъ краскахъ рисуютъ положеніе дѣлъ старшіе предсѣдатели судебныхъ палатъ—на запросъ о томъ министра юстиціи: „Молодые люди, оканчивающіе университетскій курсъ и поступающіе на службу по судебному вѣдомству, не только не имѣютъ никакихъ практическихъ свѣдѣній въ области права, чего отъ нихъ до сего времени никто изъ насъ и не требовалъ, но являются неподготовленными теоретически, непривычными къ юридическому мышленію, не умѣющими излагать ни устно, ни письменно свои мысли, крайне неразвитыми и нерѣдко забывшими или совсѣмъ не знающими правилъ русскаго правописанія *). „Громадное большинство молодыхъ людей бросаетъ, по выходѣ изъ университета, всякія научныя занятія и, растерявъ мало-по-малу скромный свой научный багажъ, обращается въ обыкновеннаго провинціальнаго чиновника, не получившаго никакого образованія“ **).

*) Дерюжинскій. Судебные дѣятели объ унив. подготовкѣ молодыхъ юристовъ, стр. 5.

**) Ibid., с. 13.

Напрасно однако все сваливается на университеты. Бѣда въ томъ, что въ ряды магистратуры поступаютъ самые слабые. Не оскудѣваетъ вѣдь людьми наша адвокатура, и, напротивъ даже, въ послѣднее время въ ней энергично пробиваются такія теченія, которыя совершенно измѣнятъ ея физіономію, сдѣлавъ изъ адвокатуры общественное служеніе въ лучшемъ смыслѣ слова.

Мы могли бы сильно сгустить краски, сообщивъ впечатлѣнія, вынесенныя нами изъ подробнаго знакомства съ провинціальными судами, представляющими полную картину умственнаго и нравственнаго оскудѣнія, но мы умышленно воздерживаемся, предоставляя слово тѣмъ, кто и самъ кипитъ въ томъ же котлѣ, кто и самъ безконечно далеко ушелъ отъ того взгляда на судейскія обязанности, въ какой наивно вѣрили творцы судебныхъ уставовъ.—Любопытно, однако, сопоставить съ приведеннымъ отзывомъ слова нашего геніальнаго писателя, которыя онъ вкладываетъ въ уста адвоката. На вопросъ Нехлюдова: „Ну, я понимаю урядника, которому велѣно; но товарищъ прокурора, который составлялъ актъ, вѣдь онъ человѣкъ образованный".—„Въ томъ то и ошибка,—отвѣчаетъ адвокатъ,—что мы привыкли думать, что прокуратура, судейскіе вообще—это какіе то новые, либеральные люди. Они и были когда то такими, но теперь это совершенно другое. Это чиновники, озабоченные только 20-мъ числомъ. Онъ получаетъ жалованье, ему нужно побольше, и этимъ и ограничиваются всѣ его принципы. Онъ, кого хотите, будетъ обвинять, судить, приговаривать *).

А чтобы довершить установленіе сходства съ остальными чиновниками, министерство юстиціи, „входя въ нужды и потребности судебныхъ чиновъ, въ видахъ предоставленія имъ болѣе удобной и дешевой одежды, отвѣчающей вмѣстѣ съ тѣмъ характеру ихъ занятій, составило проектъ правилъ о новой судебной формѣ, которыя, по утвержденіи ихъ Вы-

*) Л. Толстой. Воскресенье, с. 239.

сочайшею властью, послужили затѣмъ образцомъ для другихъ вѣдомствъ" *). И вотъ вмѣсто прежняго мундира, въ который судьи облекались только въ засѣданіяхъ, и который, поэтому, придавалъ имъ торжественность, они засѣдаютъ теперь въ сюртукахъ, въ коихъ наканунѣ вечеромъ ихъ можно было видѣть въ клубѣ, за картами и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду фактическаго упраздненія судейской несмѣняемости, стало уже ненужной щепетильностью правило, введенное творцами судебныхъ уставовъ съ такой любовной деликатностью, правило о томъ, что лица, занимающія должности членовъ судебныхъ мѣстъ, въ теченіе службы не производятся въ чины. Для нынѣшнихъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства полученіе чина представляетъ, пожалуй, наиболѣе сильный стимулъ въ ихъ дѣятельности и, идя этому навстрѣчу, министерство Н. В. Муравьева возстановило производство въ чины.

На тотъ же счетъ приходится отнести, что чины судебнаго вѣдомства поставлены нынѣ въ крайне неблагопріятное матеріальное положеніе.—„Еще при начертаніи судебныхъ уставовъ,—говоритъ „Историческій очеркъ" **), вполнѣ сознавалась необходимость надлежащаго матеріальнаго обезпеченія судебныхъ чиновъ, такъ какъ *только при этомъ условіи* судебная служба можетъ привлечь къ себѣ такихъ дѣятелей, которые обладаютъ необходимыми умственными качествами для выполненія важныхъ и отвѣтственныхъ судебныхъ обязанностей". Но такъ какъ вслѣдъ за симъ, еще до введенія реформы, она столкнулась, съ такъ называемыми финансовыми затрудненіями, то объ этомъ непремѣнномъ условіи тотчасъ же забыли и жалованье, опредѣленное въ шестидесятыхъ годахъ, остается неизмѣннымъ до сихъ поръ, ***), не смотря на рѣзко измѣнившіяся условія жизни, особенно въ большихъ городахъ. Изъ ни-

*) Истор. очеркъ, с. 280.

**) Стр. 256.

***) Только членамъ суда, нѣкоторымъ въ 80-хъ годахъ, а всѣмъ въ 98 г. прибавили по 600 р. въ годъ.

щенскаго жалованья дѣлаются еще огромные вычеты—обязательные и полуобязательные, періодическіе и единовременные, такъ какъ участіе въ эмеритальной кассѣ принудительно и взносы ни въ какомъ случаѣ не возвращаются. Этой принудительной благотворительности сопутствуетъ, такъ сказать, добровольное участіе въ благотворительномъ вѣдомствѣ, построенномъ на іерархическомъ началѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что многіе чины судебнаго вѣмомства, въ виду такой организаціи общества, могутъ считать неудобнымъ уклоненіе отъ участія въ немъ, равно какъ и въ случайныхъ сборахъ—напр. на образованіе капитала Н. В. Муравьева, задуманное по иниціативѣ бывшаго директора департамента В. Р. Завадскаго. Въ концѣ концовъ, напр., членъ суда, т. е. человѣкъ, при нормальныхъ условіяхъ, безъ протекціи, прослужившій minimum лѣтъ 15, получаетъ приблизительно 2500 р., а на эту сумму съ семьею никакъ не проживешь. Если онъ не имѣетъ собственныхъ средствъ, то долженъ искать постороннихъ заработковъ или вести полуголодное существованіе, которое и составляетъ удѣлъ многихъ. —Казалось бы, стоитъ хоть на минуту задуматься надъ этимъ явленіемъ, чтобы уже невозможно было отъ него отвернуться, пока не устранишь его. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ставить людей въ такое положеніе, чтобы забота о насущномъ хлѣбѣ, о воспитаніи дѣтей и т. п. постоянно висѣла дамокловымъ мечомъ, мѣшая сосредоточиться на исполненіи тяжелыхъ и отвѣтственныхъ судебныхъ обязанностей и подвергая тысячѣ соблазновъ, т. е. угрожая самымъ священнымъ основамъ правосудія.

И вотъ что позволяетъ себѣ, напр., писать кн. Мещерскій въ своихъ Воспоминаніяхъ: *) „первые годы послѣ введенія и дѣйствія новыхъ судебныхъ учрежденій были блестящими страницами честныхъ нравовъ во всей области русской Ѳемиды: это былъ какой то весенній воздухъ, гдѣ ободряюще вѣяли ароматы честности, и гдѣ каждый изъ насъ въ то

*) Ч. II. с. 123, 124.

время чувствовалъ, что этотъ накрахмаленный, часто педантичный, часто либеральный новый слуга юстиціи исполнялъ эту задачу честности, на себя принятой собственнымъ вдохновеніемъ. Это былъ какой праздникъ честности... Но искушенія среды должны были, увы, свершить роковое дѣло. Этотъ *золотой* судейскій вѣкъ презрѣнія къ золотому тельцу былъ, какъ весна, кратковремененъ. Пришли года, когда разъѣзжая по Россіи, я началъ уже слышать не жалобы на безчестность судебныхъ лицъ, но разсказы о томъ, какъ этотъ дѣлалъ долги, какъ тотъ велъ компанію съ желѣзнодорожниками, какъ третій велъ сильную игру, какъ четвертый покривилъ душою въ такомъ-то дѣлѣ, словомъ, стали ходить въ провинціи толки, которыхъ въ первые годы я никогда не слыхалъ". Да иначе это не можетъ быть и можно, напротивъ, удивляться, что эти печальныя явленія и понынѣ составляютъ лишь исключенія и что въ общемъ судебное вѣдомство стоитъ выше этихъ тяжелыхъ нареканій. Но несомнѣнно, что опасенія составителей судебныхъ уставовъ, настаивавшихъ на томъ, что лучше вовсе не вводить суд. реформы, если такъ называемыя финансовыя затрудненія мѣшаютъ дать судебнымъ дѣятелямъ надлежащее матеріальное обезпеченіе, эти опасенія сбылись; судебная служба перестала привлекать лицъ, „обладающихъ необходимыми умственными и нравственными качествами"; люди, сознающіе и вѣрящіе въ свои силы, не имѣютъ, конечно, никакого стимула обрекать себя на добровольную нищету, которая не компенсируется и никакимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ; и здѣсь доминируютъ чиновники, озабоченные 20-мъ числомъ, которые твердо помнятъ, что оно неизбѣжно наступитъ двѣнадцать разъ въ году, независимо отъ качествъ ихъ работы, рвенія и усердія,—люди, для которыхъ синяя обложка „дѣла", содержащая столько то прошитыхъ и пронумерованныхъ листовъ, съ надписью: „начато такого то числа, окончено такого то числа", составляетъ весь смыслъ правосудія, геркулесовы столбы, дальше которыхъ ихъ пытливость и интересъ не стремятся даже проникнуть.

И однако, этимъ чиновникамъ выпалъ на долю трудъ, который былъ бы не подъ силу и людямъ выдающихся умственныхъ и нравственныхъ качествъ.—Установленные судебными уставами штаты вскорѣ оказались недостаточными, съ уничтоженіемъ крѣпостного права экономическая жизнь стала быстро развиваться; создавались новыя правоотношенія; количество дѣлъ въ судахъ увеличивалось не по днямъ, а по часамъ. Но „финансовыя затрудненія" опять-таки не прекращались, штаты не увеличивались и составъ судовъ сразу же пересталъ соотвѣтствовать количеству труда.—И на это обстоятельство министерство юстиціи какъ бы совершенно закрывало глаза.—Чтобы добиться увеличенія штатовъ, судебнымъ мѣстамъ нужно ходатайствовать сначала предъ старшимъ предсѣдателемъ, затѣмъ въ центральномъ вѣдомствѣ, и мы знаемъ случаи, когда, напр., въ столичномъ судѣ такое ходатайство долгое время не получало движенія благодаря дурнымъ отношеніямъ предсѣдателя суда со старшимъ предсѣдателемъ, который не давалъ отвѣта на запросъ.—Члены судебныхъ мѣстъ обременены работой свыше всякихъ силъ: судебныя засѣданія по гражданскимъ дѣламъ, напр., въ Петербургѣ, продолжаются отъ 11 ч. утра до 1—2 ч. ночи, и можно себѣ представить, какъ проходитъ слушаніе дѣла! Въ Москвѣ, —какъ сообщало „Право" *),—каждое изъ гражданскихъ отдѣленій суда, кромѣ экстренныхъ засѣданій суда, открываетъ по 2 очередныхъ засѣданія въ недѣлю, оканчивающихся обыкновенно въ 10, 11 или 12 ч. вечера, причемъ бывали случаи, когда засѣданіе закрывалось въ 6 ч. утра. Въ одномъ засѣданіи слушается иногда по 180 дѣлъ. Поступленіе дѣлъ растетъ изъ года въ годъ, а личный составъ суда съ 1866 года не измѣнился, если не считать двухъ новыхъ должностей члена суда, учрежденныхъ въ 1899 году **). По даннымъ „Приложенія" къ „Сборнику ста-

*) 1903 г. № 13.

**) Только въ самое послѣднее время послѣдовало увеличеніе штатовъ Московскаго окр. суда.

тистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи“, г. Езерскій *) вычислилъ, что за 1900 годъ на одного члена окружнаго суда въ гражданскихъ отдѣленіяхъ приходится 495 дѣлъ. Если считать 40—43 засѣданій въ году (исключая 6 недѣль вакаціоннаго времени и праздниковъ), то окажется, что на каждое засѣданіе приходилось въ среднемъ 12 дѣлъ. Для подготовки ихъ, считая въ среднемъ по 2 ч. на дѣло, потребуется 24 часа, слѣдовательно вмѣстѣ съ засѣданіемъ это отнимаетъ 3 дня въ недѣлю. Одинъ день уходитъ на дежурства, участіе въ общихъ собраніяхъ, распорядительныхъ засѣданіяхъ, смѣшанныхъ присутствіяхъ и такимъ образомъ остается на написаніе рѣшеній по заслушаннымъ дѣламъ три дня въ недѣлю, т. е. въ день членъ суда долженъ написать 4 рѣшенія, иначе говоря—всю жизнь долженъ сидѣть, не разгибая спины. Если же болѣзнь или другая подобная неожиданность заставитъ сдѣлать нѣкоторый перерывъ, то ему уже никогда не попасть въ колею. Немудрено поэтому, что стали появляться такіе невѣроятные случаи, какъ сообщаемый, напр., „Моск. В.“, о смерти двухъ членовъ Московскаго окружнаго суда, Гнѣвышева и Григорьева, которые по дорогѣ изъ засѣданія суда домой почувствовали себя дурно, а къ утру были уже мертвы, причемъ причиной ихъ смерти являлось переутомленіе **) Тоже самое случилось въ 1903 г. съ членомъ Таганрогскаго окр. суда А. А. Прокоповичемъ, которому „возстановить подорванное чрезмѣрнымъ трудомъ здоровье не удалось“ ***).

Несмотря, однако, на такую гигантскую работу, несмотря на „человѣческія жертвы“, дѣло не можетъ идти надлежащимъ темпомъ и „судъ скорый“ во всякомъ случаѣ давно уже отошелъ въ область прошлаго, теперь его нѣтъ. Въ Московской судебной палатѣ въ одномъ изъ столовъ

*) См. Журн. Мин. Ю. 1902 г. X.

**) Цитируемъ по „Праву“, № 25 за 1902 г. (и, прибавимъ отъ себя, оставили семьи свои рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни).

***) „Право“, 1903 г. № 3.

очередь назначенія дѣлъ къ слушанію колеблется между 9 мѣсяцами и годомъ, во всѣхъ остальныхъ столахъ обоихъ департаментовъ эта очередь опредѣляется тремя съ половиной—пятью годами.- У мирового судьи бакинскаго судебнаго отдѣла, какъ сообщалъ „Каспій“ въ 1902 г., накопилось 6.400 неразобранныхъ дѣлъ. „До сихъ поръ не разсмотрѣны дѣла, возникшія еще въ въ 1895 г.“ *). Въ томъ же 1902 г. консультація повѣренныхъ при Армавирскомъ мир. съѣздѣ обратилась къ министру юстиціи съ ходатайствомъ, въ коемъ указывала, что „чуть ли не всѣ дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ, угрозахъ, насиліяхъ и т. д. кончаются безрезультатно для обиженныхъ за 6-мѣсячнымъ по нимъ нехожденіемъ. Обвиняемые въ кражахъ и т. п. преступленіяхъ, стѣсняемые всякаго рода мѣрами пресѣченія,... состоятъ подъ тяготѣющими надъ ними часто неосновательными обвиненіями по нѣсколько лѣтъ. Пришлый рабочій принужденъ отказываться отъ заработанныхъ имъ своею кровью и потомъ денегъ, потому что для его дѣлъ только и возможенъ дѣйствительно скорый судъ, а такой судъ суду Армавирскаго судебнаго мирового округа безусловно неизвѣстенъ и недоступенъ, кредиторы не получаютъ удовлетворенія только потому, что арестованное въ обезпеченіе ихъ претензій имущество къ моменту продажи его, наступающей часто черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ареста, является или потеряннымъ или обезцѣненнымъ и даже иногда неспособнымъ окупить издержки храненія и т. п.“.

Изъ отчетовъ по кассаціоннымъ департаментамъ **) можно видѣть, что въ производствѣ Сената дѣла лежатъ по 6 лѣтъ и, слѣдовательно, въ общемъ, чтобы добиться возстановленія своего права, нужно ждать иногда 10—12 лѣтъ. Это уже судъ не только не скорый, но и не правый и неравный, ибо, какъ удачно выразился министръ юстиціи въ рѣчи своей при от-

*) Цитируемъ по „Праву“ № 16 за 1902 г.

**) См., напр., нашу замѣтку объ отчетѣ за 1897 г. въ „Правѣ“.

крытіи сибирскихъ судебныхъ установленій: „Служители новаго суда слишкомъ хорошо знаютъ, что онъ можетъ быть равный и правый только при скорости, потому что всякая правда теряется въ судебномъ томленіи".

Всѣ эти неблагопріятныя условія, въ которыхъ оказалось русское правосудіе, и создали въ концѣ концовъ ту картину суда, которую съ такой, ему одному присущей силой изобразительности, представилъ намъ Л. Толстой въ своемъ знаменитомъ „Воскресеньѣ". Всѣ заняты собою или „рыжими гувернантками", и во время слушанія дѣла никто не интересуется человѣкомъ, участь котораго рѣшается тутъ. Поскорѣе бы отдѣлаться и заняться тѣмъ, что составляетъ настоящій интересъ жизни—вотъ мысль, которая въ сущности владѣетъ всѣми. Какъ извѣстно, романъ Толстого вызвалъ цѣлую бурю оскорбленія въ рядахъ судебнаго вѣдомства, считающаго, что авторъ тенденціозно его очернилъ. Несомнѣнно, однако, что здѣсь кроется недоразумѣніе. Картина, дѣйствительно, получилась ослѣпительно яркая, но лишь потому, что Л. Толстой освѣтилъ ее незнакомымъ и недоступнымъ намъ свѣтомъ будущаго, подъ угломъ зрѣнія ничтожности и безцѣльности суда и наказанія. Если же защитить себя отъ этого свѣта, на что мы такъ охотно готовы и способны, если разсматривать эту картину при сѣромъ свѣтѣ нынѣшняго дня, то мы легко убѣдимся, что остаются видимыми лишь самыя будничныя явленія, на которыя именно поэтому мы уже даже перестали обращать вниманіе. Мы убѣдимся, что геніальный художникъ тщательно отдѣлилъ тѣ черты, которыя не вытекаютъ изъ самой сущности предмета, которыя являются наносными, въ зависимости отъ условій историческаго момента.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Толстой не говоритъ ничего о томъ, какъ слѣдователи истязуютъ свидѣтелей, держа при допросахъ нагайку въ рукахъ, какъ предсѣдатели обрываютъ защитниковъ, обращаясь съ ними такъ, какъ это принято на извощичьемъ дворѣ; онъ ничего не упоминаетъ о невѣроятныхъ случаяхъ, когда Сенатъ продолжаетъ держаться въ рѣшеніяхъ

извѣстнаго положенія, которое онъ же самъ отвергаетъ въ другомъ случаѣ. Правда, Толстой разсказываетъ, что товарищъ прокурора „откладывалъ дѣло о скопцахъ за отсутствіемъ совсѣмъ не важнаго и ненужнаго для дѣла свидѣтеля только потому, что дѣло это, слушаясь въ судѣ, гдѣ составъ присяжныхъ засѣдателей былъ интеллигентный, могло окончиться оправданіемъ. По уговору же съ предсѣдателемъ дѣло это должно было перенестись на сессію уѣзднаго города, гдѣ будутъ больше крестьяне, и потому больше шансовъ обвиненія“ *). Но кому же неизвѣстно, что достиженіе обвинительнаго приговора обезпечивается еще болѣе рѣшительными средствами? Толстой говоритъ о сенаторѣ Вольфѣ, un homme très comme il faut, что онъ „выпрашивалъ себѣ всякаго рода подъемные, прогоны, аренды отъ казны, рабски исполняя за то все, что ни требовало отъ него правительство, и это онъ не считалъ безчестнымъ“ **). Но много ли есть сенаторовъ, которые не получаютъ тѣхъ или другихъ окладовъ сверхъ присвоеннаго по штатамъ жалованья? А вѣдь эти оклады не могутъ быть получены безъ обращенія къ министерству юстиціи, которое отлично знаетъ значеніе принципа: do ut des. Или, Толстой ни словомъ не обмолвился о такихъ сенаторахъ, которые не стѣсняются во всеуслышаніе признавать, что они оставили безъ послѣдствій касс. жалобу, боясь, что отмѣна приговора, хотя и завѣдомо для нихъ неправильнаго, произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе.

Наконецъ, Толстой не говоритъ и о томъ, что весь Сенатъ и обер. прокурорскій надзоръ громко заявляютъ, что, вопреки закону, они рѣшаютъ дѣла по существу. Такое положеніе дѣлъ не можетъ, конечно, не привести къ серьезной неустойчивости правосудія.

Образцомъ печальной неустойчивости, обнаруживаемой нашей юстиціей, можетъ послужить исторія вопроса, къ которому

*) С. 27.

**) С. 258.

намъ уже неоднократно приходилось возвращаться,—вопроса объ оправданіи сознавшихся подсудимыхъ судомъ присяжныхъ.—Мы уже знаемъ, что хотя въ законодательныхъ мотивахъ къ судебнымъ уставамъ вопросъ этотъ и не былъ разрѣшенъ съ достаточной опредѣленностью, однако самый законъ не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ —и въ этомъ согласны между собою и законодательныя сферы, и научная литература, и сенаторы, и наша спеціальная періодическая печать. Тѣмъ не менѣе до самаго послѣдняго времени не прекращается „смута" по этому вопросу и стоитъ присяжнымъ засѣдателямъ вынести оправдательный вердиктъ по какому-нибудь „громкому" дѣлу, которое по тѣмъ или другимъ причинамъ обратило на себя вниманіе нашей бюрократіи, чтобы опять и опять начать безнадежно вертѣться въ этомъ заколдованномъ кругу. Въ рѣшеніи № 409 за 1868 г. по дѣлу Браиленко Прав. Сенатъ разъяснилъ, что „въ случаѣ возбужденія какого либо сомнѣнія насчетъ вмѣняемости подсудимому совершеннаго имъ дѣянія, *по одной изъ указанныхъ въ законѣ причинъ*, къ числу которыхъ относятся и болѣзненные припадки, приводящіе въ умоизступленіе (Ул. о нак., ст. 92, п. 3), главный вопросъ (о виновности подсудимаго) разбивается на два, изъ коихъ въ первомъ означается не вина подсудимаго, а лишь совершеніе имъ приписываемаго ему дѣянія, во второмъ же указывается на существованіе причины невмѣняемости". Въ 1870 г. до Сената дошло разсмотрѣнное Тульскимъ окружнымъ судомъ дѣло Вашенцовой, по которому судъ, сверхъ указанныхъ двухъ вопросовъ, поставилъ на разрѣшеніе присяжныхъ еще и третій вопросъ —*виновна ли* подсудимая въ данномъ преступленіи (слѣд., при наличности самаго факта и отсутствіи предусмотрѣнной въ законѣ причины невмѣненія). Сенатъ нашелъ такую постановку совершенно правильной, ибо иначе „при утвердительномъ отвѣтѣ на первый вопросъ (о наличности факта) и отрицательномъ на второй (о наличности одной изъ указанныхъ въ законѣ причинъ невмѣненія) —вопросъ о томъ,

слѣдуетъ ли вмѣнить подсудимой совершенное ей дѣяніе, оставался бы вовсе неразрѣшеннымъ со стороны присяжныхъ, ибо недоказанность указанной во второмъ вопросѣ причины вмѣненія не исключала возможности невмѣненія совершеннаго ею дѣянія по другимъ основаніямъ, а потому нельзя не признать постановки третьяго вопроса совершенно правильной“ *).—Такимъ образомъ, Прав. Сенатъ самымъ категорическимъ образомъ призналъ за присяжными ничѣмъ, кромѣ ихъ совѣсти, неограниченное усмотрѣніе въ установленіи причины невмѣняемости. Такъ продолжалось въ общемъ **) до 1884 г., когда на судъ Сената предстали два дѣла—Московскаго окр. суда—по обв. Мельницкихъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ (307 тыс. р. Московскаго восп. дома) и Кіевскаго—по обвиненію Свиридова и др. въ присвоеніи денегъ Кіевскаго городского общества взаимнаго кредита. Защита, настойчиво отмѣчая медленность и нерадѣніе слѣдственной власти, обрушилась на безпорядки, царившіе въ Воспитательномъ домѣ, „на халатное и безцеремонное отношеніе къ казеннымъ деньгамъ, благодаря которому на рукахъ Мельницкаго и оказалась такая сумма“ и т. д. и присяжные, признавая фактъ присвоенія денегъ, отказались вмѣнить его подсудимому въ вину. Дѣло это возбуждало огромную сенсацію. Катковъ былъ тогда на вершинѣ своего могущества и настойчиво требовалъ уничтоженія „суда улицы“; въ Сенатѣ оберъ-прокуроромъ былъ нашъ извѣстный ученый криминалистъ Н. А. Неклюдовъ, о которомъ, когда онъ на первыхъ выборахъ былъ избранъ мировымъ судьей, реакціонная „Вѣсть“ напоминала, что онъ былъ когда то заключенъ въ Петропавловскую крѣпость по обвиненію въ политическомъ преступленіи, и который, вскорѣ послѣ дѣла Мельницкихъ, перешелъ на службу въ министерство вн. дѣлъ. И вотъ, „въ противность всѣмъ традиціямъ кассаціоннаго

*) Рѣш. 1870 г. № 488.

**) Мы намѣчаемъ только главные этапы, оставляя въ сторонѣ тысячи мелкихъ уклоненій.

производства и вопреки законному его назначенію (оберъ-прокурорское) заключеніе, какъ пишетъ очевидецъ этого историческаго засѣданія *), отличалось не столько убѣдительностью, сколько увлеченіемъ, пафосомъ, явно разсчитанными на возбужденное состояніе слушателей“... Спокойная, исполненная обязательнаго безстрастія, атмосфера кассаціоннаго суда, была намѣренно возмущена чуждыми высокому достоинству этого учрежденія отзвуками общественныхъ споровъ, борьбы ожесточенныхъ партій, отголосками смятенной *улицы.*

„Рисуя совершенно ложными красками современное состояніе нашего правосудія, какъ состояніе судебнаго потопа, заключеніе стремилось не къ тому, чтобы убѣдить въ силѣ своихъ доводовъ, а къ тому, чтобы эффектомъ преувеличеній и натяжекъ склонить въ ихъ сторону во что бы то ни стало. Для таковой цѣли понадобились чрезвычайные пріемы ораторскаго искусства,—и въ числѣ ихъ, поддержка заключенія многочисленными библейскими цитатами. Казалось бы, въ Правительствующемъ Сенатѣ, образованномъ на основаніи судебныхъ уставовъ, могутъ царить единственно и исключительно великія слова великаго законодателя: „*Правда и милость да царствуютъ въ судахъ*“,—это лучшее и краснорѣчивѣйшее выраженіе идей милосердія новаго завѣта, которымъ слѣдуетъ уголовное правосудіе всего христіанскаго міра. Къ удивленію слушателей, для цѣлей оратора эти слова и высокая мысль, въ нихъ вложенная, оказались непригодными. Взамѣнъ того, онъ предпочелъ возгласить въ стѣнахъ сената необычныя рѣчи мстительнаго, грознаго, ветхозавѣтнаго Іеговы **), и притомъ въ совершенно ненужномъ

*) См. Журн. Гр. и Уг. права 1884 г. № 5, гдѣ имѣется подробный отчетъ по этимъ дѣламъ и приведено in extenso заключеніе оберъ-прокурора.

**) Позволяемъ себѣ привести характерную цитату изъ этой любопытной рѣчи: „...Ни для кого не тайна, что эти уставы, составляющіе славу и гордость прошлаго царствованія и долженствующіе служить

изобиліи цитатъ, насильственно подогнанныхъ къ тексту заключенія". Дѣйствительно, ученый юристъ не останавливался даже предъ тѣмъ, чтобы съ оберъ-прокурорской трибуны громогласно произнести: „вопросъ—было ли событіе преступленія дѣяніемъ подсудимаго и есть, собственно говоря,—вопросъ о виновности подсудимаго, т. е. обусловливающій собою и уголовную, и гражданскую отвѣтственность его, ибо очевидно, что если подсудимый признанъ, напр., совершившимъ кражу, то онъ долженъ подлежать наказанію", что присяжные засѣдатели „не могутъ" освобождать отъ наказанія подсудимаго, признаннаго ими самими виновнымъ, т. е. совершившимъ дѣяніе, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія". Неужели можно допустить, что ученый юристъ, авторъ четырехтомнаго блестящаго „Руководства къ особен-

---

оплотомъ царствованія настоящаго, подверглись въ послѣднее время публично тяжелымъ нареканіямъ, напоминающимъ собою ту страшную страницу изъ книги Божія, которая гласитъ: „И раскаялся Господь, что сотворилъ человѣка на землѣ, и восскорбѣлъ въ сердцѣ своемъ. И сказалъ Господь: съ лица земли человѣковъ, которыхъ я сотворилъ, отъ человѣка до скотовъ и гадовъ, и птицъ небесныхъ, истреблю, ибо я раскаялся, что создалъ ихъ". Справедливость требуетъ признать, что значительная часть этихъ нареканій выпадаетъ вполнѣ заслуженно на долю защиты, нежелающей отличать праваго отъ виноватаго, и прибѣгающей къ однѣмъ и тѣмъ же средствамъ защиты и отъявленнаго злодѣя, и лица, случайно впавшаго въ преступленіе, настаивая во что бы то ни стало отпустить ей ея Варавву, распявъ ради сего свидѣтелей, и даже самый законъ,—забывая, что причиненный его дѣяніемъ нравственный и матеріальный вредъ не всегда можетъ быть искупленъ даже понесеніемъ опредѣленнаго за него наказанія. Твердо вѣрую, что велнцепріятный, строгій, но и неумолимый контроль правительствующаго сената надъ дѣйствіями предсѣдателей суда и защиты поставитъ уголовное правосудіе на ту именно высоту, на которой ему и дѣйствительно стоять подобаетъ. Вѣрую, равнымъ образомъ, и въ то, что подъ вліяніемъ этого контроля наступитъ, наконецъ, тотъ день, когда минуетъ судебный потопъ и мы, перевернувъ мрачную страницу книги Бытія, услышимъ, подобно Ною, благовѣстъ новой и лучшей жизни: „Не буду проклинать" судъ „за человѣка". Примѣру-жъ Господа послѣдовать не стыдно"!

ной части", —могъ забыть азбуку уголовнаго права, забыть, что „сдѣлалъ—еще не значитъ виновенъ, и примѣненіе карательной мѣры по такому отвѣту возможно лишь при полномъ смѣшеніи понятій о фактической сторонѣ дѣянія съ понятіемъ о вмѣненіи этого дѣянія въ вину" *). При помощи такихъ утвержденій, которыя въ устахъ экзаменующагося студента свидѣтельствовали бы о непростительномъ невѣжествѣ, оберъ-прокуроръ предлагалъ Сенату предписать судамъ ставить на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей не вопросъ о виновности, а о томъ лишь, было ли данное событіе преступленія дѣяніемъ подсудимаго.—Правительствующій Сенатъ не пошелъ такъ далеко за своимъ прокуроромъ, но все-таки, въ противорѣчіе предыдущему своему рѣшенію, призналъ, что третій вопросъ—о виновности—не долженъ ставиться, ибо присяжные могутъ не вмѣнять дѣянія подсудимому только по причинамъ, исчерпывающимъ образомъ перечисленнымъ въ законѣ.—Прошло десять лѣтъ, прежде чѣмъ Сенатъ вновь спохватился, разъяснивъ въ рѣшеніи 1894 г. № 7 по дѣлу Линевича, что третій вопросъ—о виновности—непремѣнно долженъ быть поставленъ, причемъ присяжные вправѣ отвергнуть виновность, хотя бы на второй—о наличности законныхъ причинъ невмѣненія—они и отвѣтили отрицательно **).— И послѣ всего этого, въ прошломъ году Сенатъ—на сей разъ уже по отдѣленію,—совсѣмъ „вышелъ изъ береговъ", передавъ на обсужденіе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ дѣйствія защитника К., который „указывалъ присяжнымъ засѣдателямъ, что они, несмотря на сознаніе обвиняемаго въ совершенномъ имъ дѣяніи, могутъ, принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства дѣла, отвѣтить отрицательно на вопросъ о виновности, такъ какъ въ вопросѣ о виновности они поступаютъ по своему внутреннему убѣжденію". Въ этихъ дѣй-

*) Заключеніе А. Ѳ. Кони по дѣлу Кехтудова. За послѣдніе годы. Изд. 2-ое, с. 209.

**) Подробности объ этомъ см. въ обстоятельной статьѣ г. Шатрова, въ „Правѣ" за 1901 г. № 32 и 33.

ствіяхъ Сенатъ усмотрѣлъ со стороны помощника присяжнаго повѣреннаго воспрепятствованіе отправленію правосудія. Нашлось, конечно, не мало охотниковъ слѣдовать этому разъясненію, и началась опять „смута“, доходившая до того, что предсѣдательствовавшіе позволяли себѣ удалять изъ залы засѣданія защитника, ходатайствовавшаго объ оправданіи сознавшагося подсудимаго. Опять началась сенсація, опять вопросъ перешелъ на разсмотрѣніе Сената, и на этотъ разъ оберъ-прокуроръ доказывалъ, что присяжные не стѣснены при разрѣшеніи вопроса о вмѣненіи дѣянія въ вину подсудимому перечнемъ указанныхъ въ законѣ причинъ невмѣненія *). Правительствующій Сенатъ, повидимому, согласился съ оберъ-прокуроромъ, но рѣшеніе его еще не опубликовано. Можно предположить, что изложеніе его вызываетъ рѣзкое несогласіе между сенаторами. Каково бы оно, однако, ни было, у насъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть серьезной увѣренности въ томъ, что наступилъ конецъ этой печальной эпопеѣ колебаній, противорѣчій и нарушенія элементарныхъ началъ правосудія. Возникнетъ опять новое „громкое“ дѣло и, если судъ присяжныхъ не придетъ въ согласованность съ другими частями нашего государственнаго строя, опять найдутся Неклюдовы, и опять раздастся ихъ голосъ, какъ мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій.

Можно себѣ представить, какъ все это вліяетъ на отправленіе своихъ обязанностей присяжными, являющимися въ судъ всегда въ приподнятомъ настроеніи отъ „сознанія совершенія общественнаго важнаго дѣла“ **). Нѣтъ, вѣроятно, ни одного состава, который не тратилъ бы столь нужныя и важныя для него время и силы на разрѣшеніе вопроса о

---

*) При этомъ однако оберъ-прокуроръ допустилъ опасную неточность, указавъ, что въ этомъ отношеніи присяжные ничѣмъ не отличаются отъ коронныхъ судей, которые, однако, несомнѣнно не имѣютъ никакого права выходить за предѣлы 92 ст. Ул. о Нак. Заключеніе оберъ-прокурора, см. „Право“ № 8 за 1904 г.

**) Срав. „Воскресеніе“, стр. 123.

предѣлахъ правъ присяжныхъ засѣдателей. И еще недавно, какъ сообщали газеты, въ Саратовскомъ окр. судѣ прис. засѣдатели при слушанiи дѣла обратились къ предсѣдательствующему съ вопросомъ, правда ли, что, по разъясненiю Сената, они не имѣютъ права оправдывать сознавшихся подсудимыхъ. „Будьте добры объяснить намъ, — сказалъ прис. засѣдатель,—зачѣмъ же въ такомъ случаѣ, когда стало быть виновный въ своей винѣ сознался, насъ зовутъ въ судъ судить его"? Предсѣдательствующiй успокоилъ ихъ, сказавъ, что уже состоялось новое рѣшенiе Сената, по которому это право вновь имъ предоставлено *).

Было бы однако весьма ошибочно думать, что эта—непостижимая съ точки зрѣнiя юриста—неустойчивость исчерпывается приведеннымъ кругомъ явленiй. Нѣтъ!.. Прав. Сенатъ вообще считаетъ себя призваннымъ исправлять должность опекуна надъ нашими „незрѣлыми" судебными учрежденiями.—Въ одномъ изъ своихъ заключенiй оберъ-прокуроръ угол. касс. д-та В. К. Случевскiй, нисколько не обинуясь, заявилъ, что „ст. 5 учр. суд. уст. не даетъ Прав. Сенату возможности и права провѣрять, достигнута ли и поскольку матерiальная истина при разборѣ каждаго дѣла. Но бываютъ дѣла, когда возникаетъ само собою сомнѣнiе въ томъ, достигнута ли основная цѣль судебнаго разбирательства". Такъ осторожно выражаются съ трибуны, а въ частномъ разговорѣ вы и отъ сенаторовъ и отъ оберъ-прокурорскаго надзора услышите съ горячей убѣжденностью высказанное признанiе, что, хотя ст. 5 учр. суд. уст. и т. д., но Сенатъ рѣшаетъ дѣла по существу, и иначе это быть не можетъ, ибо встрѣчаются „рѣшенiя возмутительныя **)". Въ области уголовнаго правосудiя это направленiе выражается въ уродливо неодинаковомъ отношенiи къ обвинительнымъ и оправдательнымъ вердиктамъ присяжныхъ. In favorem accusationis, вотъ девизъ Сената, какъ на

*) См. „Право", 1904 г. № 13, с. 793.

**) См. „Право" за 1900 г. с. 442.

это справедливо уже указывалось въ „Правѣ“ *). Для иллюстраціи этого положенія мы приведемъ два приговора Сената, состоявшіеся не только въ одномъ году, но чуть ли не въ одномъ мѣсяцѣ. По очень громкому въ свое время дѣлу Коноваловой, обвинявшейся въ убійствѣ своего мужа, прис. засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ. Въ кассаціонномъ протестѣ прокуроръ указывалъ, что защитники въ своихъ рѣчахъ „между прочимъ ссылались на то, что они въ теченіе двухъ мѣсяцевъ тщательно изучали характеръ, особенности и свойства подсудимой Коноваловой и пришли къ убѣжденію въ томъ, что она—существо не самостоятельное, безвольное и легко подпадающее подъ вліяніе постороннихъ лицъ“.—Въ этомъ Сенатъ усмотрѣлъ смѣшеніе роли защитника, эксперта и свидѣтеля и, признавъ это существеннымъ нарушеніемъ обрядовъ судопроизводства, отмѣнилъ приговоръ **). Спустя нѣкоторое время слушалось дѣло по кассац. жалобѣ на приговоръ Смоленскаго окр. суда по обвиненію Хазановыхъ въ поджогѣ. Обвиняемые были приговорены къ 8 лѣтней каторгѣ, причемъ во время слушанія дѣла присяжные засѣдатели были распущены по домамъ, а прокуроръ въ своей рѣчи сказалъ: „я раздѣляю негодованіе мѣстнаго общества и удивляюсь только хладнокровію мѣстныхъ жителей, которые во время пожара не бросили Хазановыхъ въ огонь; на Кавказѣ это непремѣнно сдѣлали бы, и г.г. присяжнымъ засѣдателямъ не пришлось бы разрѣшать дѣло о поджогѣ“. Постановленный при такихъ условіяхъ приговоръ признанъ былъ Сенатомъ правильнымъ.

Эти случаи отнюдь не единичные. Чтобы убѣдиться, стоитъ, въ сущности, просмотрѣть отчетъ любого засѣданія, въ которомъ слушалось такъ называемое „интересное дѣло“. Изъ этого embarras des richesses мы напомнимъ здѣсь—дѣло Павловскихъ сектантовъ, въ которомъ, въ числѣ тысячи другихъ нарушеній,

---

*) См. 1900 г. № 49.

**) См. объ этомъ дѣлѣ „Право“, за 1900 г., с. 861, ст.

слѣдователь допрашивалъ свидѣтелей не порознь, а группами; ходатайство защиты о направленіи дѣла къ доизслѣдованію для освидѣтельствованія умственныхъ способностей подсудимаго, содержавшагося въ психіатрической лѣчебницѣ, и страдающаго, по отзыву мѣстнаго специалиста, религіознымъ помѣшательствомъ, это ходатайство не то что оставлено было безъ послѣдствій, но палата его даже не обсуждала,—и Прав. Сенатъ призналъ допущенныя нарушенія несущественными *). Въ дѣлѣ о нападеніи одной части населенія на другую, слушавшемся въ Сенатѣ въ Маѣ настоящаго года **), повѣренный гр. истцовъ указывалъ, между прочимъ, на то, что устранивъ гласность, особое присутствіе не оставило мѣста и для той гласности, которая предписывается 622 ст. уст. угол. суд., и, ссылаясь на недостатокъ мѣста, крайне ограничило право потерпѣвшихъ на оставленіе въ залѣ засѣданія по 3 лица отъ каждаго изъ нихъ. Это не помѣшало, однако, допущенію въ залъ судебнаго засѣданія лицъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ тѣхъ категорій, кои, въ силу 623 ст. уст. уг. суд., могутъ быть допущены къ слушанію дѣла, разсматриваемаго при закрытыхъ дверяхъ. Въ числѣ этихъ лицъ находились и жандармскіе офицеры, противъ оставленія которыхъ гражданскіе истцы сочли себя вынужденными протестовать въ виду того, что, какъ видно изъ обвинительнаго акта, свидѣтелямъ приходилось показывать о дѣйствіяхъ полиціи во время безпорядковъ и нельзя было ожидать, что свидѣтели, принадлежащіе къ наиболѣе скромнымъ и безпомощнымъ классамъ населенія, будутъ открыто показывать о нихъ въ присутствіи вышеупомянутыхъ лицъ.

На это товарищъ оберъ-прокурора отвѣтилъ, „что жандармскіе офицеры сидѣли за креслами судей, т. е. занимали такія мѣста, которыя все равно не были бы отведены лицамъ, о допущеніи которыхъ на основаніи 622 ст. просили потерпѣвшіе“, и Прав. Сенатъ призналъ это нарушеніе несу-

*) См. „Право“ за 1902 г. № 25, 26.

**) См. „Право“ за 1904 г. № 22 и 23.

щественнымъ. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ „Гражд.“ позволилъ себѣ обрушиться на старш. предсѣдателя Казанской судебной палаты за то, что тотъ не разрѣшилъ губернатору, для котораго законъ, какъ извѣстно, не дѣлаетъ исключеній, присутствовать въ засѣданіи суда, происходившемъ, по распоряженію министра юстиціи, при закрытыхъ дверяхъ. И при вторичномъ слушаніи дѣла губернаторъ уже присутствовалъ въ залѣ засѣданій.

Не менѣе уродливыми явленіями это направленіе сказазалось и въ области гражданскаго правосудія. Мы не станемъ напоминать знаменитое, возбудившее въ свое время бурю негодованія рѣшеніе 1893 г. № 2, установившее на 10 лѣтъ (до 1902 г.) изъятіе церковныхъ земель изъ дѣйствія закона о давности на томъ основаніи, что по ст. 401 т. IX св. зак. „церковныя земли... остаются навсегда неприкосновенною церковною собственностью и ограждаются отъ всякихъ постороннихъ притязаній“, какъ будто Сенатъ забылъ, что въ такой же мѣрѣ ст. 420 т. X, ч. 1 объявляетъ неприкосновеннымъ всякое право собственности. Всѣ подобные примѣры совершенно блѣднѣютъ предъ кассаціонной практикой по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, сообщенной публикѣ тов. оберъ-прокурора К. П. Змирловымъ, съ тѣхъ поръ возведеннымъ въ санъ сенатора *).—Желѣзнодорожныя дѣла—это иски, предъявляемые къ желѣзнымъ дорогамъ о возвращеніи переборовъ, т. е. излишне взятыхъ денегъ за перевозку, взвѣшиваніе и т. п., вознагражденія за убытки, причиненные порчей груза, просрочкою въ его доставкѣ, о примѣненіи неправильныхъ тарифовъ и т. д. Благодаря путаницѣ въ тарифахъ, множеству всякихъ распоряженій и циркуляровъ—съ одной стороны, а съ другой — обремененности желѣзнодорожныхъ служащихъ занятіями, таксація причитающихся съ грузоотправителей сборовъ производится крайне небрежно и, конечно, во избѣжаніе личной отвѣтственности, въ слу-

---

*) К. П. Змирловъ. Вопросы желѣзнодорожнаго права. Спб. 1902 г.

чаѣ какихъ-либо сомнѣній, всегда имѣющихся на лицо, неминуемо взимается больше, чѣмъ слѣдуетъ. Въ трудахъ извѣстной правительственной комиссіи гр. Баранова констатируется, что съ 1877 по 1879 г. общая сумма переборовъ составила 3.758.257 р. Изъ этой суммы желѣзными дорогами возвращено было 1.828.257 р., а около 2 милліоновъ, признанныхъ самими же дорогами переборами, остались невозвращенными *). Но, сверхъ того, само собою разумѣется, что предъявленные къ дорогамъ протесты составляютъ лишь незначительную часть дѣйствительно допущенныхъ переборовъ. Для того, чтобы установить наличность перебора, нужно умѣть разобраться въ массѣ тарифовъ и законоположеній, что, какъ мы отмѣчали выше, затрудняетъ и спеціалистовъ; поэтому въ большихъ городахъ и существуютъ особые спеціалисты таксировщики, и рекламаціонныя бюро при биржевыхъ комитетахъ, которымъ и поручается фирмами произвести провѣрку, и въ случаѣ обнаруженія неправильности, заявить рекламацію желѣзной дорогѣ.—Такъ поступаютъ лишь тѣ фирмы, которымъ приходится, по роду ихъ дѣятельности, имѣть постоянныя сношенія съ желѣзными дорогами, и для которыхъ поэтому общая сумма переборовъ представляетъ замѣтную и чувствительную величину. Напротивъ—тѣ, для которыхъ отправки по желѣзнымъ дорогамъ являются болѣе или менѣе случайными, тѣ и не догадываются объ обычаѣ желѣзныхъ дорогъ брать лишнее, а если и знаютъ объ этомъ, то ничего сдѣлать не могутъ, ибо, какъ мы видѣли, дороги не обнаруживаютъ желанія возвратить излишне взятое, а предъявлять искъ въ судѣ по отдѣльной перевозкѣ немыслимо, „такъ какъ большинство такихъ исковъ по своей стоимости не выдержало бы издержекъ судебнаго производства“ **). Такимъ образомъ, весьма значительныя суммы переборовъ остаются въ

*) Цитируемъ по справкамъ П. Рабиновича въ „Правѣ“, за 1902 г. № 46—48.

**) Змирловъ, с. 120.

кассахъ желѣзныхъ дорогъ, увеличивая стоимость перевозимыхъ продуктовъ, и въ концѣ концовъ несомнѣнно оплачиваются потребителемъ.—При такихъ ненормальныхъ условіяхъ развился совершенно естественно промыселъ скупки накладныхъ, передаваемыхъ по надписямъ на нихъ.—По словамъ г. Змирлова *), ему изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, „что въ г. Варшавѣ, напр., до послѣдняго времени существовало нѣчто вродѣ биржи, куда доставлялись для продажи накладныя, по которымъ перевозки уже совершены, и гдѣ они пріобрѣтались, начиная отъ 5 коп. за штуку до 25, а иногда до 50 коп.". Лица эти спеціально изучаютъ практику желѣзныхъ дорогъ, умѣютъ „воспользоваться всякаго рода промахами и упущеніями со стороны агентовъ желѣзныхъ дорогъ" **), и заявляемыя ими требованія и объясненія представляются толково-обоснованными. Пока большинство желѣзныхъ дорогъ принадлежало частнымъ обществамъ, это явленіе никому не казалось ненормальнымъ. Иски „скупщиковъ" разсматривались съ той же точки зрѣнія, что и иски всѣхъ прочихъ лицъ, т. е. съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ требованіямъ закона, законныя притязанія удовлетворялись, незаконныя отвергались и шагъ за шагомъ устанавливалась опредѣленная сенатская практика по „желѣзнодорожнымъ дѣламъ".—Но когда желѣзнодорожное хозяйство стало сосредоточиваться въ рукахъ казны, и исковъ къ „однимъ только казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ производилось въ 1897 г. въ судебныхъ мѣстахъ на 10.893.191 р., въ 1898 г. эта сумма достигаетъ 13.026.340 р., а въ 1899 г. она доходитъ до 15.793.718 р. ***), „тогда задумались" тѣ, кому дороги интересы общественные и правильное развитіе нашей торговли и промышленности, ибо „доходы съ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ составляютъ одну изъ крупныхъ статей государственнаго бюджета, который идетъ на удовлетвореніе на-

*) ib., с. 89.

**) Ib., с. IV.

***) ib., с. III, IV.

шихъ государственныхъ и общественныхъ потребностей" *). И хотя „пока скупка накладныхъ, въ видѣ промысла, не составляетъ уголовно наказуемаго дѣянія, и скупщики имѣютъ право требовать огражденія ихъ законныхъ интересовъ въ судебномъ порядкѣ" **), тѣмъ не менѣе, по удостовѣренію г. Змирлова, въ Сенатѣ наряду съ соображеніями о законности стали возникать вопросы о цѣлесообразности, желательности такихъ исковъ къ казнѣ, о томъ, что при отказѣ въ томъ или другомъ искѣ „казна избавится отъ ежегодной дани скупщикамъ накладныхъ свыше ста тысячъ р.", что „не слѣдуетъ опасаться (отъ того или иного толкованія) увеличенія количества дѣлъ" и т. д.***) Но законность далеко не тождественна съ цѣлесообразностью и желательностью и въ то время, какъ первая зиждется на твердой и неизмѣнной формулѣ закона, вторая тѣсно переплетается съ интересами и страстями дня, довлѣетъ не только „дневи", но и человѣку, и немудрено поэтому, что эти начала нерѣдко приходятъ другъ съ другомъ въ столкновенія, изъ которыхъ не всегда законность выходитъ побѣдительницей. Такъ, напр., чтобы избавить казну отъ дани скупщикамъ, Сенату пришлось разъяснить, что сдѣланныя въ накладной указанія вѣса и содержанія груза не имѣютъ значенія доказательствъ, если они не были особо провѣрены желѣзной дорогой, а между тѣмъ 55 ст. уст. ж. д. безъ всякихъ оговорокъ устанавливаетъ, что накладная служитъ доказательствомъ взаимныхъ правъ и обязанностей сторонъ, участвующихъ въ договорѣ перевозки. Или—вопреки 126 ст. уст. ж. д., обязывающей суды соединять, по требованію отвѣтчика, въ одно производство разные иски, предъявленные къ желѣзнымъ дорогамъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, если иски эти, хотя и относящіеся къ разнымъ накладнымъ, вытекаютъ изъ однородныхъ основаній—вопреки

---

*) ib., 21.

**) c. IV.

***) Ср. с. с. 9, 10, 11, 21, 30, 31, 88, 94.

этому закону и своимъ неоднократнымъ разъясненіямъ, относящимся, впрочемъ, ко времени, когда желѣзныя дороги были въ частныхъ рукахъ, Прав. Сенатъ призналъ правильнымъ прекращеніе производствомъ дѣла, по которому исковыя требованія истекали изъ разныхъ перевозокъ, и, такимъ образомъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Рабиновичъ въ упомянутой статьѣ, сдѣлалъ изъ этого закона западню для истцовъ. „Предъявитъ онъ по нѣсколькимъ накладнымъ нѣсколько исковъ, окажется, что онъ поступилъ неправильно: иски будутъ соединены, онъ потеряетъ внесенныя судебныя пошлины, уплатитъ издержки, можетъ потерять % (если они подлежатъ присужденію со дня предъявленія иска) и т. д. Предъявитъ онъ по нѣсколькимъ накладнымъ одинъ искъ, окажется, что онъ опять-таки поступилъ неправильно: онъ потеряетъ даромъ пошлины, издержки, % и т. д.“ *).—Остается, такимъ образомъ, предъявлять искъ по каждой накладной отдѣльно, что грозило бы затопленіемъ судовъ желѣзнодорожными дѣлами; но эта опасность только кажущаяся и, какъ мы уже отмѣчали, г. Змирловъ рекомендуетъ судамъ не смущаться этимъ, такъ какъ такіе иски не выдержали бы издержекъ судебнаго производства, а самъ г. Змирловъ нисколько не смущается тѣмъ, что такое разъясненіе Сената лишаетъ истцовъ всякой судебной защиты.

Но и всѣхъ этихъ „обходныхъ движеній“ оказалось недостаточно, чтобы спасти казенныя деньги. Пришлось отстаивать ихъ фронтальной атакой, и вотъ—incredibile dictu появилось слѣдующее разъясненіе Сената: „При установленіи судомъ, что на накладныхъ имѣются неопредѣленныя надписи объ уступкѣ всѣхъ своихъ правъ и что накладныя по надписи пріобрѣтены скупщикомъ накладныхъ, имѣвшимъ въ виду не опредѣленный предметъ требованія, а возможность, на основаніи отсутствія

*) „Право“, 1902 г., стр. 2343.

или недостаточности отмѣтокъ въ накладныхъ, предъявить тѣ или другія претензіи къ дорогѣ, судъ имѣетъ право признать такого скупщика не имѣющимъ права на предъявленіе своихъ требованій къ желѣзной дорогѣ, такъ какъ при подобной передачѣ накладныхъ ни передававшій, ни онъ не знали: первый, что уступаетъ, а второй—что имъ пріобрѣтается, а слѣдовательно въ самой сдѣлкѣ о передачѣ отсутствовали: а) намѣреніе на передачу опредѣленнаго требованія и б) совпаденіе воли обоихъ контрагентовъ, относительно предмета передачи" *). Мы не станемъ приводить здѣсь доказательствъ всей юридической нелѣпости выставленнаго положенія **). Да оно и по существу излишне, ибо вѣдь Прав. Сенатъ самъ создаетъ его только для скупщиковъ. Намъ важно указать, что наше высшее судебное учрежденіе, на обязанности котораго лежитъ слѣдить за правильнымъ примѣненіемъ законовъ, забыло ихъ основное правило о томъ, что „законы должны быть исполняемы безпристрастно, несмотря на лица, и не внимая личнымъ требованіямъ и предложеніямъ", и измѣнило общее правило для отдѣльной группы лицъ въ ихъ отношеніяхъ къ казнѣ. Точно также едва ли нужно оговаривать, что наши разсужденія отнюдь не имѣютъ цѣлью ограждать промыселъ скупки накладныхъ, хотя, замѣтимъ попутно, промыселъ этотъ не клонится къ эксплуатаціи нужды, легкомыслія и т. п., и потому врядъ ли есть основаніе угрожать ему уголовными карами; поскольку же онъ несомнѣнно заставляетъ желѣзныя дороги быть осмотрительнѣе въ таксаціи сборовъ и тѣмъ избавляетъ перевозимые по дорогамъ грузы отъ излишнихъ расходовъ, онъ въ гораздо большей степени содѣйствуетъ торговлѣ и промышленности и общественнымъ интересамъ, нежели изобрѣтенное г. Змирловымъ орудіе борьбы, непоправимо расшатывающее лафетъ право-

---

*) Змирловъ, стр. 85—86.

**) Отсылаемъ интересующихся къ обстоятельному анализу, сдѣланному г. Рабиновичемъ въ упомянутой статьѣ.

судія, на которомъ это орудіе стоитъ. Во всякомъ случаѣ, въ рѣшеніи Сената осталось два пробѣла. Въ немъ не говорится, должны ли суды въ своихъ рѣшеніяхъ открыто оговаривать: „принимая во вниманіе, что такой то искъ оказался по розыску предъявленнымъ скупщикомъ, къ нему надлежитъ примѣнить спеціальное толкованіе закона“ или же— не высказывая въ рѣшеніи своего интимнаго убѣжденія, примѣнять къ данному случаю новый видъ „казеннаго“ толкованія законовъ. Еще важнѣе другой пробѣлъ—отсутствіе указаній, какъ установить суду наличность признаковъ скупщика, а дѣло это не легкое, ибо, напр., въ упомянутой статьѣ г. Рабиновичъ указываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ передаточная надпись на накладной означаетъ полномочія на взысканіе, и хотя г. Змирловъ въ дополнительныхъ объясненіяхъ къ рѣшеніямъ даетъ весьма цѣнныя указанія, какъ сорвать маску, но такъ какъ не всѣ судьи обладаютъ его прозорливостью и не имѣютъ въ своемъ распоряженіи „достовѣрныхъ источниковъ“, которыми, какъ мы видѣли выше, г. Змирловъ старается импонировать читателю, то для увѣнчанія зданія остается положить еще одинъ камень, предоставивъ судамъ обращаться въ подлежащія учрежденія за полученіемъ агентурныхъ свѣдѣній о благонадежности лицъ, предъявляющихъ иски къ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Эти мутные источники нашего правосудія сливаются въ своемъ теченіи съ широкимъ потокомъ „совѣсти и справедливости“, въ которомъ наши юристы стремятся растворить недостатки, устарѣлость и противорѣчивость нашихъ законовъ.—И здѣсь невольно вспоминается предсказаніе, которое отмѣчено было еще при выработкѣ судебной реформы въ отзывѣ на ея основныя положенія: „Чѣмъ болѣе судебныя учрежденія даютъ средство къ точному исполненію законовъ, тѣмъ они совершеннѣе; но чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ достоинство или недостатокъ законовъ будетъ явственнѣе, добро или зло, ими причиненное, ощутительнѣе для каждаго граж-

данина, а потому самые законы должны быть тѣмъ совершеннѣе“ *).

Что представляютъ изъ себя наши уголовные законы—мы уже знаемъ изъ приведеннаго выше оффиціальнаго отзыва**). Что же касается гражданскихъ законовъ, то образованная въ 1882 г. для выработки проекта новаго гражданскаго уложенія комиссія категорически свидѣтельствуетъ, что наши законы несправедливы, противорѣчивы и т. д. Такимъ образомъ, судебные уставы, давшіе усовершенствованные, во многихъ случаяхъ безукоризненные, способы розысканія истины, оставили матеріальные законы безъ измѣненія; и по прежнему предъ судьями стояли устарѣлыя, безсмысленныя изрѣченія, непригодность коихъ для столь бурно развивавшейся у насъ съ 60-хъ годовъ жизни выяснялась на каждомъ шагу. Это привело, съ одной стороны, къ несправедливымъ обвиненіямъ суда въ формализмѣ, въ неумѣньѣ раскрыть въ дѣлѣ настоящую истину, а—съ другой—поставило судей предъ тяжелой диллемой:—либо систематически и во всемъ противодѣйствовать развитію жизни, ея юридическаго оборота, либо приспособить законъ къ требованіямъ жизни, „отказавшись отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ логикѣ, во что бы то ни стало истолковать законъ такъ, чтобы онъ совпалъ съ разумной и справедливой нормой, имманентной соотвѣтственному явленію жизни“. Искушеніе было велико и, главное, неотступно, а восьмидесятые годы были вообще временемъ широкаго оппортунизма, отличаясь отрицаніемъ или, вѣрнѣе, органическимъ непониманіемъ принциповъ—и суды ступили на наклонный путь превращенія дурныхъ законовъ путемъ толкованія въ хорошіе.

Въ настоящее время у насъ для гражданскихъ правоотношеній дѣйствуетъ не X-ый томъ Свода Законовъ, а разъясненія Сената. По закону, эти рѣшенія имѣютъ обязательную

*) См. выше, с. 95.

**) См. выше, с. 164.

силу только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ они состоялись, а для остальныхъ дѣлъ имѣютъ значеніе руководства, дѣйствуютъ imperio rationis, съ которымъ судъ, по общему признанію всѣхъ нашихъ процессуалистовъ, долженъ, конечно, считаться, но не лишенъ права противопоставить свое толкованіе.—Въ дѣйствительности, однако, Сенатъ придаетъ своимъ рѣшеніямъ обязательное значеніе—настолько, что даже когда и самъ отступаетъ отъ ранѣе выраженнаго взгляда— а при оппортунистическомъ толкованіи это должно случаться очень часто—Сенатъ не столько заботится объ обоснованіи новаго взгляда, сколько объ увѣреніяхъ въ томъ, что въ сущности онъ вовсе не отступаетъ отъ прежняго *). Это, конечно, убиваетъ всякое творчество въ судахъ, которые уклоняются отъ самостоятельной разработки вопроса, укрываясь за Сенатскими рѣшеніями, тѣмъ охотнѣе, что борьба съ Сенатомъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказывалась безплодной **). Любопытнымъ примѣромъ замѣны велѣній закона сенатскими разъясненіями можетъ служить судьба правила, выраженнаго въ 1653 ст. X т. 1 ч.—Статья эта гласитъ: закладныя на недвижимое имущество не могутъ быть передаваемы по надписямъ. Источники же этой статьи объясняютъ правило ея такъ: „поелику заемщикъ ввѣряетъ залогъ свой заимодавцу". Въ 1870 г. Сенатъ (допустивъ нѣкоторыя юридическія неточности въ мотивировкѣ), подтвердилъ это правило. Въ 1880 г.

*) Рѣзкій примѣръ см. въ „Правѣ" за 1901 г. № 43, с. 2002.

**) Приведемъ интересный случай. Въ одномъ изъ судовъ возникъ вопросъ о примѣненіи, за силою Всемилостивѣйшаго манифеста 1894 г., наказанія къ несовершеннолѣтнему преступнику. Судъ руководствовался разъясненіемъ Сената, послѣдовавшимъ на манифестъ 15 мая 1883 г. Въ касс. жалобѣ защитникъ подробно доказывалъ, что означенное разъясненіе непримѣнимо, такъ какъ соотвѣтствующія части двухъ приведенныхъ манифестовъ существенно между собою различаются. Рѣшеніе Сената по этой жалобѣ содержало три—четыре строчки и гласило: принимая во вниманіе, что возбужденный въ касс. жалобѣ вопросъ разъясненъ рѣшеніемъ такимъ то, по толкованію манифеста 1883 г., оставить касс. жалобу безъ послѣдствій.

было разъяснено, что залоговое право не можетъ быть передаваемо безъ согласія, хотя объ этомъ въ законѣ ничего не говорится. Въ 1895 г. Сенатъ вновь обращается къ этой статьѣ и толкуетъ ее уже такъ, что запрещается закладныя передавать по надписямъ, а можно передавать по особымъ актамъ, хотя бы и домашнимъ; но отмѣткѣ въ крѣпостномъ реестрѣ—подлежатъ только нотаріальные акты. Отсюда практика, руководствуясь соображеніемъ Сената, что такое толкованіе не нарушаетъ ничьихъ интересовъ, сдѣлала дальнѣйшій выводъ, и при наличности согласія законодателя допускаетъ передачу закладныхъ и по надписямъ. И такимъ образомъ 1653 ст. оказалась вполнѣ упраздненной *)!

Не менѣе рельефный примѣръ изъ области уголовнаго права представляетъ толкованіе, данное Сенатомъ 2 ч. 252 ст. Ул. о Нак. Эта статья караетъ лицъ, изобличенныхъ въ распространеніи сочиненій, дерзостно порицающихъ установленный законами образъ правленія, и вообще всѣхъ, участвовавшихъ завѣдомо въ семъ преступленіи. Прав. Сенатъ призналъ, что эта статья распространяется и на лицъ, которыя намѣренно приняли участіе въ дѣйствіяхъ шумѣвшей на площади толпы, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго законами образа правленія. Рѣшеніе это послѣдовало въ 1877 г. При составленіи объяснительной записки къ новому Уголовному Уложенію, подписанной многими нынѣшними сенаторами уголовнаго кассац. департамента, по поводу этого было сказано: „Уложеніе говоритъ только объ отвѣтственности самихъ, произносившихъ рѣчи, но вовсе не упоминаетъ объ отвѣтственности лицъ, слушавшихъ таковыя рѣчи, хотя бы они слушали таковыя рѣчи не случайно, а собрались, напр., на площади именно съ цѣлью произвести подобную демонстрацію, хотя бы они выразили знаками, шумомъ, крикомъ и т. д. свое сочувствіе говорившему; но общее собраніе въ рѣшеніи по дѣлу Боголюбова *очевидно*

*) Подробности см. въ „Правѣ“ 1899 г. № 22, с. 1133.

въ виду отсутствія у насъ какихъ-либо постановленій, карающихъ подобныя сборища, дало весьма распространительное толкованіе этимъ постановленіямъ". И послѣ написанія этой объяснительной записки тѣ же г.г. сенаторы не стѣснялись не только примѣнять рѣшеніе 1877 г., но распространяли его еще дальше. Мы могли бы умножить примѣры эти положительно до безконечности *), но пожалуй болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ, насколько сильно охватило нашу юриспруденцію это явленіе, можетъ служить то обстоятельство, что основанная въ 1898 году газета „*Право*" одной изъ своихъ главныхъ задачъ поставила борьбу за начала законности противъ свободнаго толкованія, и на страницахъ этой газеты намъ неоднократно приходилось доказывать, что мы возвращаемся ко времени Московскихъ воеводъ, которые судили „по своему высмотру, какъ пригоже, какъ Богъ вразумитъ"; что въ основаніи довѣрія питаемаго къ суду, лежитъ одно убѣжденіе: что судебная дѣятельность отъ перваго до послѣдняго шага—дѣятельность подзаконная, что личному усмотрѣнію въ ней абсолютно нѣтъ

*) Въ миніатюрѣ и каррикатурѣ встрѣчаются весьма часто проявленія этого направленія. Такъ, въ 1900 г. появилась книга г. Захарьина „Жизнь, служба и приключенія мирового судьи". Въ этой книгѣ авторъ ничтоже сумняшеся разсказываетъ, что, желая прекратить подачу жалобъ на оскорбленіе дѣйствіемъ, поступавшихъ обыкновенно въ большомъ количествѣ послѣ базарныхъ дней,—онъ, судья, сталъ безъ разбору наказывать и жалобщиковъ, и обидчиковъ, въ расчетѣ на то, что на него жалобъ подавать не будутъ, потому что надо было или ѣхать самимъ за 40 верстъ, или же нанимать адвоката и платить ему по заведенному порядку деньги впередъ. Подробнѣе объ этой любопытной книгѣ см. въ нашей замѣткѣ въ „Правѣ", № 15 за 1900 годъ.

Другой примѣръ: въ прошломъ году въ петербургской конференціи помощниковъ прис. повѣр. извѣстный адвокатъ С. А. Андреевскій, поучая стажьеровъ, наряду съ воспоминаніями о томъ, какъ его хвалили короли репортеровъ и какъ Спасовичъ охотно дѣлилъ съ нимъ защиты, сообщалъ имъ, что послѣ прочтенія фельетоновъ Дорошевича ему такъ ясна стала невинность братьевъ Скитскихъ, что онъ тогда же высказывалъ, что это дѣло было бы лучше *свыше прекратить*.

мѣста".—Само собою разумѣется однако, что такая борьба съ этимъ печальнымъ явленіемъ можетъ въ лучшемъ случаѣ ослабить его, но отнюдь не уничтожить; для этого нужно воздѣйствовать на самыя причины, а онѣ, какъ мы видѣли, коренятся прежде всего въ общихъ условіяхъ нашей жизни, въ отсутствіи хорошаго законодательства, которое однако не можетъ быть выработано при оппортунистическомъ направленіи.

Чтобы покончить съ этимъ явленіемъ, намъ остается еще отмѣтить, что оно нашло себѣ яркое выраженіе и въ литературѣ. Мы имѣемъ въ виду произведеніе А. Л. Боровиковскаго: „Отчетъ судьи". Одна изъ частей этого произведенія „Законъ и судейская совѣсть" *), посвящена „теоретическому" обоснованію необходимости для судьи руководствоваться не только закономъ, но и совѣстью.— Для доказательства этого положенія г. Боровиковскій старается прежде всего затушевать установленное закономъ различіе между третейскимъ, мировымъ и общими судами. Какъ извѣстно, по закону, третейскій судья рѣшаетъ гражданскіе споры „по совѣсти". Ни въ оцѣнкѣ представленныхъ сторонами доказательствъ, т. е. установленіи фактической стороны дѣла, ни въ юридической квалификаціи онъ ничѣмъ не стѣсненъ, все предоставляется его усмотрѣнію.—Мировой судья, за силою 129 ст. уст. гр. суд., оцѣниваетъ по убѣжденію совѣсти значеніе и силу доказательствъ, т. е. онъ не мотивируетъ, почему то или другое показаніе кажется ему болѣе достовѣрнымъ, онъ можетъ въ сущности и себѣ самому не отдавать въ томъ отчета, руководствуясь неуловимыми впечатлѣніями; въ примѣненіи же законодательныхъ нормъ онъ уже стѣсненъ требованіемъ той же 129 ст., чтобы его рѣшеніе не противорѣчило закону. Въ случаяхъ же, прямо неразрѣшаемыхъ закономъ, онъ мо-

*) Насколько можно заключить изъ нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ статьѣ выраженій, она, къ сожалѣнію, воспроизводитъ лекціи, читанныя авторомъ, въ качествѣ приватъ-доцента, студентамъ Новороссійскаго университета.

жетъ „по ссылкѣ сторонъ, примѣнить существующій обычай; за отсутствіемъ же таковаго можетъ, слѣд., самъ „творить право". Наконецъ, общіе суды въ оцѣнкѣ доказательствъ связаны цѣлымъ рядомъ правилъ и всякое свое заключеніе обязаны, по смыслу 411 ст. у. г. с., мотивировать: ибо, говорятъ намъ составители уставовъ, „подъ личиною субъективнаго убѣжденія можетъ укрываться самое наглое неправосудіе". При наличности же мотивовъ, „если доводы рѣшенія должны быть убѣдительны не для однихъ судей, а для всякаго здравомыслящаго и безпристрастнаго человѣка, то такими доводами могутъ быть только доказательства, основанныя или на данныхъ разума, дѣйствующаго по одинаковымъ у всѣхъ людей законамъ логическаго мышленія, или на общеизвѣстныхъ данныхъ опыта, подтверждаемаго безпрерывнымъ рядомъ тождественныхъ наблюденій". Такимъ образомъ, совѣсти судьи здѣсь не оставлено ни малѣйшаго мѣста; въ юридической же квалификаціи установленныхъ указаннымъ образомъ фактическихъ отношеній суды общіе точно также стѣснены больше мир. судовъ: ихъ рѣшенія не только не должны противорѣчить закону, но должны быть прямо основаны на законѣ и содержать отчетливое указаніе на статьи.— Эта ясная и простая схема въ изложеніи г. Боровиковскаго теряетъ свои опредѣленныя очертанія, становится совершенно расплывчатой благодаря тому, что авторъ силится всячески стереть различіе въ положеніи различнаго рода судей. Для достиженія этой цѣли авторъ убѣждаетъ читателя, что хотя законъ предоставляетъ только мировому судьѣ оцѣнивать доказательства по убѣжденію совѣсти, а въ отношеніи общихъ судовъ этого термина не встрѣчается, но не будетъ „ни малѣйшей натяжки въ томъ, чтобы эту мѣру свободы распространить одинаково и на общіе суды". Дѣйствительно, здѣсь нѣтъ натяжки, здѣсь просто серьезная ошибка, ибо отъ общихъ судовъ, какъ мы видѣли, законъ требуетъ убѣдительной для всѣхъ мотивировки. Но этому г. Боровиковскій не придаетъ значенія и идетъ дальше, увѣряя насъ, что хотя

„третейскимъ судьямъ предоставляется какъ имъ угодно констатировать факты“, но это „разница только внѣшняя, несущественная“, и „рѣшеніе судовъ третейскаго и офиціальнаго сходствуетъ въ томъ, что тотъ и другой суды установляютъ фактическую сторону одинаково по совѣсти, по убѣжденію совѣсти“ *). Но чтобы это утверждать, нужно совершенно забыть о томъ, напр., что существуетъ ст. 409, которая ограничиваетъ пользованіе свидѣтельскими показаніями, что ст. 410 запрещаетъ опровергать показаніями свидѣтелей содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ. Неужели же такая разница можетъ быть названа несущественной, если въ результатѣ третейскій судья воленъ совершенно не считаться съ такими документами и предпочесть имъ показанія свидѣтелей, а оффиціальный судья не имѣетъ права даже ослабить силу письменныхъ доказательствъ, введя въ свои разсужденія показанія свидѣтелей.—Но г. Боровиковскій идетъ еще гораздо дальше. Пока рѣчь идетъ у него объ уничтоженіи различія въ установленіи фактической стороны, онъ признаетъ существенное различіе въ томъ, что судъ третейскій установляетъ по совѣсти и самую норму, которою долженъ быть разрѣшенъ споръ, тогда какъ суду оффиціальному норму даетъ законъ. Здѣсь „судейскому усмотрѣнію, представленію судьи о справедливости—не дается ни малѣйшаго мѣста“ **). Но затѣмъ, когда г. Боровиковскій переходитъ спеціально къ вопросу о примѣненіи судами юрид. нормъ, ригоризмъ этого тезиса значительно смягчается. Опять таки для достиженія этой цѣли авторъ старается сгладить различіе между мировыми и общими судами. Благодаря тому что рѣшеніе мировыхъ судей не должно противорѣчить закону, онъ менѣе стѣсненъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возникшее правоотношеніе не разрѣшается положительнымъ закономъ. Но и это, по

---

*) С. 220. 221.

**) С. 229.

мнѣнію г. Боровиковскаго, разница несущественная, потому что „законъ въ сущности не признаетъ случаевъ, которые бы имъ вовсе не предусматривались“. Но куда же авторъ дѣвалъ ст. 129, которая говоритъ о случаяхъ, прямо неразрѣшаемыхъ, и основную ст. 9 у. г. с., говорящую о „недостаткѣ“ закона. Затрудненіе обходится довольно просто тѣмъ, что г. Боровиковскій пользуется не 9 ст. у. гр. с., а параллельной ей 12 ст. у. уг. с., въ которой о недостаткѣ закона, конечно, ничего не говорится, ибо основное правило уголовнаго права—nullum crimen sine lege; тамъ создавать несуществующія нормы, конечно, нельзя.—Справившись съ однимъ препятствіемъ, г. Боровиковскій дѣлаетъ затѣмъ еще послѣдній, самый смѣлый шагъ. „Открывъ истинный смыслъ закона—судья, конечно, обязанъ подчиниться его велѣнію, хотя бы даже оно представлялось судьѣ несправедливымъ.—Но(!) если мысль закона остается для судьи все-таки неясною—(а ясность и неясность—понятія субъективныя *)... то судья долженъ руководствоваться и соображеніями справедливости. **) Иначе говоря—такъ какъ судья долженъ исходить изъ того, что „законъ желаетъ въ отношеніяхъ между гражданами справедливости“, то если толкованіе закона по способамъ, предусмотрѣннымъ наукой, приведетъ къ несправедливымъ, по субъективному убѣжденію судьи, выводамъ, законъ естественно долженъ показаться ему неяснымъ и тогда онъ долженъ истолковать законъ по новому способу интерпретаціи —по справедливости. Въ концѣ концовъ „оказывается, что и примѣненіе закона находится въ неизбѣжной зависимости отъ вердикта судейской совѣсти“ ***). Г. Боровиковскій не скрываетъ отъ себя, что этотъ нивеллирующій выводъ грозитъ опасностью правосудію. Онъ спрашиваетъ себя: „какое я найду оправданіе передъ своею же совѣстью, если стану навязы-

*) С. 225.
**) С. 237, 238.
***) С. 235.

вать ее тѣмъ, которые вовсе не признаютъ ее авторитетомъ. Моя же совѣсть не позволитъ мнѣ поступить такъ; для меня самого ясно, что въ подобномъ случаѣ юрисдикція моей совѣсти заслуживала бы названіе судейскаго произвола" *). Но эта опасность его не смущаетъ. Онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что „люди гораздо болѣе разнятся умственными, чѣмъ нравственными качествами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи различіе существуетъ, такъ сказать, въ вершинахъ нравственности (по вопросамъ „отдай свое"); но въ тѣхъ элементарныхъ корняхъ нравственности, которыми исчерпывается мораль гражданскихъ правоотношеній („не присваивай—чужого"), всѣ сходятся. Если мы поступаемъ вопреки этимъ основнымъ принципамъ, то вовсе не потому, чтобы мы ихъ не знали или отвергали: мы знаемъ, что поступаемъ дурно – и тѣмъ не менѣе такъ поступаемъ, придумывая или и имѣя для себя тѣ или иныя „смягчающія обстоятельства". Но и человѣкъ, грѣшащій въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, не лишенъ способности быть справедливымъ судьею другихъ. Для судьи достаточно быть среднимъ человѣкомъ „въ нравственномъ отношеніи". **)—Мы позволимъ себѣ съ этимъ не согласиться. Уже послѣ тѣхъ немногихъ примѣровъ, которые мы привели выше, послѣ того, какъ мы наблюдали эту разнообразную игру права съ политикой, мы рѣшительно присоединяемся къ словамъ самого г. Боровиковскаго, что „никакая благонамѣренность побужденій не можетъ оправдать смуты, вносимой въ гражданскую жизнь судейскимъ произволомъ".

Вскорѣ послѣ напечатанія книги „Отчетъ судьи", г. Боровиковскій былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ гражд. кас. департамента. И вотъ образецъ толкованія ясныхъ и неясныхъ законовъ по новому способу интерпретаціи. Уставъ желѣзныхъ дорогъ устанавливаетъ краткую давность для предъявленія частнымъ лицомъ претензій къ желѣзнымъ дорогамъ. Но эта давность преры-

*) Стр. 223.
**) Стр. 298.

вается подачей въ опредѣленный срокъ заявленія самой дорогѣ потерпѣвшимъ лицомъ. Въ интересующемъ насъ случаѣ за потерпѣвшую жену подалъ заявленіе безъ ея уполномочія мужъ, вслѣдствіе чего возникъ вопросъ: прерываетъ ли такое заявленіе теченіе давности?—иначе говоря: является ли по нашимъ законамъ мужъ представителемъ жены по ея имущественнымъ отношеніямъ въ силу самого закона? Казалось бы, что статьи X тома не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. Въ статьяхъ 109—117, въ каждой изъ нихъ, даже съ излишней настоятельностью, подчеркивается, что имущество супруговъ совершенно раздѣльно, что въ имущественныхъ отношеніяхъ они могутъ дѣйствовать другъ за друга не иначе, какъ „по законной на сіе довѣренности". Но, очевидно, такъ какъ въ данномъ случаѣ законъ этотъ оказался несправедливымъ *), то Прав. Сенатъ оставилъ въ сторонѣ простые и ясные законы и обратился къ толкованію 106 статьи, которая находится въ отдѣлѣ о *личныхъ* правахъ супруговъ и гласитъ: „мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло... доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей". И Сенатъ находитъ, что эта статья можетъ быть примѣнена и къ данному случаю, потому что „мужъ, затратившій свои средства на леченіе жены, заинтересованъ въ равной мѣрѣ, какъ и жена, въ томъ, чтобы расходы на леченіе были возмѣщены дорогой, вызвавшей своими дѣйствіями эти затраты". По всей вѣроятности, г. Боровиковскій думаетъ, что и въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой натяжки, и мы спѣшимъ съ нимъ согласиться, что о натяжкѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи: здѣсь просто забвеніе и игнорированіе закона.

„Это новое юридическое положеніе, писали мы въ „Правѣ", не развивается болѣе подробно и оставляетъ нерѣшенными много вопросовъ: ограничивается ли законное

---

*) „Нужно было видѣть, объяснялось въ личномъ разговорѣ, какъ эта несчастная женщина плакала, когда судъ отказалъ ей въ искѣ за пропускомъ давности".

представительство мужа за жену предѣлами дѣйствительно произведенныхъ имъ затратъ? Лишается ли онъ вообще этого права, если леченіе оплачивалось средствами жены? Распространяется ли это право на всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ возмѣщеніи расходовъ, напр., на врача, не получившаго своего гонорара, и прерывается ли давность предъявленіемъ требованія такого лица къ дорогѣ?...

Наконецъ, если бы мужъ не передалъ женѣ полученнаго имъ отъ дороги вознагражденія, имѣла ли бы жена право иска къ желѣзной дорогѣ о возмѣщеніи понесеннаго вреда, или же могла бы обвинять мужа въ присвоеніи ввѣреннаго имущества, или, въ виду произведенныхъ мужемъ затратъ на лѣченіе и содержаніе, дѣйствія его слѣдовало бы признать правомѣрными?

Таковы неожиданные результаты устанавливаемаго Прав. Сенатомъ новаго вида законнаго представительства. Въ настоящемъ случаѣ, какъ говоритъ рѣшеніе, „въ моментъ подачи мужемъ заявленія въ правленіе дороги о вознагражденіи, жена его находилась въ такомъ безпомощномъ положеніи, что не могла лично подать сего заявленія". Возможно поэтому, что постановленіе закона о краткосрочной давности тяжело отразилось бы на благосостояніи истицы и что отступленіе отъ закона болѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ даннаго единичнаго случая, хотя вообще слѣдуетъ замѣтить, что Сенатъ не провѣряетъ существа дѣла и потому его заключеніе объ этомъ нельзя признать безусловно правильнымъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что отступленіемъ сумѣютъ воспользоваться и въ другую сторону, въ цѣляхъ неблаговидныхъ; отламывая остріе закона, чтобы оно не ранило слишкомъ больно въ одномъ случаѣ, нельзя забывать, что мы навсегда лишаемъ себя возможности разить имъ зло и неправду" *).

---

*) Право, 1899 г. № 1.

IX.

Проектъ согласованія судебныхъ уставовъ съ условіями государственнаго строя.

Итакъ, отмѣченныя ревизующими сенаторами въ 1880 г. уступки въ строгомъ исполненіи требованій закона, въ видахъ объединенія судебнаго и административнаго вѣдомствъ, шли все crescendo и въ концѣ концовъ привели правосудіе въ состояніе ненормальное. Но и въ этомъ своемъ состояніи оно все еще обнаруживало несогласованность, тренія продолжались. По свидѣтельству Н. В. Муравьева, „если поставить вопросъ, устранили ли онѣ (исправленія) обнаружившійся разладъ между основами уставовъ и условіями государственной жизни и улучшили ли вообще положеніе судебнаго дѣла у насъ, то отвѣтъ получится неутѣшительный *)". „Было очевидно, что судебное дѣло и судебныя установленія находятся въ состояніи критическомъ и „переходномъ". Судимые, судящіеся не знали, хорошъ ли судъ, гдѣ имъ приходилось судиться, судящимъ угрожало разстройство и приниженность—плачевный удѣлъ среды, обреченной на перерожденіе и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ **)". Сообразно съ этимъ не прекращались планы дальнѣйшаго приспособленія суд. уставовъ къ нашему государственному строю. По словамъ министра юстиціи въ рѣчи его предъ Государственнымъ Совѣтомъ ***), къ

---

*) Истор. очеркъ, с. 222.

**) Н. В. Муравьевъ. Послѣднія рѣчи, с. 62.

***) ib с. 60, сл.

началу девятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія положеніе нашей реформированной юстиціи отнюдь не могло считаться упроченнымъ и яснымъ; ее окружала смутная атмосфера колебанія и шаткости, около нея и даже въ ней самой бродили противорѣчивыя, еще неопредѣлившіяся вѣянія, во всякомъ случаѣ, не способствовавшія безмятежному ходу правосудія. Не смотря на все уже сдѣланное, не смотря на множество изъятій и ограниченій, которыя, такъ сказать, наросли посторонними придатками на основномъ корпусѣ Судебныхъ Уставовъ и извѣстные отдѣлы ихъ измѣнили до неузнаваемости, даже нельзя было признать законченнымъ первый острый періодъ житейскаго на нихъ воздѣйствія. Не прекращались ожиданія дальнѣйшихъ измѣненій, имѣющихъ мало общаго съ воззрѣніями 1864 г. и обращенныхъ не впередъ къ прогрессу, а скорѣе вспять, къ прежнимъ, дореформеннымъ порядкамъ. Такъ, намѣчалось учрежденіе надъ кассаціоннымъ судомъ Правительствующаго Сената особаго высшаго совѣстнаго судилища, возвращеніе къ старой ревизіи вмѣсто кассаціи, мѣры къ стѣсненію суда присяжныхъ и адвокатуры, упоминалось о своевременности внести ограниченія въ отдѣльность и самостоятельность суда, о томъ, что вообще, нужно предпринять болѣе рѣшительныя мѣры къ сглаженію особенностей и преимуществъ судебнаго устройства и судебной дѣятельности. И какъ бы вѣщимъ подтвержденіемъ всей серьезности нѣкоторыхъ изъ подобныхъ предположеній послужило образованіе, весною 1893 года, Особаго Совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ покойнаго Н. И. Стояновскаго, для разсмотрѣнія всеподданнѣйшей записки министерства юстиціи по этимъ предметамъ".

Но въ этотъ рѣшительный моментъ не устоялъ б. министръ юстиціи Н. А. Манасеинъ. 1 Января 1894 г. онъ былъ назначенъ членомъ Госуд. Совѣта и въ преемники ему избранъ былъ Н. В. Муравьевъ, только что, въ качествѣ государственнаго секретаря, подвергшій рѣзкой критикѣ проектъ организаціи совѣстнаго суда, который былъ составленъ Н. А. Ма-

насеинымъ при ближайшемъ участіи К. П. Побѣдоносцева. Кромѣ того, Н. В. Муравьевъ былъ по своимъ литературнымъ трудамъ извѣстенъ, какъ тонкій цѣнитель и горячій поклонникъ судебныхъ уставовъ. „Скажемъ себѣ, и мы не ошибемся,—читаемъ мы въ его сочиненіяхъ *),—что съ насъ довольно этой книги (т. е. судебныхъ уставовъ), малой по объему, великой по содержанію. Начала, въ ней проведенныя, такъ высоки и чисты, вліянія и послѣдствія ихъ такъ благодѣтельны для русской жизни, что дальше ихъ намъ незачѣмъ и некуда идти". „Несмотря на то, что и уставы эти, и созданныя ими учрежденія уже доживаютъ первую четверть столѣтія, мы все еще привыкли считать и называть ихъ новыми — *такая бездна отдѣляетъ* ихъ отъ смѣненнаго ими прежняго порядка" **).

Такое уваженіе или даже преклоненіе предъ судебными уставами не лишило Н. В. Муравьева смѣлости откровенно признать, что наша почва оказалась для нихъ неподходящей. Эта мысль, правда, была высказана и раньше въ оффиціальной бумагѣ гр. Лорисъ Меликовымъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ Императору Александру II въ первыхъ числахъ апрѣля 1880 г., онъ между прочимъ писалъ: „Новые суды, созданные при недостаточныхъ полицейскихъ порядкахъ, стали въ изолированное отъ общаго строя положеніе, несмягчаемое нисколько вліяніемъ прокуратуры, далеко не усвоившей себѣ надлежащаго значенія. Личный составъ судебныхъ учрежденій неосторожно критическимъ и часто непріязненнымъ отношеніемъ къ окружающимъ его порядкамъ усилилъ подобное же отношеніе къ этимъ порядкамъ въ другихъ общественныхъ слояхъ. Адвокатура заняла мѣсто, непонятное для простого ума, и затронула многія молчавшія до того струны ***)". Но въ то время отсюда

---

*) Изъ прошлой дѣятельности т. I, с. 77.

**) Ib. с. 282.

***) Татищевъ, II, стр. 639.

выводилось заключенie, что нужно приспособить къ этимъ новымъ порядкамъ остальныя части нашего строя; теперь же, напротивъ, Н. В. Муравьевъ задумалъ приспособить суды къ остальнымъ сторонамъ жизни. „*Наименованie этихъ судовъ*, говоритъ онъ, „*новыми*“ *теперь уже анахронизмъ* — черезъ годъ Судебнымъ Уставамъ минетъ сорокъ лѣтъ существованiя, и спрашивается, сколько же ждать для капитальнаго ремонта сооруженiя, которое было выстроено искусно и величаво, но, тѣмъ не менѣе, подъ влiянiемъ воздуха и почвы, сверху до низу дало не мало зловѣщихъ трещинъ *)“.

Въ этихъ видахъ при самомъ вступленiи своемъ въ управленiе министерствомъ Н. В. Муравьевъ представилъ Государю всеподданнѣйшiй докладъ о необходимости учредить особую комиссiю для полнаго пересмотра судебныхъ уставовъ. Въ докладѣ этомъ уже не говорится о „безднѣ“, отдѣляющей судебные уставы отъ прежнихъ порядковъ, но и здѣсь не отрицается, что судебные уставы, дѣйствительно, внесли немаловажныя улучшенiя въ нашъ судебный строй **). Эти улучшенiя — сокращенiе числа судебныхъ инстанцiй, устраненiе чрезмѣрной письменности, волокиты и злоупотребленiй канцелярiй, поднятiе нравственнаго и умственнаго уровня судебныхъ дѣятелей, отмѣна формальныхъ доказательствъ, большее огражденiе правъ личности. Кромѣ этого, были и еще нѣкоторыя „практическiя“ улучшенiя, которыя и составили положительную сторону реформы 1864 г. Но наряду съ этимъ реформа имѣла и отрицательную сторону, „а именно—несоотвѣтствiе нѣкоторыхъ ея началъ особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта“. Къ числу этихъ началъ всеподданнѣйшiй докладъ относитъ „у насъ дотолѣ неизвѣстный судъ присяжныхъ... принципъ кассацiоннаго про-

*) Послѣднiя рѣчи, стр. 69.

**) Въ рѣчи своей передъ Госуд. Совѣтомъ министръ юстицiи какъ будто склоняется къ прежнему своему взгляду, утверждая, что новый судъ произвелъ „глубокiй правовой переворотъ въ общественныхъ отношенiяхъ и взглядахъ“. („Послѣднiя рѣчи“, стр. 56).

изводства,... состязательное начало,... особое сословіе адвокатовъ и т. п.“ *). Сюда же, нѣсколькими страницами дальше Н. В. Муравьевъ относитъ рѣзкое отдѣленіе суда отъ администраціи и неудачно формулированное начало судейской несмѣняемости. Вотъ почему, несмотря на всѣ многочисленныя поправки, обнаружившійся разладъ между основами уставовъ и условіями государственной жизни не устранился, и судебный строй требуетъ коренного „усовершенствованія“ не только въ подробностяхъ, но и во многихъ своихъ основаніяхъ. При этомъ нужно, по мнѣнію министра, исходить изъ того принципа, что въ нашихъ условіяхъ „судъ долженъ быть прежде всего вѣрнымъ и вѣрноподданнымъ проводникомъ и исполнителемъ самодержавной воли Монарха, всегда направленной къ охраненію закона и правосудія. Съдругой стороны, судъ, какъ одинъ изъ органовъ Правительства, долженъ быть солидаренъ съ другими его органами во всѣхъ законныхъ ихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ. На семъ основаніи онъ обязанъ оберегать не только существующій законный порядокъ, но и достоинство государства и его правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебнаго вѣдомства“ **). Для достиженія же этой цѣли необходимо измѣнить „дѣйствующія правила о судейской несмѣняемости, которыя въ нынѣшней своей постановкѣ не отвѣчаютъ условіямъ нашего государственнаго устройства и не даютъ высшей судебной администраціи достаточныхъ средствъ къ устраненію изъ судейской среды недостойныхъ дѣятелей ***)“.

На этихъ началахъ и была образована комиссія, задача которой, такимъ образомъ, заключалась въ томъ, чтобы сохранить „немаловажныя практическія улучшенія“, внесенныя судебными уставами, отбросивъ ихъ основныя начала, ока-

---

*) Историч. очеркъ, стр. 220, 221, 224.

**) Историч. очеркъ, стр. 224—5.

***) Тамъ же, стр. 226.

завшіяся въ разладѣ съ государственнымъ строемъ. Комиссія проработала 5 лѣтъ (съ 1894 по 1899 годъ). Какъ и до 1861 года *), она не жалѣла ни труда, ни времени судебныхъ мѣстъ. Созвано было совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ; произведено систематическое обревизованіе всѣхъ судебныхъ установленій имперіи по выработанному комиссіей подробному плану; суды были завалены статистическими и другими запросами; весь этотъ огромный матеріалъ въ заключеніе былъ собранъ въ нѣсколькихъ томахъ трудовъ комиссіи и... не оказалъ ни малѣйшаго вліянія на ходъ ея работъ. Въ объяснительныхъ запискахъ, „удручающихъ, по словамъ министра, вниманіе своей громоздкостью“ **), вы тщетно стали бы искать ссылокъ на эти труды. Работы комиссіи ($4^1/_2$ тысячи вновь редактированныхъ статей и 15 —правда довольно жидкихъ—томовъ объяснительныхъ записокъ) были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе въ началѣ 1900 года. По словамъ министра, комиссіи приходилось считаться „съ привходящими требованіями и вліяніями, иногда посторонними прямой и главной цѣли судебной дѣятельности“. Отъ этихъ „примѣсей“ свободенъ былъ только пересмотръ узаконеній о судѣ гражданскомъ, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ всякій политическій элементъ ***) Само собою разумѣется, что это обстоятельство должно было оказать самое рѣшительное вліяніе не только на выработанныя постановленія, но и на объясненія къ нимъ. Въ объяснительныхъ запискахъ нигдѣ, конечно, не указывается, какое правило является примѣсью чуждыхъ условій, ихъ стараются мотивировать такъ, какъ будто бы никакихъ постороннихъ вліяній и не было. Поэтому записки то и дѣло жертвуютъ логикой, впадаютъ въ противорѣчія, которыя затушевываются обыкновеннымъ бюрократическимъ способомъ, при помощи

---

*) Сравни выше, стр. 51.

**) Послѣднія рѣчи, стр. 88.

***) Послѣднія рѣчи, стр. 109—110.

выраженій: „казалось-бы, тѣмъ не менѣе, однако“, и т. п., съ такимъ успѣхомъ замѣнившихъ дореформенныя: понеже и поелику. Когда же и эти способы оказываются недѣйствительными, тогда прибѣгаютъ къ другимъ пріемамъ, образцы которыхъ намъ отчасти уже знакомы. Выше мы приводили*) примѣръ рѣзкаго противорѣчія между взглядами, на роль присяжныхъ засѣдателей высказанными, съ одной стороны —объяснительной запиской къ уставу уголовнаго судопроизводства, и, съ другой — къ учрежденію судебныхъ установленій. Не менѣе рѣзкія противорѣчія можно констатировать и въ одной и той же запискѣ на протяженіи двухъ-трехъ страницъ. Такъ напр., на 107—108 стр. 2-го тома объяснительной записки къ проекту учр. суд. уст. приводятся неопровержимые доводы въ пользу сохраненія раздѣльности, въ судѣ присяжныхъ, коллегій народной и коронной, и эта раздѣльность называется кореннымъ отличіемъ института. „При современной организаціи уголовнаго суда, говоритъ записка, присяжные засѣдатели, занимая самостоятельное въ судебномъ присутствіи положеніе, разрѣшаютъ предлагаемые имъ вопросы о винѣ или невиновности подсудимаго въ предѣлахъ житейской своей опытности, нисколько не будучи стѣсняемы такимъ давленіемъ на нихъ коронныхъ судей, которое проявлялось бы внѣ контроля сторонъ и оставляло бы мѣсто сомнѣнію въ безпристрастіи выносимаго приговора“. При соединеніи присяжныхъ съ коронными судьями они „въ большинствѣ случаевъ, и притомъ невольно и незамѣтно, подчинялись бы авторитету послѣднихъ, довѣряясь ихъ знанію и опытности, и такимъ образомъ рѣшеніе самаго дѣла зависѣло бы въ сущности всецѣло отъ коронныхъ судей“. Присяжные могли бы утратить „ту независимость и самостоятельность въ сужденіяхъ, которыя составляютъ главнѣйшее свойство этой формы суда“. Отсюда далѣе**) объясни-

---

*) См. стр. 119, 120.
**) Стр. 117.

тельная записка дѣлаетъ логическій выводъ, что сословные представители, соединяемые съ коронной коллегіей, не обладаютъ должной самостоятельностью взглядовъ и сужденій и вполнѣ подчиняются при постановленіи приговора мнѣнію коронняго суда. Но нѣсколькими страницами дальше все это оказывается совершенно забытымъ, и, оправдывая проектируемую организацію суда съ присяжными особаго состава, точно также сливающимися съ коронной коллегіей, комиссія не упоминаетъ уже ни о „коренныхъ отличіяхъ“, ни о „главнѣйшихъ свойствахъ“ и, хотя признаетъ, что присяжные особаго состава „будутъ конечно менѣе самодѣятельны, но тѣмъ не менѣе, не безличны“, однако думаетъ, что „опасаться вліянія коронныхъ судей не приходится уже потому, что оно прямо желательно“ и что „огражденіе отъ ошибокъ и увлеченій въ данномъ случаѣ важнѣе самостоятельности“. Оставляется такимъ образомъ открытымъ только одинъ вопросъ: если безъ самостоятельности нельзя мыслить суда присяжныхъ, то къ чему вообще этотъ судъ присяжныхъ особаго состава, лишенный самостоятельности?

Или, напримѣръ, записка чрезвычайно пышно трактуетъ о значеніи независимости судьи *), о необходимости распространить на участковыхъ судей начало судейской несмѣняемости, а затѣмъ, тутъ же участковымъ судьямъ предоставляетъ 6-ой классъ должности, т. е. опредѣленіе ихъ предоставляется министру юстиціи, отъ котораго зависитъ и перемѣщеніе ихъ „въ видахъ обезпеченія возможной быстроты въ распредѣ-

*) Судъ скорый, прибавилъ министръ юстиціи въ Госуд. Совѣтѣ, правый, милостивый, равный для всѣхъ, высоко поставленная, независимая судебная власть, повсюду, въ высшемъ, какъ и въ низшемъ, утверждающая уваженіе къ закону -таковъ идеалъ, воздвигнутый законодателемъ передъ судебнымъ вѣдомствомъ -завѣтъ, ничѣмъ не изгладимый съ его знамени. Сколько бы ни злоупотребляли этими словами, приводя ихъ иногда не къ мѣсту или не во время, они никогда не утратятъ своего величія и мощи, никогда не перестанутъ управлять судьбами достойной этого имени юстиціи уже по одному тому, что въ нихъ ключъ къ судебной истинѣ.

леніи силъ судебнаго вѣдомства". Весьма остроумно было замѣчено по этому поводу въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ *), что до сихъ поръ быстрота распредѣленія силъ и подвижность въ семъ отношеніи признавались крайне необходимыми и драгоцѣнными свойствами полицейскихъ урядниковъ, и потому исправникамъ относительно перемѣщенія этихъ чиновъ предоставлены широкія права, но что быстрота распредѣленія силъ нужна для судей—это несомнѣнная новость проекта.

Еще болѣе замѣчательнымъ представляется такой пріемъ аргументаціи. Доказывая возможность совмѣщенія въ одномъ лицѣ функцій судьи и судебнаго слѣдователя, объяснительная записка выставляетъ положеніе, что „въ предѣлахъ изслѣдованія слѣдователь есть въ сущности тотъ же уголовный судья, только сошедшій съ своего судейскаго кресла и дѣятельно самъ собирающій доказательства, вмѣсто того чтобы брать ихъ отъ обвиненія и защиты" **). Эта цитата оказывается перепечатанной изъ сочиненій предсѣдателя комиссіи. Въ т. I на с. 328 упомянутыхъ уже сочиненій Н. В. Муравьева мы читаемъ: „въ сущности слѣдователь есть тотъ же уголовный судья, только сошедшій съ своего неподвижнаго мѣста и самодѣятельно розыскивающій ту же истину, которую затѣмъ долженъ установить настоящій судья". Можно было бы даже радоваться, что для своихъ работъ комиссія пользуется литературными произведеніями, ограничиваясь лишь исправленіемъ ихъ „стиля", но бѣда въ томъ, что въ сочиненіяхъ Н. В. Муравьева это соображеніе приводится, чтобы оттѣнить еще сильнѣе невозможность поручить одному лицу функціи судьи и слѣдователя. Въ самомъ дѣлѣ, изъ приведеннаго положенія авторъ дѣлаетъ только тотъ выводъ, что „теоретически и въ служебной постановкѣ ихъ обѣихъ (т. е. должностей) много об-

---

*) „Право" 1900 г. № 43, стр. 2032.

**) Об. з. къ учр. суд. уст. т. II, с. 27.

щаго: та же независимость, тѣ же основы и задачи, та же обязанность безпристрастія. Но за то въ ближайшихъ практическихъ условіяхъ обѣихъ должностей *вездѣ проходитъ между ними глубокое различіе.* Слѣдователь считается въ своей дѣятельности съ такими особенностями, которыхъ вовсе не знаетъ судья; слѣдователю, если онъ захочетъ быть полезнымъ, нуженъ рядъ такихъ свойствъ, которыя очень мало или рѣдко примѣняются къ чисто судебной функціи".—Какъ извѣстно, литературными нравами такіе пріемы безусловно отвергаются; къ сожалѣнію, комиссія не объясняетъ, по какимъ соображеніямъ она признала возможнымъ отступить отъ этого правила въ оффиціальномъ произведеніи. И это тѣмъ болѣе непостижимо, что въ другомъ мѣстѣ комиссія другимъ „стилемъ" сама повторяетъ то, что отмѣчено ея предсѣдателемъ. Въ объясн. запискѣ къ уставу угол. судопр. мы читаемъ: односторонность въ производствѣ слѣдствія является прямымъ логическимъ послѣдствіемъ инквизиціоннаго процесса, положеннаго въ основаніе нашего предварит. слѣдствія; слѣдователь, обнаруживающій виновнаго, распутывающій иногда сложное происшествіе... самъ не замѣчая, невольно впадаетъ въ роль преслѣдователя и не можетъ быть, по психологическому закону, въ то же время и его защитникомъ *).

Едва ли есть надобность приводить еще и дальнѣйшіе образцы. Мы думаемъ, что для характеристики трудовъ комиссіи достаточно было бы даже и одного примѣра, поскольку онъ не могъ бы быть объясненъ случайнымъ недосмотромъ. Но въ данномъ случаѣ такое предположеніе было бы слишкомъ обидно для комиссіи. Вотъ почему мы считаемъ безцѣльнымъ продолжать приведеніе образцовъ и спѣшимъ перейти къ сущности проекта. И здѣсь мы позволимъ себѣ остановиться болѣе подробно только „на многотрудной проблемѣ наилучшаго построенія мѣстной юстиціи—этого фундамента всего зданія правосудія, фундамента уже потому, что именно изъ хода мѣст-

---

*) Т. II с. 43.

ныхъ судебныхъ дѣлъ ежедневно слагается живое, непрерывное воздѣйствіе закона и правды на жизнь народную“ *).

Для характеристики мѣстной юстиціи по проекту комиссіи мы позволимъ себѣ привести здѣсь отрывки изъ статьи нашей, помѣщенной по опубликованіи проектовъ въ одномъ изъ повременныхъ изданій **).

„Въ настоящее время строй мѣстной юстиціи представляетъ, дѣйствительно, весьма пеструю картину; какъ указываетъ комиссія, разнообразіе доходитъ до того, что въ одномъ и томъ же уѣздѣ совмѣстно дѣйствуютъ (сверхъ земскихъ начальниковъ) два единоличныхъ органа судебнаго вѣдомства—городской судья и уѣздный членъ окр. суда, а въ предѣлахъ одной и той же судебной палаты, напр., с.-петербургской, мѣстный судъ отправляется судьями пяти различныхъ типовъ: выборный мировой судья, мировой судья по назначенію отъ правительства (въ Прибалтійскихъ губерніяхъ), земскій начальникъ, городской судья и уѣздный членъ окружнаго суда ***). Правда, комиссія нѣсколько сгустила краски: едва ли нужно здѣсь упоминать о выборномъ мировомъ судьѣ, о которомъ, въ сущности, остались одни только воспоминанія, но съ нимъ или безъ него, никто, конечно, не станетъ оспаривать вывода комиссіи о томъ, что нынѣшнее положеніе крайне ненормально. „Объяснительная записка“ содержитъ по этому поводу цѣлый рядъ весьма краснорѣчивыхъ, можно сказать, блестящихъ соображеній, результатомъ которыхъ является слѣдующій тезисъ, глубокій смыслъ и значеніе котораго нельзя достаточно оцѣнить: „Въ сознаніи населенія только одинъ порядокъ суда можетъ представляться дѣйствительно правильнымъ и вполнѣ отвѣчающимъ высокому призванію судебной власти“.

Исходя отсюда, комиссія совершенно справедливо поставила

*) Н. В. Муравьевъ Послѣднія рѣчи с. 101, 102.

**) Жизнь, 1900 г. № 4.

***) С. 11, т. I.

своей первой и важнѣйшей задачей объединенiе мѣстной юстицiи. Но если ближайшимъ образомъ анализировать современное положенiе вещей, то окажется, что въ судебныхъ уставахъ 1864 г. разнообразiя допущено не было,—для мѣстной юстицiи существовалъ одинъ только типъ—выборнаго мирового судьи. При распространенiи дѣйствiя суд. уставовъ на губернiи, въ которыхъ земскiя учрежденiя не были введены, выборное начало за отсутствiемъ всесословнаго мѣстнаго представительства, не могло быть примѣнено, и здѣсь мир. судьи должны были опредѣляться правительствомъ *). Затѣмъ это начало было примѣнено и къ окраинамъ. Такимъ образомъ, эти отступленiя не должны, такъ сказать, идти въ счетъ, ибо они отчасти имѣли характеръ временный, отчасти же — „если, какъ говоритъ комиссiя, въ Привислянскомъ, или Прибалтiйскомъ краѣ, въ Туркестанѣ или Приморской области, вслѣдствiе особыхъ условiй ихъ политическаго или географическаго положенiя, судебное устройство дѣйствительно должно было подвергнуться болѣе или менѣе существеннымъ видоизмѣненiямъ“, то это не можетъ имѣть никакого отношенiя къ кореннымъ русскимъ губернiямъ. Если же отбросить указанныя мѣстныя отличiя (Кавказа, Сибири и т. д.), то окажется, что все разнообразiе внесено исключительно закономъ 12 iюля 1889 г. передавшимъ судебныя функцiи мир. судей въ руки земскихъ начальниковъ и вызвавшимъ, благодаря этому, созданiе гор. судей и уѣздныхъ членовъ, причемъ, какъ мы уже знаемъ,**) передача эта совершилась безъ предварительной подготовки и внѣ всякой зависимости отъ достоинствъ и недостатковъ мирового института. Напротивъ, сенаторскiя ревизiи конца семидесятыхъ годовъ обнаружили, что новый судъ, и въ частности, мировыя учрежденiя, представляются единственнымъ свѣтлымъ пятномъ на мрачномъ фонѣ нашей провинцiальной жизни.

---

*) Т. I, с. 55.

**) См. выше, с. 176, сл.

„Къ справедливости и безпристрастію мироваго суда, читаемъ мы въ одномъ изъ отчетовъ,—вообще существуетъ довѣріе и между прочимъ въ этомъ отношеніи крестьяне нерѣдко отдаютъ ему предпочтеніе передъ волостнымъ судомъ, въ виду меньшаго въ немъ вліянія сильныхъ и богатыхъ лицъ ихъ среды... Въ общемъ выводѣ полученныхъ при ревизіи свѣдѣній настоящее состояніе судебныхъ установленій представляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не вполнѣ удовлетворительнымъ. Однако недостатки, на которые эти свѣдѣнія указываютъ, не касаются началъ, положенныхъ судебными уставами 20 ноября 1864 года въ основаніе устройства мироваго суда. Напротивъ, двѣнадцатилѣтняя дѣятельность мироваго суда въ обревизованныхъ губерніяхъ, не смотря на обнаружившіяся слабыя ея стороны, служитъ яркимъ подтвержденіемъ благодѣтельности суда для всѣхъ равнаго, устнаго, гласнаго и отправляемаго судьями самостоятельными въ исполненіи своихъ обязанностей. Замѣнивъ собою частью прежніе суды съ сословнымъ устройствомъ и тайнымъ письменнымъ производствомъ, частью полицейскую расправу въ маловажныхъ дѣлахъ судебнаго свойства, мировой судъ въ значительной мѣрѣ ввелъ въ народную жизнь сознаніе права и законности. Онъ распространилъ правосудіе на такую среду лицъ и отношеній, для которыхъ оно было прежде совершенно недоступнымъ. Понятно, что населеніе дорожитъ такимъ судомъ и высоко цѣнитъ дарованныя ему мировыя судебныя учрежденія, не смотря на всѣ частныя нареканія на неудовлетворительность ихъ въ томъ или другомъ отношеніи".

При такихъ условіяхъ казалось вполнѣ естественнымъ, что когда зашла рѣчь объ объединеніи, причемъ комиссія торжественно увѣряла, что предполагалось избѣжать не только ломки, но даже и реформы, то мысль невольно должна была вернуться къ старому испытанному порядку и поставить на очередь вопросъ о возстановленіи выборнаго мирового института, о чемъ, по словамъ министра юстиціи, мечтаютъ многочисленные поклонники суд. уста-

вовъ *). Но на этомъ, такъ сказать, неизбѣжномъ пути неожиданно встрѣтилось весьма серьезное препятствіе: одна изъ многочисленныхъ рѣчей предсѣдателя (вступительная) повѣдала комиссіи, что къ числу основныхъ началъ, на которыхъ построены судебные уставы 1864 г., тѣхъ началъ, которыя „успѣли войти въ кровь и плоть нашей страны, сдѣлались привычнымъ и дорогимъ достояніемъ народа и не имѣютъ въ себѣ ничего отвлеченнаго, теоретическаго, навѣяннаго, подражательнаго" **), принадлежитъ между прочимъ и то, что судъ долженъ быть государственный, правительственный. А такъ какъ комиссія, по словамъ „Об. записки", только и заботилась о томъ, чтобы остаться вѣрной завѣтамъ судебныхъ уставовъ, то она и сочла лишнимъ углубляться въ разсмотрѣніе вопроса о значеніи выборнаго мирового института и ограничилась мимолетными, незначащими замѣчаніями, вродѣ того, что самое „появленіе (закона 12 іюля 1889 г.) вызвано было *до нѣкоторой степени* обнаруженными несовершенствами выборнаго мироваго института", изъ чего, повидимому, слѣдуетъ заключить, что въ главной степени эта реформа вызвана причинами, лежавшими внѣ судебнаго строя, отъ него независѣвшими, или что „задача примирителя сторонъ защитника мѣстныхъ пользъ и охранителя общественнаго порядка не получила въ дѣятельности мировыхъ судей желательнаго осуществленія", причемъ въ подтвержденіе дѣлается ссылка на сужденія Госуд. Совѣта 1862 г., а между тѣмъ въ это время реформа не была еще даже осуществлена.

Спора нѣтъ: эта преданность комиссіи завѣтамъ 60-хъ годовъ даже трогательна, но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ произошло какое-то необъяснимое недоразумѣніе. Вѣдь выборное начало это и есть историческое достояніе нашей національной юстиціи, и, какъ извѣстно, при выработкѣ суд. уставовъ 1864 г. шелъ лишь вопросъ объ объемѣ примѣне-

---

*) Послѣднія рѣчи с. 97.

**) Т. I, с. 5.

нія выборнаго начала, а въ судебныхъ уставахъ изданія государственной канцеляріи *) мы читаемъ, что „принято за *основное начало судоустройства*, что мировые судьи и присоединяемые къ окр. судамъ присяж. засѣдатели назначаются по выборамъ сословій“.

Мало того, комиссія и сама отлично сознаетъ всю важность выборнаго начала: такъ, изъ VI т. „Объяснит. записки“ **) мы узнаемъ, что упраздненіе грозило, между прочимъ, и выборному гминному суду. „Въ 1898 г. бывшій варшавскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Гурко, признавая дѣятельность гминныхъ судовъ неудовлетворительною, полагалъ ихъ упразднить, а вмѣсто нихъ учредить мировыхъ судей по назначенію отъ правительства“, но комиссія, присоединяясь къ заключенію сенатора Аристова (бывшаго старшаго предсѣдателя варш. суд. палаты), нашла, что „особенность обитателей (деревни) нуждается и въ соотвѣтственномъ судѣ и въ такихъ исполнителяхъ воли законодательства, которые понимали бы и особенности, знали бы ихъ и, заключая въ себѣ основы довѣрія, могли бы устанавливать правовыя между ними отношенія. Въ виду этого комиссія и рѣшила сохранить организацію гминнаго суда на выборномъ началѣ“. Само собой разумѣется, конечно, что соображенія эти ничего не теряютъ въ своей важности отъ того, что они помѣщены въ VI т., а не въ первомъ, ибо они не содержатъ ничего, спеціально относящагося до гминнаго суда, и съ тѣми же основаніями, очевидно, могутъ быть отнесены ко всякому мѣстному суду вообще. Въ частности относительно угол. суда комиссія сама подтверждаетъ, что такого сомнѣнія никогда не возникало для законодательной мудрости нашего отечества; она во всѣ эпохи исторіи обращалась къ участію въ уголовномъ судѣ общественныхъ судей—были ли это судные мужи, губные старосты и цѣло-

*) Ч. 3, с. XXIV.
**) Стр. 142—145.

вальники, выборные сословные судьи и т. д. *) Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что комиссія допустила столь явную ошибку, ибо ошибка эта повлекла за собою чрезвычайно серьезныя послѣдствія, которыя, въ сущности, требуютъ коренной переработки ея трудовъ. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому неправильному взгляду, выборное начало апріорно было отвергнуто комиссіей, вопросъ о значеніи и роли мирового института не былъ предложенъ мѣстнымъ дѣятелямъ, о мировомъ институтѣ не упоминалось вовсе въ ревизіонныхъ отчетахъ, и въ мимолетныхъ разсужденіяхъ комиссіи по этому вопросу нѣтъ никакихъ ссылокъ на какіе бы то ни было подготовительные матеріалы и труды; всѣ эти разсужденія висятъ въ воздухѣ. А между тѣмъ оказался упраздненнымъ институтъ, составлявшій основу судоустройства, и такимъ образомъ, очевидно, что въ дѣлѣ преобразованія мѣстной юстиціи комиссія весьма существенно уклонилась отъ тѣхъ задачъ, которыя ей были поставлены: ограничиться лишь улучшеніемъ, а не предпринимать ломку и даже не реформу,— и произвела рѣшительный переворотъ. Дѣйствительно, на стр. 29 (т. I) комиссія и сама заявляетъ, что она „полагала необходимымъ озаботиться, чтобы предположенному расширенію власти единоличныхъ органовъ мѣстнаго суда сопутствовало коренное измѣненіе всей организаціи сего суда“. Такимъ образомъ комиссія сама положительно признаетъ, что она вышла далеко за предѣлы намѣченныхъ ею задачъ, и, слѣдовательно, уже apriori трудъ ея въ части, касающейся мѣстной юстиціи, долженъ быть признанъ несоотвѣтствующимъ своей цѣли и подлежащимъ полнѣйшему пересмотру.

Что же предлагаетъ комиссія вмѣсто отвергнутыхъ ею или, вѣрнѣе, забытыхъ мировыхъ судей, о которыхъ довольно пренебрежительно замѣчается, что они „существуютъ и дѣйствуютъ отдѣльно отъ общихъ судебныхъ установленій, притомъ въ сравнительно ограниченныхъ предѣлахъ компетен-

---

*) Т. II, с. 76.

ціи". На смѣну имъ предположено учрежденіе участковыхъ судей, назначаемыхъ отъ правительства, являющихся въ качествѣ единоличныхъ судебныхъ органовъ ближайшими къ населенію представителями судебной власти въ предѣлахъ отдѣльныхъ участковъ округа окр. суда, вѣдающихъ исковыя гражданскія дѣла, какъ о движимомъ, такъ и о недвижимомъ имуществѣ, на сумму до 1.000 руб., охранительное судопроизводство въ возможно широкихъ предѣлахъ и большую часть дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, не влекущихъ наказаній, соединенныхъ съ ограниченіемъ или лишеніемъ правъ. Кромѣ того, уч. судьи сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всѣ судебныя дѣйствія, допускающія подобное соединеніе, а именно: производство предварительныхъ слѣдствій дѣлъ охранительнаго порядка, а при извѣстныхъ условіяхъ— и нотаріальныя функціи.

Нельзя сказать, чтобы планъ комиссіи отличался особой оригинальностью, новизною. Такой порядокъ уже давно существуетъ, какъ подробно отмѣчается въ „Объяснительной запискѣ", на нѣкоторыхъ окраинахъ (Закавказье, Архангельская губернія, Сибирь, Черноморская губ., Туркестанскій край и Степныя области) и—ex oriente lux—комиссія расчитываетъ, что именно этотъ окраинный порядокъ обезпечитъ и объединеніе судебнаго устройства, и приближеніе судебной власти къ населенію, и возможное упрощеніе судебной организаціи и послѣдовательное примѣненіе ко всѣмъ частямъ судоустройства начала государственнаго значенія суда.

При ближайшемъ разсмотрѣніи проектируемой реформы оказывается, что въ дѣйствительности будетъ достигнуто лишь уничтоженіе выборнаго начала, но какимъ образомъ осуществятся всѣ остальныя ожидаемыя блага—положительно нельзя понять. Въ самомъ дѣлѣ, начнемъ съ объединенія: мы уже говорили, что сложность мѣстной юстиціи съ ея разнообразной подсудностью и разнообразіемъ процессуальныхъ пріемовъ и правилъ создалась, въ сущности, потому, что въ строй судебныхъ установленій Императора Александра II,

дѣйствовавшій въ 37 губерніяхъ Европейской Россіи, закономъ 12 іюля 1889 г. введены были совершенно новыя, построенныя на иныхъ началахъ, судебно-административныя учрежденія. Поэтому объединеніе, очевидно, нужно было начать съ этого конца, и дѣйствительно, во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра юстиціи *) весьма краснорѣчиво указывалось на неудобства соединенія въ однихъ присутствіяхъ чиновъ судебнаго и административнаго вѣдомства: такое соединеніе приводитъ къ столкновеніямъ, а предупредить подобные случаи безсильна и власть центральныхъ вѣдомствъ, ибо причина ихъ нерѣдко кроется въ неизбѣжномъ до извѣстной степени различіи взглядовъ на свое назначеніе между чинами администраціи, исполняющими судебныя функціи, съ одной стороны, и профессіональными судьями—съ другой". Поэтому министръ предлагалъ сохранить въ неприкосновенности начало подсудности органамъ министерства внутр. дѣлъ всѣхъ дѣлъ, затрогивающихъ ближайшіе интересы и надобности сельскаго населенія, и въ то же время облегчить этимъ властямъ возможность успѣшно исполнять ихъ многосложныя административныя обязанности, безъ отвлеченія ихъ, какъ нынѣ, такими чисто-судебными и не относящимися до сельскаго быта задачами, которыя могли бы быть возложены на органы судебнаго вѣдомства. Въ связи съ этимъ предполагалось удалить судебный элементъ изъ уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій.

Независимо отъ этого предъ нами категорическое заявленіе предсѣдателя комиссіи въ одномъ изъ первыхъ ея засѣданій, что вырабатываемый проектъ долженъ быть направленъ къ выдѣленію судебнаго вѣдомства изъ учрежденія земскихъ начальниковъ и оставленію за ними той судебной власти, которая необходима для немедленнаго охраненія порядка и безопасности и для огражденія правъ частныхъ лицъ въ повседневной, бытовой и хозяйственной

*) „Об. зап.", т. I, с. 76.

жизни сельскихъ мѣстностей и къ передачѣ остальныхъ засимъ дѣлъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ, чисто судебныхъ органовъ. Вотъ почему одинъ изъ членовъ комиссіи, сенаторъ В. А. Желеховскій и заявляетъ въ одномъ изъ своихъ особыхъ мнѣній, что „въ началѣ работъ комиссіи многіе изъ ея членовъ— въ томъ числѣ и я—полагали, что возстановленіе начала отдѣленія властей судебной и административной составитъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ комиссіи, и что труды ея будутъ имѣть послѣдствіемъ всѣми давно ожидаемое упраздненіе судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ и возвращеніе судебнымъ установленіямъ исключительнаго права вѣдать судебныя дѣла“. Но къ величайшему изумленію, ничего подобнаго не случилось: комиссія вовсе и не вошла въ обсужденіе этого вопроса на томъ основаніи, что хотя примѣненіе выработаннаго комиссіей плана въ 37 губерніяхъ, въ коихъ дѣйствуетъ законъ 12 іюля 1889 г., „въ значительной степени усложняется существованіемъ въ нихъ своеобразнаго суда, но пересмотръ этого закона, касающагося, главнымъ образомъ, установленій министерства внутреннихъ дѣлъ, не входитъ въ кругъ задачъ“. Очевидно, здѣсь сказался бюрократическій принципъ вѣдомственности, столь явно противорѣчащій общегосударственнымъ интересамъ: учреждается комиссія для пересмотра законоположеній по суд. части, ей указывается на необходимость пересмотра и закона о земскихъ начальникахъ и тѣмъ не менѣе она совершенно обходитъ значительнѣйшую и важнѣйшую область мѣстной юстиціи, какъ состоящей въ чужомъ вѣдомствѣ. Нельзя не согласиться съ замѣчаніями, высказанными въ отзывѣ министерства финансовъ на „труды“ комиссіи: „Дѣло правосудія, кѣмъ бы оно ни отправлялось, по самому существу своему не можетъ быть чуждымъ или постороннимъ министерству юстиціи, да и, вообще, столь важный вопросъ, какъ полный пересмотръ законоположеній по судебной части, можетъ разсматриваться только съ точки зрѣнія общегосударственной, а никакъ не въ предѣлахъ компетен-

ціи одного вѣдомства, и, если въ той или другой части онъ касается двухъ или нѣсколькихъ министерствъ, то разработка его должна совершаться совмѣстною ихъ дѣятельностью" *).

А если комиссія фактически лишена была возможности войти въ обсужденіе закона 12 іюля 1889 г., то въ такомъ случаѣ нельзя не повторить словъ члена комиссіи А. Ѳ. Кони, сказанныхъ имъ въ его особомъ мнѣніи: „Если нельзя достигнуть ни объединенія, ни приближенія юстиціи къ народу то для чего же и перестраивать окрѣпшее отъ свыше тридцатилѣтняго опыта зданіе, созданное учрежденіемъ суд. установленій 20 ноября 1864 г." и само собою разумѣется, что Госуд. Совѣтъ, стоящій внѣ вѣдомствъ, не согласится, чтобы столь важный вопросъ, какъ полный пересмотръ законоположеній по суд. части, разсматривался не съ общегосударственной точки зрѣнія, а въ предѣлахъ компетенціи одного вѣдомства, и поэтому вынужденъ будетъ, во всякомъ случаѣ, потребовать дополненія трудовъ анализомъ результатовъ пятнадцатилѣтняго примѣненія закона о земскихъ начальникахъ, заключеніемъ о дальнѣйшей судьбѣ его и согласованіемъ съ проектируемой реформой.

Такъ или иначе, но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что важнѣйшая цѣль—объединеніе суд. организаціи—абсолютно не достигнута, даромъ что для этого комиссія рѣшилась на столь сильное средство, какъ перенесеніе въ центръ Имперіи окраиннаго судоустройства, того самаго судоустройства, которое комиссія сама признаетъ ненормальнымъ, такъ какъ оно подвергается болѣе или менѣе существеннымъ видоизмѣненіямъ, вслѣдствіе особыхъ условій политическаго или географическаго положенія окраинъ.

Все сказанное выше относится, конечно, только къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ дѣйствуетъ положеніе о земскихъ начальникахъ. Что же касается остальныхъ (за исключеніемъ окраинныхъ) мѣстностей, а именно западныхъ губерній, обла-

---

*) Отзывъ, с. 17.

сти Войска Донскаго и нѣкоторыхъ городовъ и уѣздныхъ мѣстностей другихъ губерній, то здѣсь, какъ говоритъ „Объяснит. записка“ *), „единообразное примѣненіе выработанныхъ комиссіей, сообразно выяснившимся требованіямъ жизни и указаніямъ судебной практики, главныхъ основаній будущаго судебнаго устройства не представляетъ никакихъ затрудненій“. Дѣйствительно, внѣшнихъ затрудненій здѣсь, повидимому, никакихъ не представляется, но вѣдь и то нужно принять во вниманіе, что въ разсматриваемыхъ мѣстностяхъ и нынѣ нѣтъ того разнообразія, которое такъ живописуется въ „Объяснительной запискѣ“, и едва ли есть какое-нибудь основаніе (по крайней мѣрѣ комиссія его не указываетъ) замѣнять дѣйствующій порядокъ другимъ при такихъ условіяхъ. Но мало того: какъ извѣстно, министерство внутреннихъ дѣлъ стремится все болѣе расширить пространство дѣйствія закона 12 іюля 1889 г.: съ тѣхъ поръ, успѣли, напр. распространить реформу эту на западныя губерніи. Такимъ образомъ, если бы проектъ комиссіи осуществился, то легко могло бы случиться, что вслѣдъ за коренной ломкой, которую онъ произвелъ бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сейчасъ же произошла бы и вторая ломка отъ введенія института зем. начальниковъ. Едва ли нужно доказывать, что столь быстрая смѣна учрежденій не будетъ способствовать развитію правосознанія въ населеніи и укрѣпленію его чувства законности; напротивъ, она можетъ поколебать увѣренность и такимъ образомъ вызвать замѣшательства въ различныхъ областяхъ нашей общественной жизни.

Второй принципъ, положенный комиссіей во главу угла будущаго судоустройства,—это приближеніе суда къ населенію. Ради осуществленія этого принципа комиссія не остановилась передъ самыми крайними средствами. Во-первыхъ, какъ мы уже говорили, чрезвычайно расширена подсудность участковаго судьи, а во-вторыхъ,—вдвое сокращена терри-

---

*) Т. II, с. 14.

торіальная подсудность, т. е. уменьшены участки судей. Собственно говоря, послѣднее средство является весьма простымъ и самымъ естественнымъ способомъ осуществленія стремленія приблизить судъ къ населенію, но на этотъ разъ оно куплено дорогой цѣной. Дѣйствительно, когда говорятъ о приближеніи, то вѣдь не думаютъ объ одной пространственной близости. Справедливо замѣчаетъ А. І. Дукмасовъ въ своей книгѣ „Вопросы права и закона": „Близость можетъ быть понимаема только въ духовномъ смыслѣ, а не въ близости разстоянія, ибо каждый лучше согласится сдѣлать нѣсколько верстъ лишнихъ, только бы судьи пользовались его довѣріемъ. Люди, духовно чуждые другъ другу, одинаково далеки между собою, живутъ ли они въ разныхъ концахъ земли, или случайно находятся рядомъ. Если, напр., для населенія будутъ посылаться судьи-чиновники, да еще низшихъ рангов и изъ такихъ, о которыхъ, напр., говоритъ кн. Мещерскій, т. е. имѣющихъ въ виду только выслужиться, то хотя бы тогда судьи были посажены въ каждомъ поселеніи, они одинаково будутъ далеки отъ народа, какъ и народъ отъ нихъ". Да и самъ Н. В. Муравьевъ, возставая въ Госуд. Совѣтѣ противъ присвоенія крестьянскимъ начальникамъ въ Сибири судебныхъ функцій увѣрялъ, что „близкая къ народу власть не тѣмъ полезна и сильна, какой мундиръ на ея носителѣ и не тѣмъ, что она въ широкихъ размѣрахъ можетъ все: и распоряжаться, и рѣшать, и пресѣкать и наказывать, а тѣмъ, что точно опредѣленныя ея обязанности дѣйствительно выполнимы въ предѣлахъ средне-человѣческой возможности, что она внушаетъ къ себѣ довѣріе, что распоряженія ея разумны, закономѣрны и не безконтрольны" *)... Вотъ почему, какъ ни ослѣпительна одержанная комиссіей побѣда по части приближенія суда къ населенію,—нужно постараться дать себѣ ясный отчетъ, чего она стоитъ правосудію.

Что касается заплаченнаго за нее чрезмѣрнаго расшире-

*) Историч. очеркъ, с. 238.

нія подсудности участковыхъ судей, то едва ли нужно останавливаться на доказательствахъ, что качество юстиціи отъ этого пострадаетъ: комиссія сама вѣдь подсказываетъ намъ, что „къ занятію должностей участковыхъ судей будутъ призываться лица, только начинающія судебную дѣятельность", а что представляютъ изъ себя такія лица, мы знаемъ уже по отзывамъ самихъ судебныхъ дѣятелей *). Но затѣмъ мы позволимъ себѣ отмѣтить здѣсь то характерное обстоятельство, что едва ли эта мѣра является „результатомъ вдумчивой и основательной провѣрки существующихъ судебныхъ порядковъ": выясненію необходимости этой мѣры „Объяснительная записка" посвящаетъ строкъ сто, причемъ опять таки тщетно мы стали бы искать здѣсь какія-либо указанія на ревизіонные отчеты, на практическій опытъ и т. п. Имѣется одно лишь соображеніе,—и то политико-экономическаго характера,—на тему о томъ, что за протекшія съ означеннаго времени тридцать лѣтъ экономическая дѣятельность народа значительно развилась и усложнилась... и въ связи съ увеличеніемъ количества денежныхъ знаковъ понизилась цѣнность денегъ, такъ что „если тридцать лѣтъ тому назадъ всякое гражданское дѣло на сумму свыше 500 р., дѣйствительно, могло представлять довольно крупный имущественный интересъ, то въ настоящее время значеніе такого интереса (?) можетъ быть связано только съ дѣлами, значительно превышающими по своей цѣнѣ означенный предѣлъ въ 500 р." Кратко, просто и безусловно смѣло, ибо вѣдь остается совершенно неизвѣстнымъ, откуда почерпнуты эти политико-экономическія данныя о сказочномъ ростѣ нашего благосостоянія; а если они и имѣются, то почему „значительное повышеніе" опредѣлено расширеніемъ подсудности вдвое (вмѣсто 500—1.000 р.)? Не только ли потому, что нужно было на какой-нибудь цифрѣ остановиться? Вѣдь съ равнымъ правомъ можно было, на основаніи предложеннаго „немножко" политической

*) Об. записка т. II, с. 290, 291.

экономіи, опредѣлить подсудность участковыхъ судей 2.000 р. и т. п., ad libitum. Но несомнѣнно, что, благодаря сопутствующей этому расширенію подсудности передачѣ въ вѣдѣніе участковыхъ судей и споровъ о недвижимыхъ имѣніяхъ, огромнѣйшая часть нашего населенія,—почти все крестьянство,—будетъ судиться исключительно участк. судьями, или, выражаясь словами комиссіи, „судебныя мѣста, отвѣчающія требованіямъ наиболѣе совершенной судебной организаціи", будутъ предназначены почти исключительно для городского населенія, для такъ назыв. привилегированныхъ классовъ.

Что же касается расширенія уголовной подсудности, то здѣсь отсутствуютъ даже и политико-экономическія соображенія, а говорится лишь, что дѣла безъ участія прис. засѣдателей разбираются не на выѣздныхъ сессіяхъ, а въ мѣстѣ постояннаго пребыванія окр. суда, и потому дальность разстоянія (приводится нѣсколько примѣровъ, которые должны дать понятіе о разстояніи: Кола отъ Архангельска 1.607 в.) является весьма обременительной для потерпѣвшаго, для свидѣтелей и т. д. Къ сожалѣнію, и здѣсь нѣтъ ссылки на ревизіонные отчеты, въ которыхъ, между тѣмъ, объ этомъ не упоминается, такъ что намъ остается совершенно неизвѣстнымъ, откуда почерпнуты приведенныя свѣдѣнія и что комиссія подразумѣваетъ подъ весьма растяжимымъ понятіемъ „обыкновенно". Но если и допустить, что въ устахъ комиссіи это выраженіе обозначаетъ „большею частью", то самъ собою напрашивается вопросъ: почему для устраненія разсматриваемаго явленія не ограничиться установленіемъ точнаго правила о разборѣ такихъ дѣлъ на выѣздныхъ сессіяхъ.

Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться, что, помимо политико-экономическихъ и географическихъ соображеній, комиссія еще ссылается на указанія литературы, причемъ комиссія и здѣсь не брезгаетъ такими ея представителями, какъ, напр., необыкновенно плодовитый и весьма извѣстный авторъ судебной беллетристики мало кому извѣстнаго, нынѣ уже покойнаго „Наблюдателя", В. А. Волжинъ. И однако, просмотрѣвъ выписанныя

здѣсь цитаты, легко можно убѣдиться, что гг. авторы ихъ говорятъ въ сущности о дороговизнѣ нашего процесса („если споръ идетъ о нѣсколькихъ десятинахъ земли, то издержки производства могутъ превышать иногда стоимость самого объекта спора“), а Вербловскій замѣчаетъ: „Теперь уже выяснилось, что изъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ окр. судамъ, есть много такихъ, которыя представляются настолько простыми и несложными, что могли быть отнесены къ вѣдѣнію единоличнаго судьи *). Такимъ образомъ, здѣсь говорится о расширеніи родовой подсудности, и, дѣйствительно, каждому судебному дѣятелю извѣстно, что въ такихъ дѣлахъ, какъ вводъ во владѣніе, утвержденіе дух. завѣщанія, отреченіе отъ наслѣдства, сложеніе запрещеній, уничтоженіе довѣренностей и т. п., роль коллегіи ограничивается только тѣмъ, что входящіе въ нее члены даютъ, не задумываясь, свою подпись подъ резолюціей и протоколомъ засѣданія. Но отсюда никакъ нельзя логически сдѣлать того вывода, что нужно огульно вдвое расширить компетенцію единоличнаго судьи, безотносительно къ роду дѣлъ, ибо, конечно, въ литературѣ не сыщется мнѣнія, которое рѣшается высказать „Объяснит. записка“: будто большая или меньшая важность дѣлъ зависитъ отъ цѣны иска.

Правда, послѣ опубликованія проектовъ въ печати, появилась горячая защита ихъ со стороны одного изъ судебныхъ дѣятелей уже знакомаго намъ **) К. П. Змирлова, но для характеристики этой защиты достаточно будетъ указать, что, ссылаясь, при описаніи англійскаго мѣстнаго суда, на статью г. Леонтьева, г. Змирловъ увѣряетъ насъ, что въ Англіи единоличному суду графствъ подсудны споры о правѣ на недвижимое имущество цѣною до 940 р. включительно ***), между тѣмъ какъ въ упомянутой статьѣ г. Леонтьевъ сообщаетъ, что споры о правѣ собственности на недвижимое имущество

---

*) „Об. з.“, т. I, с. 27.

**) См. выше, с. 202, сл.

***) „Ж. М. Ю.“ 1901 г. № 1, с. 8.

изъяты по роду своему изъ подсудности суда графствъ *). Но даже и г. Змирловъ,—которому все кажется въ чрезвычайно розовомъ свѣтѣ, который съ презрительной иронiей относится даже и къ такимъ указанiямъ, что ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, хотя они гораздо богаче насъ, не допущено столь широкой подсудности единоличному судьѣ, и отвѣчаетъ на эти указанiя одними восклицательными знаками; г. Змирловъ, который основываетъ возможность расширенiя подсудности у насъ на томъ обстоятельствѣ, что въ различныхъ государствахъ установлена различная подсудность и, слѣд., цифра не составляетъ принципа и мы вольны назначить хоть и нѣсколько тысячъ, а не одну;—такъ вотъ, даже г. Змирловъ, рѣшительно утверждаетъ, что съ точки зрѣнiя интересовъ участвующихъ лицъ, важность дѣла далеко не всегда совпадаетъ со стоимостью предмета спора: это нынѣ азбучная истина. Затѣмъ, съ точки зрѣнiя большей или меньшей сложности даннаго дѣла или его трудности для разрѣшенiя, точно также не играетъ никакой роли имущественная цѣнность этого дѣла: иски въ десятки и сотни тысячъ могутъ быть гораздо легче и проще, чѣмъ иски, стоимость которыхъ не доходитъ и до ста рублей **).

Несмотря на это, комиссiя съ такой настойчивостью противорѣчитъ азбучной истинѣ, что даже дѣла объ утвержденiи дух. завѣщанiй распредѣляетъ по подсудности между участковыми судьями и окр. судами, смотря по цѣнѣ завѣщаннаго имущества (ст. 1746 проекта).

Итакъ, въ результатѣ оказывается, что придуманному комиссiей приближенiю суда къ населенiю опять принесенъ въ жертву одинъ изъ принциповъ судебныхъ уставовъ, согласно которому къ предметамъ вѣдомства мир. судьи должны быть отнесены только дѣла самыя простыя и несложныя, не представляющiя трудности въ разрѣшенiи ***), а взамѣнъ

*) „Ж. М. Ю.“ 1899 г. № 9, с. 48.

**) Ib. с. 23.

***) Суд. уставы изд. Госуд. канц., т. I, с. 43.

этого принципа выставлено новое начало, предоставляющее совершенную судебную организацію только зажиточнымъ классамъ населенія.

Но и это еще не вся и даже не большая часть цѣны, которую спрашиваетъ съ насъ комиссія за сулимое приближеніе суда къ населенію. Дѣло въ томъ, что хотя „при расширеніи круга вѣдомства участковыхъ судей, соотвѣтственно изложеннымъ выше предположеніямъ, къ *нимъ* должно перейти отъ окружныхъ судовъ болѣе $^1/_3$ подсудныхъ *имъ* (очевидно: *нимъ* это уч. судьи, *имъ* это окр. суды) нынѣ гражд. дѣлъ и около половины уголовныхъ“ *), тѣмъ не менѣе, такъ какъ и земскіе начальники остаются на прежнихъ основаніяхъ, то комиссія боится, что участковымъ судьямъ нечего будетъ дѣлать, и приходитъ къ тому, что „при незначительномъ, сравнительно, количествѣ суд. дѣлъ, которыя во многихъ мѣстностяхъ приходились бы на долю каждаго изъ участковыхъ судей,—въ случаѣ образованія въ предѣлахъ уѣзда нѣсколькихъ участковъ,—самое учрежденіе упомянутыхъ должностей въ такомъ числѣ, при коемъ судебная власть была бы дѣйствительно близка къ населенію, оказывается возможнымъ только при условіи сосредоточенія въ рукахъ названныхъ должностныхъ лицъ, помимо производства судебныхъ дѣлъ, также и всѣхъ обязанностей, которыя допускали бы такое соединеніе“ **). И отсюда комиссія приходитъ къ выводу о совмѣщеніи въ одномъ лицѣ функцій судьи и суд. слѣдователя. Неужели же этотъ выводъ и есть одно изъ тѣхъ положеній, которыя, „не имѣя въ себѣ ничего отвлеченнаго, теоретическаго, навѣяннаго, подражательнаго, образуютъ охранительный, если можно такъ выразиться, консервативный элементъ нашихъ судебныхъ порядковъ“ ***). Неужели наша самобытность должна заклю-

*) Т. I, с. 53.
**) Т. II, с. 25.
***) Т. I, с. 5.

чаться въ томъ, чтобы вводить въ Россію тѣ порядки, которые существуютъ нынѣ въ малонаселенныхъ, некультурныхъ окраинахъ Имперіи, какъ ихъ называетъ сама комиссія (с. 10), ибо именно здѣсь „въ рукахъ ближайшихъ къ народу судебныхъ органовъ сосредоточены, *по возможности*, всѣ судебныя функціи, допускающія такое соединеніе". Единственное, слѣд., отличіе отъ некультурныхъ окраинъ будетъ заключаться въ томъ, что у насъ принципъ соединенія проводится рѣшительнѣе, безъ ограниченія его словами: „по возможности". Едва ли есть основаніе серьезно считаться съ предлагаемой здѣсь мѣрой. Прежде всего опять нужно замѣтить, что во всякомъ случаѣ предлагаемая организація очевидно составляетъ, по справедливому замѣчанію одного изъ членовъ комиссіи, б. сенатора Н. И. Закревскаго *), коренную ломку существующаго судоустройства, ибо учрежденіе особой должности судебныхъ слѣдователей составляло одно изъ основныхъ положеній судебныхъ уставовъ **). Уничтожая такое основное положеніе, комиссія опять вышла изъ предѣловъ намѣченныхъ ей задачъ — избѣжать ломки, и ограничиться даже не реформой, а лишь частными улучшеніями.

Но и помимо этого, нельзя не замѣтить, что судьбу предлагаемой мѣры можно считать въ значительной мѣрѣ предрѣшенной. Дѣло въ томъ, что она является отзвукомъ давно минувшаго времени. При обсужденіи судебныхъ уставовъ Александра II возложеніе на мировыхъ судей слѣдственныхъ функцій было предложено тогдашнимъ министромъ вн. дѣлъ графомъ Валуевымъ, злѣйшимъ врагомъ суд. уставовъ, недостаточно знакомымъ съ бытовыми условіями русской исторической жизни и требованіями современной дѣйствительности ***). Но Государственный Совѣтъ рѣшительно отвергъ это предложеніе ****) и почти всѣ соображенія,

*) Особ. мнѣніе. Прил. 3 къ т. II.

**) См. суд. уст. въ изд. Госуд. канц., ч. III, с. VIII.

***) См. сл. Брокгауза, т. V с. 438.

****) См. объ этомъ подробно въ курсѣ Фойницкаго. т. 1. с. 479 —472.

высказанныя тогда, сохранили всю свою силу и въ настоящее время *); они же были вновь высказаны Госуд. Совѣтомъ, при обсужденіи реформы 12 іюля 1889 г., когда б. министръ юстиціи Н. А. Манассеинъ предлагалъ возложить на судебнаго слѣдователя функціи предназначенныхъ тогда къ уничтоженію судей, и поэтому нельзя не согласиться съ прорицаніемъ Н. И. Закревскаго, что полное, естественное и вполнѣ заслуженное крушеніе всѣхъ работъ комиссіи по уголовной части явится неизбѣжнымъ, практическимъ результатомъ той, ничѣмъ не оправдываемой ломки, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Тѣмъ не менѣе любопытно посмотрѣть, чѣмъ же въ дѣйствительности комиссія оправдываетъ такую коренную ломку. Аргументація,—хотя и отличается замѣчательной краткостью,— состоитъ изъ соображеній, во-первыхъ, теоретическихъ, а во вторыхъ, практическихъ. Теоретическія заключаются въ томъ, что самый процессъ мышленія, тотъ методъ и тѣ способы, которыми и судья, и слѣдователь оперируютъ при своихъ разслѣдованіяхъ, имѣютъ такъ много общаго, что на практикѣ почти совпадаютъ: и по тому, и по другому роду дѣлъ однѣ и тѣ же дѣйствія и пріемы ведутъ къ раскрытію судебной истины **). Все это безспорно и въ высокой степени справедливо, но если это соображеніе мо-

---

*) „Хорошимъ мировымъ судьею можетъ быть только тотъ, къ кому населеніе будетъ всегда имѣть возможность обратиться и найти у него защиту. Но можно ли ожидать сего отъ людей, которые вѣчно будутъ въ разъѣздахъ для производства осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ и другихъ слѣдственныхъ дѣйствій... Судья долженъ быть совершенно независимъ и самостоятеленъ. Но съ возложеніемъ на него производства слѣдствій, онъ долженъ будетъ дѣйствовать подъ надзоромъ прокурора и его товарища. Сверхъ того, окр. судъ будетъ имѣть право поручать ему какъ дополненіе слѣдствій, такъ и собраніе различныхъ свѣдѣній... Такимъ образомъ, предлагаемая система имѣла бы прямымъ послѣдствіемъ то, что у насъ не было бы ни хорошихъ слѣдователей, ни порядочныхъ мир. судей“.

**) Т. II, с. 27.

жетъ служить доказательствомъ возможности совмѣщенія разсматриваемыхъ функцій, то, какъ остроумно замѣчено было въ С.-Пет. юрид. обществѣ при обсужденіи проектовъ комиссіи *), съ равнымъ успѣхомъ можно доказывать, что защита и обвиненіе могутъ быть сосредоточены въ одномъ лицѣ, ибо прокуроръ и защитникъ пользуются однимъ методомъ мышленія. Другой теоретическій доводъ основанъ на томъ, что „въ предѣлахъ изслѣдованія слѣдователь въ сущности есть тотъ же уголовный судья, только сошедшій съ своего судейскаго кресла и дѣятельно самъ собирающій доказательства, вмѣсто того, чтобы брать ихъ отъ обвиненія и защиты".

О значеніи этого довода мы уже говорили выше **) и нѣтъ надобности возвращаться къ нему еще разъ. Что же касается практическихъ соображеній, то они по силѣ своей не уступаютъ теоретическимъ. Комиссія кладетъ въ основу постройки отзывы, сообщенные ревизорами, которые, уже во время хода работъ комиссіи, были спеціально назначены для обслѣдованія этого вопроса въ Архангельской губерніи и Сибири. Позволяемъ себѣ думать, что комиссія отнеслась съ слишкомъ большимъ довѣріемъ къ этимъ отзывамъ отдѣльныхъ лицъ. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы заподозрить гг. ревизоровъ въ предвзятости мнѣній, въ изготовленіи заранѣе продиктованныхъ отвѣтовъ, но и при полной добросовѣстности субъективное отношеніе къ той или другой реформѣ оказываетъ весьма рѣшительное вліяніе на окончательные выводы. И притомъ, о чемъ же въ сущности свидѣтельствуютъ эти отзывы. О томъ, что судьи „пріурочиваютъ слѣдственныя дѣла къ судебнымъ и наоборотъ", что „населеніе свыклось съ періодическими выѣздами судьи, — оно ждетъ его прибытія"? Что же въ этомъ хорошаго, что населеніе свыклось съ такимъ ненормальнымъ порядкомъ? Мы-то вѣдь свыклись уже съ другимъ, болѣе разумнымъ и бо-

*) См. „Право", 1900, № 9 с. 507.
**) См. с. 228.

лѣе соотвѣтствующимъ условіямъ культурнаго государства, и замѣна его „періодическими выѣздами“ составитъ несомнѣнно шагъ назадъ. И какъ странно, что комиссія все свое вниманіе сосредоточила на указанныхъ мѣстностяхъ, не остановившись даже предъ специальной ревизіей, хотя, казалось бы, помимо кратковременности опыта, рѣдкость населенія, огромныя разстоянія и т. д. дѣлаютъ Сибирь и Архангельскую губ. совершенно непригодными для сравненія. А между тѣмъ у насъ есть болѣе продолжительный и болѣе подходящій примѣръ Кавказа, и вотъ,—какъ намъ сообщаютъ мѣстные судебные дѣятели—созванная главноначальствующимъ комиссія подъ предсѣдательствомъ т. с. Мицкевича, обсуждая разсматриваемые проекты, категорически заявляетъ, что „опытъ закавказской юстиціи, указываетъ, что совмѣщеніе въ одномъ лицѣ такихъ обязанностей (судьи и судебнаго слѣдователя) ведетъ къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ“, и, категорически протестуя противъ предложенія проекта, комиссія Мицкевича справедливо замѣчаетъ: „Судья, творящій судъ, всегда долженъ быть на мѣстѣ и тяжущіеся не должны рисковать встрѣтить двери суда закрытыми; доступъ въ него долженъ быть свободный и безпрепятственный во всякое время встрѣченной нужды; картины долгаго, томительнаго и безплоднаго ожиданія судьи, отправившагося на слѣдствіе, не должны болѣе повторяться; и населенію, вслѣдствіе сего вынужденному обращаться къ услугамъ темныхъ ходатаевъ по чужимъ дѣламъ, долженъ быть открытъ свободный путь непосредственнаго общенія съ участковымъ судьей. Присутствіе его на мѣстѣ во всякое время особенно важно еще и потому, что на него проектомъ возлагаются нотаріальныя обязанности, гдѣ нотаріусовъ нѣтъ, и попеченіе о принятіи охранительныхъ къ имуществу умершихъ мѣръ; обязанности эти обыкновенно экстреннаго характера, и отсутствіе судьи можетъ привести къ непоправимому имущественному ущербу“.

„Объяснительная записка“ утѣшаетъ насъ, „что, въ случаѣ проведенія реформы въ большинствѣ губерній, у каж-

даго изъ участковыхъ судей (удвоенныхъ въ числѣ, благодаря совмѣщенію функцій) среднимъ числомъ было бы въ мѣсяцъ отъ 3 до 5 слѣдственныхъ дѣлъ, и потому едва ли разъѣзды будутъ служить серьезнымъ препятствіемъ для успѣшнаго отправленія судейскихъ обязанностей" *). Къ сожалѣнію, это утѣшеніе очень слабое, прежде всего потому, что оно основано на ариѳметической ошибкѣ. Пятью страницами раньше, говоря объ обремененности суд. слѣдователей, комиссія приводитъ цифры, изъ коихъ видно, что обремененность ихъ непрерывно возрастала, достигнувъ въ 1898 г. нормы 163 слѣдствій на 1 слѣдователя (стр. 22). Такимъ образомъ по даннымъ статистики на одного слѣдователя приходится въ мѣсяцъ около 14 дѣлъ; уменьшая вдвое, получимъ 7 дѣлъ. Если же за симъ принять во вниманіе, что не мало есть губерній, гдѣ число дѣлъ весьма незначительно, то совершенно явной становится ошибка комиссіи, утверждающей, будто бы въ большинствѣ губерній на 1 слѣдователя приходится отъ 3 до 5 дѣлъ.

Впрочемъ, комиссія могла бы на это замѣтить, что допущенная ею ошибка не имѣетъ существеннаго значенія, потому что дается болѣе сильное средство для достиженія того же результата. Дѣйствительно, придуманная комиссіей мѣра для сокращенія числа дѣлъ у слѣдователя, съ точки зрѣнія рѣшительности, можетъ идти въ сравненіе только съ разрубаніемъ гордіева узла. Мѣра эта состоитъ въ томъ, что, по проекту, предварительное слѣдствіе будетъ обязательно лишь по дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, о причиненіи смерти и умышленнаго нанесенія тяжелыхъ тѣлесныхъ поврежденій и еще по нѣкоторымъ, прямо въ проектѣ указаннымъ (ст. 145 проекта). По всѣмъ остальнымъ дѣламъ, а слѣдовательно и по дѣламъ, влекущимъ лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, производится по общему правилу дознаніе (ст. 109). А до-

---

*) Т. II, стр. 27.

знаніе, какъ видно изъ ст. 107, состоитъ, независимо отъ розысковъ, *въ производствѣ по правиламъ, постановленнымъ для предварительнаго слѣдствія, допросовъ свидѣтелей, осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ и выемокъ*, и на производство всѣхъ этихъ дѣйствій ст. 103 проекта уполномачиваетъ всѣхъ чиновъ полиціи, вплоть до ея низшихъ представителей, — околоточныхъ надзирателей и урядниковъ. Справедливо замѣчаетъ сенаторъ В. А. Желеховскій въ одномъ изъ своихъ особыхъ мнѣній *), что появленіе на горизонтѣ судебныхъ уставовъ полиціи въ роли судебнаго слѣдователя представляется явленіемъ настолько необычайнымъ и настолько противорѣчащимъ духу уставовъ, что на этомъ явленіи слѣдуетъ остановиться съ особымъ вниманіемъ.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, даетъ комиссіи смѣлость предложить эту необычайную мѣру? Неужели ей неизвѣстно, какъ говорится въ томъ же особомъ мнѣніи, что дѣйствія полиціи дали богатѣйшую практику Сенату по 29 ст. уст. о н., неужели она незнакома со всѣми этими процессами Воздухова въ Нижнемъ, Козбы въ Кіевѣ, Лавтизара въ Петербургѣ и т. д., и т. д. Нѣтъ, напротивъ! На основаніи ревизіонныхъ отчетовъ комиссія сама свидѣтельствуетъ, что, напр., заподозрѣнный обязательно допрашивается (указано въ отчетѣ по округу тамбовскаго окружнаго суда), причемъ очень часты случаи вымогательства отъ него сознанія путемъ угрозъ, лишенія свободы и даже причиненія насилій... Бывали примѣры употребленія такихъ же пріемовъ и въ отношеніи свидѣтелей, отказывающихся якобы отъ дачи правильнаго показанія... Въ тифлисскомъ судебн. округѣ при производствѣ дознанія побои (безъ свидѣтелей) и выколачиваніе „сознанія у заподозрѣнныхъ—явленіе заурядное" **). И тѣмъ не менѣе комиссія настолько увлеклась своимъ изобрѣтеніемъ, что даже по тѣмъ наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ, по кото-

*) Т. II, „Об. зап. къ учр. суд. уст.".
**) Т. II, стр. 24.

рымъ предварительное слѣдствіе признано обязательнымъ, слѣдователю предоставляется составить опредѣленіе о томъ, что полицейское дознаніе вполнѣ удовлетворительно и не требуетъ провѣрки.

Съ трудомъ вѣрится, чтобы комиссія министерства юстиціи, призванная совершить улучшеніе судебной части, пришла къ тому, чтобы урѣзывать компетенцію суда и расширять власть административныхъ органовъ. Можно ли было предположить, что поклонникъ судебныхъ уставовъ, министръ юстиціи будетъ предлагать расширеніе компетенціи администраціи насчетъ судебнаго вѣдомства, а министерство вн. дѣлъ будетъ ему указывать, „что, послѣ тѣхъ отзывовъ, которые содержатся въ трудахъ Комиссіи о производствѣ полиціей дознаній, о ея коренныхъ несовершенствахъ, необъяснимымъ представляется возложеніе на ту же полицію большей части тѣхъ обязанностей, которыя нынѣ, по закону, лежатъ на суд. слѣдователяхъ“ *). Такое же мнѣніе высказано было покойнымъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. „Если,—воклицаетъ сенаторъ Желеховскій, замѣна слѣдователей чинами полиціи, въ томъ числѣ даже околоточными и урядниками, составляетъ улучшеніе слѣдственной части, то въ чемъ же могло бы выразиться ея ухудшеніе“? Да, предложить такое средство—значитъ объявить свою несостоятельность, предрѣшить участь всего проекта.

Комиссія, впрочемъ, и сама какъ будто предвидитъ вѣроятный исходъ, сама бьетъ отбой. На стр. 33 т. II записки мы съ великимъ удивленіемъ читаемъ: „Тѣ условія, которыя требуютъ непремѣннаго отдѣленія въ нѣкоторыхъ (!) мѣстностяхъ слѣдственной власти отъ судейской, настолько разнообразны, многочисленны и случайны“... „условія эти настолько непостоянны и измѣнчивы“... Исходя отсюда, комиссія предоставляетъ судамъ съ утвержденія министра юстиціи раздѣлять исполненіе судейскихъ и слѣдовательскихъ

*) Отзывъ, с. 21, 22.

обязанностей. Но какія же это такія „нѣкоторыя“ мѣстности? сколько ихъ—этихъ „нѣкоторыхъ“? Почему въ остальныхъ „нѣкоторыхъ“ все это разнообразіе, многочисленность, случайность, непостоянство и измѣнчивость вдругъ рѣзко смѣняются мертвымъ однообразіемъ? И если, какъ глубоко справедливо замѣчаетъ комиссія, „въ сознаніи населенія только одинъ порядокъ суда можетъ представляться дѣйствительно правильнымъ и вполнѣ отвѣчающимъ высокому призванію судебной власти“, то съ какой же стати осуществленіе этого принципа передать теперь въ руки министра юстиціи и его ближайшихъ сотрудниковъ, среди которыхъ тоже можно наблюдать „разнообразіе, многочисленность, случайность, непостоянство и измѣнчивость“. Сравнимъ, напр., Замятнина и особенно Стояновскаго со смѣнившимъ ихъ гр. Паленомъ; сопоставимъ Н. А. Манассеина, врага суда присяжныхъ, съ Н. В. Муравьевымъ, считающаго себя его убѣжденнымъ защитникомъ. И вспомнимъ при этомъ, что Н. В. Муравьевъ, въ изданныхъ имъ уже послѣ закрытія комиссіи сочиненіяхъ, выступаетъ горячимъ поклонникомъ судебныхъ уставовъ, и однако, въ качествѣ предсѣдателя комиссіи, ему не только не удалось отстоять ихъ основныхъ началъ, но, какъ мы видѣли, приходится идти прямо вразрѣзъ съ ними.

Намъ остается пристальнѣе вглядѣться въ новаго гибрида комиссіи, посмотрѣть, въ какое положеніе проектъ ставитъ участковаго судью, какія мѣры приняты, чтобы онъ явился панацеей отъ всѣхъ золъ, чтобы онъ, съ одной стороны, былъ свободенъ отъ всѣхъ недостатковъ, которыми комиссія такъ безжалостно надѣлила выборныхъ мировыхъ судей, и вмѣстѣ съ тѣмъ не страдалъ тѣми дефектами, которые вмѣняются комиссіей въ вину нынѣшнимъ судебнымъ слѣдователямъ.

„Объяснительная записка“ указываетъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ слѣдственной части—сравнительно недостаточная подготовленность и опытность лицъ, назначаемыхъ на должности судебныхъ слѣдователей *), а изъ ре-

*) Т. II, стр. 21

визіонныхъ отчетовъ мы узнаемъ, что въ настоящее время назначеніе на должности судебныхъ слѣдователей происходитъ по истеченіи отъ 1 года 2 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ со времени поступленія на службу. Для назначенія же на должности участковаго судьи, дѣятельность котораго должна быть много разностороннѣе слѣдователя, комиссія, какъ уже указано выше, беретъ, какъ нормальный, нынѣшній минимальный, т. е. двухлѣтній стажъ *). Почему же участковые судьи окажутся болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ нынѣшніе слѣдователи, если притомъ вся суть реформы подготовки судебныхъ дѣятелей заключается въ томъ, что кандидаты будутъ дѣлиться не на 3 разряда (младшихъ, старшихъ со свидѣтельствомъ и старшихъ съ удостовѣреніемъ), а лишь на два—старшихъ и младшихъ.

Далѣе мы уже знаемъ, что главный, да впрочемъ и единственный указываемый комиссіей недостатокъ мировыхъ судей заключается въ зависимости ихъ отъ избирателей: „При исходѣ трехлѣтія службы большинство судей должно заботиться объ обезпеченіи себѣ новаго избранія, такъ какъ исходъ выборовъ нерѣдко обусловливается вліяніемъ нѣсколькихъ или даже одного изъ гласныхъ“. Отмѣтивъ этотъ фактъ, „Объяснительная записка“ горячо говоритъ о томъ, что независимость есть первое и важнѣйшее требованіе отъ судьи. „Выполненіе этой задачи (судебной дѣятельности) требуетъ прежде всего такой независимости судьи, которая дозволяла бы ему руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ только закономъ и чувствомъ справедливости **). Судебная служба въ новыхъ учрежденіяхъ привлекла даровитыхъ и просвѣщенныхъ людей именно вслѣдствіе самостоятельности ея, общественнаго почета и симпатіи ***).

---

*) Любопытно отмѣтить, что наряду съ этимъ присяжные повѣренные и даже профессора юридическихъ наукъ могутъ быть назначены участковыми судьями лишь послѣ пребыванія ихъ въ этихъ званіяхъ не менѣе шести лѣтъ.

**) Т. I, с. 57.

***) Т. II, с. 274.

Начало судейской несмѣняемости должно быть распространено и на участковыхъ судей, потому что „поставленіе упомянутыхъ судей въ такое служебное положеніе, при которомъ основательными представлялись бы опасенія относительно возможности посторонняго на нихъ вліянія, неминуемо понизило бы уровень самосознанія сихъ судей и ослабило бы авторитетъ и достоинство судебной власти среди мѣстнаго населенія" *). Казалось бы, что послѣ такихъ заявленій можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что положеніе новыхъ судей будетъ прочнѣе скалы. И что же? Рядомъ съ этимъ оказывается, что „правительство несомнѣнно должно имѣть возможность *вліять надлежащимъ образомъ* на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, и направлять ихъ дѣятельность соотвѣтственно интересамъ цѣлаго государства, представителемъ котораго оно является" **). И надо отдать справедливость комиссіи: она приняла весьма положительныя мѣры для того, чтобы это вліяніе было не фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ. Сравнительно съ мировыми — участковые судьи понижены въ классѣ должности (вмѣсто 5-го шестой). Любопытно при этомъ отмѣтить, что когда мировыхъ судей замѣняли городскими, то б. министръ юстиціи Н. А. Манассеинъ не преминулъ понизить классъ должности ихъ, въ виду того, что ихъ компетентность значительно сужена; теперь же, когда вѣдомство новыхъ судей не только сравнено съ вѣдомствомъ мировыхъ судей, но необъятно расширено, вопросъ о возвращеніи прежняго класса должности не возбуждается, и такимъ образомъ судья, который держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити юридической жизни, уже не будетъ первой фигурой въ уѣздѣ, а будетъ стоять на одномъ уровнѣ съ исправникомъ и т. п. Едва ли это обстоятельство будетъ способствовать привлеченію даровитыхъ представителей нашей молодежи на судебную службу.

*) Т. II, с. 290.
**) Т. I, с. 54.

Но пониженіе класса должности чревато и другими, гораздо болѣе важными, послѣдствіями: переведенные изъ 5 класса въ шестой, участковые судьи назначаются не Высочайшею властью, а министромъ юстиціи (ст. 269 проекта), и такимъ образомъ вся мѣстная юстиція, (а въ сущности и вся юстиція, такъ какъ съ расширеніемъ подсудности огромное большинство возникающихъ дѣлъ сосредоточится, какъ мы видѣли, въ вѣдомствѣ единоличныхъ судей) окажется въ рукахъ администраціи министерства *). Правда, кандидаты на должности представляются судебными мѣстами и списокъ ихъ составляется по усовершенствованному испанскому способу **), но вопреки испанскимъ порядкамъ, одобреннымъ Н. В. Муравьевымъ ***), комиссія нашла, что въ Россіи министръ, „само собою разумѣется, долженъ, при представленіяхъ своихъ о назначеніяхъ на судебныя должности, не стѣсняться исключительно указаніями списка, но руководствоваться и *прочими имѣющимися у него свѣдѣніями* о судебныхъ чинахъ, достойныхъ повышенія“ ****). При такихъ условіяхъ эти списки пріобрѣтаютъ, очевидно, весьма второстепенное, въ лучшемъ случаѣ—только вспомогательное значеніе. Объясн. записка сама указываетъ, что въ дѣлѣ назначенія на должности по судебному вѣдомству господствуетъ случайность, а съ этимъ связано участіе протекціи и искательства и „другія нежелательныя обстоятельства и соображенія“. Такое искреннее признаніе министерства заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, тѣмъ болѣе что и въ управленіе нынѣшняго министра, который, по его словамъ *****), приложилъ особыя старанія, чтобы принимать въ наиболѣе серьезное соображеніе

*) Надо еще имѣть въ виду, что уч. судьи могутъ быть замѣняемы кандидатами на суд. должности, которые опредѣляются на службу старш. предсѣдателями.

**) Т. II, с. 277, слѣд.

***) Ibid.

****) Ibid., с. 280.

*****) См. „Ж. М. Ю.“ 1899 г., № 7, с. 127.

мѣстныя представленія о достойныхъ кандидатахъ, -назначеніе членовъ судовъ и палатъ помимо представлений этихъ учреждений не составляетъ исключенія. Затѣмъ комиссія позаботилась о томъ, чтобы „облегчить возможность устраненія“ участковыхъ судей *). Они могутъ быть увольняемы по постановленію особаго состава консультаціи изъ министра, товарища, директора д—та, трехъ оберъ-прокуроровъ и 4 членовъ, спеціально назначаемыхъ министромъ юстиціи. И кто не согласится съ А. Ѳ. Кони, что такое собраніе „могло бы вызывать, быть можетъ, не имѣющее фактическаго основанія, но тѣмъ не менѣе вредное для правильной постановки судейскаго званія, сомнѣніе въ самостоятельности взглядовъ сего совѣщанія“ **). Если же къ этому еще прибавить, что отъ министра юстиціи зависитъ переводъ единоличныхъ судей и оставленіе за штатомъ ***), то очевиднымъ станетъ, что несмѣняемость ихъ осталась въ области благихъ пожеланий комиссіи. Насъ старается утѣшить г. Змирловъ ссылкой на то, что и въ Англіи мировые судьи не пользуются несмѣняемостью, будучи назначаемы и увольняемы лордомъ канцлеромъ. Но г. Змирловъ упустилъ при этомъ изъ виду, что до сихъ поръ лордъ ни разу не примѣнялъ своей власти ****). Поэтому въ Англіи, несмотря на отсутствіе несмѣняемости, англійскіе судьи на просьбу правительства объ ускореніи дѣла отвѣчаютъ: „Англійскаго судью не просятъ ни о чемъ *****). Можетъ ли комиссія обѣщать намъ, что и съ даруемой ею „своеобразной несмѣняемостью“ у насъ водворится подобный порядокъ?

Мы не станемъ утомлять вниманіе читателей анализомъ остальныхъ частей проекта, да и по существу, оно представляется совершенно излишнимъ; мѣстную юстицію проектъ

*) Ibid. 293.

**) Прил. къ т. II, с. 62.

***) Т. II, с. 319.

****) „Ж. М. Ю.“, № 9 за 1899 г., с. 47.

*****) „Ж. М. Ю.“ 1899 г., № 10, ст. 168.

совершенно справедливо называетъ фундаментомъ зданія, а если фундаментъ гнилъ, то и все зданіе не можетъ быть прочнымъ, въ немъ опасно жить. Пусть даже достигнуты проектами „немаловажныя практическія улучшенія" *), хотя здѣсь невольно встаютъ въ памяти отмѣчавшіяся нами неоднократно крайнія техническія несовершенства новыхъ законовъ вообще. Правила 1892 г. объ узаконеніи и усыновленіи, законъ 1897 г. о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ примѣняются теперь не въ первоначальномъ видѣ, а въ исправленномъ и дополненномъ стараніями кассаціонныхъ департаментовъ. Послѣдній законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ по небрежности составителей поставилъ губерніи царства польскаго

*) Для характеристики достигнутаго комиссіей объединенія любопытно просмотрѣть перечень всѣхъ судебныхъ инстанцій: I. Для уголовныхъ дѣлъ: 1) Волостной судъ. 2) Земскій начальникъ. 3) Уѣздный съѣздъ. 4) Губернское присутствіе. 5) Участковый судья. 6) Уѣздный членъ окружнаго суда. 7) Уѣздное отдѣленіе окружнаго суда. 8) Городско. отдѣленіе окружнаго суда. 9) Окружный судъ. 10) Судебная палата, какъ кассаціонная инстанція. 11) Уѣздный членъ окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава. 12) Предсѣдатель или членъ окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава. 13) Окружный судъ въ составѣ 3-хъ членовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава. 14) Окружный судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава. 15) Судебная палата. 16) Судебная палата съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава. 17) Судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей. 18) Уголовный Судебный Департаментъ Правительствующаго Сената. 19) Уголовный Судебный Департаментъ Правительствующаго Сената, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей особаго состава. 20) Особое Присутствіе Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей. 21) Общее Собраніе Судебныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, и наконецъ, 22) Верховный уголовный судъ. По гражданскимъ дѣламъ: 1) Волостной судъ. 2) Земскій начальникъ. 3) Уѣздный съѣздъ. 4) Губернское присутствіе. 5) Участковый судья. 6) Уѣздное отдѣленіе окружнаго суда. 7) Городское отдѣленіе окружнаго суда. 8) Судебная палата, какъ кассаціонная инстанція. 9) Окружный судъ. 10) Судебная палата, какъ апелляціонная инстанція. 11) Гражданскій Судебный Департаментъ Правительствующаго Сената. Изъ двадцати двухъ органовъ.

въ худшее положеніе, чѣмъ они находились до изданія этого „благодѣтельнаго“ закона и т. д., и т. д. Но пусть это все будетъ забыто, пусть мы не сомнѣваемся въ достиженіи улучшеній. Но наряду съ упраздненіемъ несмѣняемости судей, съ отмѣной предварительнаго слѣдствія уничтожена гласность, ибо, по прежнему, лицу административнаго вѣдомства предоставлено, безъ мотивировки закрывать двери засѣданія, съ той лишь разницей противъ прежняго порядка, что предсѣдателю предоставлено оставлять въ залѣ засѣданія „другихъ лицъ по особо уважительнымъ на то причинамъ“ и отнынѣ „Гражданину“ уже не придется жаловаться на удаленіе изъ залы засѣданія губернатора. Уничтожена идея кассаціоннаго производства, душа законности, ибо хотя номинально функціи кассаціоннаго суда по дѣламъ подсуднымъ участковымъ судьямъ и переданы судебнымъ палатамъ, но такъ какъ задача кассаціоннаго суда слѣдить за *однообразнымъ* примѣненіемъ закона, то порученіе этой функціи 10—15 палатамъ составляетъ совершенно невѣроятное contradictio in adjecto. Однимъ словомъ, какъ мы уже сказали, комиссія выполнила успѣшно возложенную на нее задачу: она ввела улучшенія, но устранила основныя начала, обнаружившія разладъ съ условіями государственнаго быта, и для этого не остановилась даже, выражаясь словами министра юстиціи *), предъ подрывомъ такихъ краеугольныхъ камней, какъ отдѣленность и независимость судебной власти, гласность, принципъ кассаціи. Иначе говоря, комиссія возвращается къ Блудовскимъ проектамъ, которые, какъ мы помнимъ**), тоже вносили въ дореформенный строй безспорныя улучшенія безъ всякой гарантіи въ томъ, что жизнь ихъ не смоетъ.

Проектъ комиссіи никого не удовлетворилъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ протестовало противъ допущенія чино-

---

поименованныхъ въ первомъ перечнѣ, девять (а именно показанные подъ №№ 5, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 16 и 19) являются новыми взамѣнъ уничтоженныхъ двухъ.

*) Послѣднія рѣчи, с. 97.

**) См. выше, с. 51, сл.

вника министерства юстиціи въ уѣздъ. Министерство финансовъ находило, что нѣтъ достаточныхъ основаній для коренной ломки существующей организаціи, ибо общій планъ, основныя начала ея еще вполнѣ удовлетворительны, и хотя всегда заманчивой представляется постройка новаго болѣе совершеннаго зданія, но если такая постройка не по средствамъ строителя, то благоразумно заставлять отъ нея отказаться и ограничиться нѣкоторымъ ремонтомъ стараго далеко еще не ветхаго зданія судебныхъ уставовъ 1864 г., тѣмъ болѣе, что устои послѣдняго всѣ еще тверды и великую службу сослужили они русскому правосудію.—Крайне отрицательно отнеслась къ вопросамъ вся наша повременная печать безъ всякаго различія направленій (за исключеніемъ, кажется, только „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“), особенной страстностью отличалась покойная „Россія“, печатавшая рядъ статей объ участковомъ судьѣ подъ названіемъ „Судебный мастеръ на всѣ руки“. Наиболѣе подробному анализу проектъ подвергнутъ былъ въ „Правѣ“. Горячо откликнулись на проектъ и юридическія общества, точно также безусловно отрицательно отнесшіяся къ проекту, и попытка г. Змирлова выступить на ихъ защиту окончилась полнѣйшимъ крахомъ.—Этимъ отношеніемъ къ проектамъ объяснялось, повидимому, и чрезвычайно торжественное, можно сказать демонстративное чествованіе въ С.-Петерб. юридическомъ обществѣ 20 ноября 1899 г. тридцатипятилѣтія судебныхъ уставовъ.—Рѣчи ораторовъ (К. К. Арсеньева, В. Д. Спасовича, М. И. Свѣшникова и И. Я. Фойницкаго) прерывались шумными апплодисментами многочисленной публики и во всѣхъ этихъ рѣчахъ громко звучалъ одинъ лишь мотивъ: не нужно намъ другого кодекса, оставьте намъ судебные уставы 20 ноября 1864 г.

Замѣчательно, однако, что всѣ обсуждавшіе проекты комиссіи разсматривали ихъ какъ нѣчто совершенно изолированное отъ общей системы, никто не поставилъ ихъ въ связь съ другими сторонами нашей государственной жизни,

не смотря на то, что министръ юстиціи, какъ мы видѣли, съ полной откровенностью указывалъ на несовмѣстимость судебныхъ уставовъ съ нашимъ строемъ, повторяя высказанную извѣстнымъ писателемъ „Русск. Вѣстника“ В. Фуксомъ мысль, что „теоретики 1861—1864 г.г. имѣли въ виду не улучшеніе способовъ рѣшенія гражд. и угол. дѣлъ, но созданіе такого суда, который содѣйствовалъ бы перестройкѣ самаго государственнаго организма по вѣяніямъ того времени“, „былъ бы этапомъ для достиженія рисовавшагося въ воображеніи новаго государственнаго устройства“ (!?)*).

Вотъ почему, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти отрицательные отзывы, несмотря на ихъ грозное единодушіе, не оказали ни малѣйшаго вліянія на судьбу проектовъ: въ неизмѣненномъ почти видѣ они внесены были въ Госуд. Совѣтъ. Здѣсь они залежались, но, конечно, долго юстиція наша не будетъ оставаться въ томъ переходномъ состояніи, въ которомъ, по справедливому замѣчанію Н. В. Муравьева, она находится. Придется либо строй нашъ приспособить къ уставамъ, либо уставы къ строю и въ послѣднемъ случаѣ проекты комиссіи должны имѣть несомнѣнный успѣхъ. Недаромъ еще М. Н. Катковъ сказалъ: „Пока Россія будетъ процвѣтать, пока дѣла ея будутъ идти къ лучшему, а не къ худшему, начала, вводимыя къ намъ судебными уставами, будутъ въ силѣ и съ основанными на нихъ учрежденіями на вѣки вѣковъ будетъ связано имя преобразователя Россіи“.

---

*) В. Фуксъ. Судъ и полиція. Ч. II. с. 9, 12.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Выписка изъ всеподданнѣйшаго доклада, въ которой изложена сущность основныхъ положеній.

По судоустройству и судопроизводству вообще.

1) Судебную власть Департаменты предположили совершенно отдѣлить отъ властей: *исполнительной*, *административной и законодательной*. На семъ основаніи административныя начальства не будутъ принимать участія въ направленіи и рѣшеніи судебныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, а судебныя мѣста будутъ устранены отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла административныя; законодательные вопросы, возникающіе изъ общаго теченія судебныхъ дѣлъ, должны будутъ восходить чрезъ министерство юстиціи на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, независимо отъ рѣшенія сихъ дѣлъ.

2) Разборъ маловажныхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ такъ и уголовныхъ, отдѣлить отъ вѣдомства судебныхъ мѣстъ или полиціи, учредивъ для сихъ дѣлъ особыхъ *мировыхъ судей*, избираемыхъ изъ землевладѣльцевъ, всѣми сословіями уѣзда.

3) Мировые судьи будутъ и *участковые* и *почетные*. Послѣдніе не будутъ получать содержанія, но будутъ пользоваться правами и исполнять обязанности, вообще званію мировыхъ судей присвоенныя.

4) Менѣе важныя дѣла будутъ рѣшаемы мировыми судьями окончательно; по дѣламъ же большей важности допускаются на нихъ апелляціи или жалобы. Большинство членовъ Департаментовъ считаетъ полезнымъ, дабы жалобы на рѣшенія мировыхъ судей приносились *общимъ судебнымъ мѣстамъ;* но меньшинство, въ томъ числѣ министръ юстиціи и я, полагаемъ необходимымъ дѣла, предоставляемыя мировому разбору по особому ихъ свойству, вовсе не подчинять судебнымъ мѣстамъ, а потому и апелляцію на рѣшенія мировыхъ судей допустить въ *мировые съѣзды*.

5) Какъ за такимъ устройствомъ судебныя мѣста будутъ облегчены въ своихъ занятіяхъ, то нѣсколько уѣздныхъ судовъ и магистратовъ, по удобности, соединить вмѣстѣ въ одинъ судъ, который и будетъ называться *судомъ окружнымъ*.

6) На томъ же основаніи нѣсколько судебныхъ палатъ, по возможности, соединить вмѣстѣ въ одинъ составъ, образовавъ такимъ образомъ для двухъ, трехъ и даже болѣе губерній, *одну судебную палату*, раздѣливъ ее на два департамента: уголовный и гражданскій.

7) При назначеніи по выборамъ всѣхъ мѣстныхъ или мировыхъ судей, которые будутъ составлять самый многочисленный разрядъ судейскихъ должностей, предсѣдателей и членовъ какъ въ окружныхъ судахъ, такъ и въ палатахъ имѣть впредь уже не по выборамъ, но отъ *правительства*.

8) Оставить правительствующій сенатъ, какъ высшее судилище въ Имперіи, образовавъ въ составѣ его *кассаціонный судъ*. Не составляя судебной инстанціи, и не разсматривая судебныхъ дѣлъ по существу, кассаціонный судъ (кассаціонные департаменты правительствующаго сената) долженъ сосредоточивать въ себѣ надзоръ за порядкомъ судопроизводства и за правильнымъ и единообразнымъ толкованіемъ законовъ. Въ сихъ видахъ кассаціонный судъ долженъ принимать въ особомъ порядкѣ кассаціи жалобы и протесты на окончательныя судебныя рѣшенія, отмѣнять тѣ изъ нихъ, въ коихъ окажется явное нарушеніе закона, и обращать дѣла къ пересмотру, съ наложеніемъ взысканія на нарушителей закона и съ изъясненіемъ точнаго его разума. Меньшинство членовъ Соединенныхъ Департаментовъ (въ томъ числѣ и министръ юстиціи) считаетъ необходимымъ, сверхъ кассаціонныхъ департаментовъ, оставить въ сенатѣ и всѣ теперешніе *судебные департаменты сената;* большинство же членовъ полагаетъ судебные департаменты сената замѣнить *департаментами кассаціонными,* сохранивъ такимъ образомъ сенату значеніе верховнаго судилища и оставивъ въ его составѣ департаменты: первый межевой и герольдіи.

9) При всѣхъ судебныхъ мѣстахъ имѣть особыхъ *прокуроровъ*, а при департаментахъ правительствующаго сената *оберъ-прокуроровъ*, подъ вѣдѣніемъ министра юстиціи.

10) Для ходатайства по гражданскимъ дѣламъ и для защиты подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ учредить, при судебныхъ мѣстахъ и подъ ихъ особымъ наблюденіемъ, *присяжныхъ повѣренныхъ*.

11) Судопроизводство имѣть впредь *гласное*. Министръ юстиціи полагаетъ возможнымъ гласное судопроизводство ввести только въ окружныхъ судахъ и палатахъ, не допуская его въ сенатѣ, но всѣ прочіе члены Соединенныхъ Департаментовъ считаютъ необходимымъ гласное судопроизводство ввести повсюду въ томъ числѣ и въ сенатѣ.

12) Взамѣнъ множества существующихъ нынѣ судебныхъ инстанцій и многочисленнаго перехода дѣлъ по разнымъ степенямъ,—всѣ дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія впредь разсматривать только въ *двухъ инстанціяхъ*. Меньшинство членовъ Соединенныхъ Департаментовъ, въ томъ числѣ и министръ юстиціи, считаетъ необходимымъ дѣла меньшей важности начинать въ окружномъ судѣ и оканчивать въ палатѣ, а дѣла большей важности начинать въ палатѣ и оканчивать въ судебныхъ департаментахъ сената, допуская жалобы на судебные департаменты сената департаментамъ кассаціоннымъ того же сената. Большинство же членовъ полагаетъ, не раздѣляя дѣлъ по степени ихъ важности, разсматривать въ первой степени въ окружномъ судѣ, а во второй и окончательной въ палатѣ, допуская жалобы на палату, въ извѣстныхъ случаяхъ, кассаціоннымъ департаментамъ сената.

13) Приготовленіе дѣлъ къ докладу возложить не на канцелярію, а на *членовъ суда*.

По судопроизводству гражданскому.

14) Вмѣсто существующаго нынѣ слѣдственнаго процесса, по коему судъ, получивъ просьбу тяжущагося, обязанъ самъ приводить въ ясность всѣ обстоятельства дѣла, вводится процессъ *состязательный*, при коемъ приведеніе въ ясность всѣхъ обстоятельствъ дѣла зависитъ не отъ суда, а отъ самихъ тяжущихся; судъ же постановляетъ рѣшеніе только по тѣмъ документамъ, кои будутъ представлены самими тяжущимися.

15) Допускается словесное состязаніе сторонъ въ присутствіи судей и вводится, сверхъ порядка обыкновеннаго, еще порядокъ судопроизводства *сокращенный*, какъ по дѣламъ менѣе важнымъ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіеся согласятся разобраться именно сокращеннымъ порядкомъ. При сокращенномъ порядкѣ словесное состязаніе сторонъ въ присутствіи судей обязательно.

16) Изъятія изъ общаго порядка судопроизводства допускаются только въ весьма не многихъ случаяхъ, за исключеніемъ коихъ всѣ роды судопроизводства подчиняются общему порядку и общимъ правиламъ.

17) Исполненіе судебныхъ опредѣленій поручается не полиціи, какъ это существуетъ доселѣ, но особымъ *судебнымъ приставамъ*, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самихъ судебныхъ учрежденій.

По судопроизводству уголовному.

18) Власть *обвинительная*, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ отдѣляется совершенно отъ власти судебной и ввѣряется прокурорамъ, коимъ поручается надзоръ за производствомъ слѣдствій судебными слѣдователями.

19) Если прокуроръ найдетъ, что обвиняемый долженъ быть подвергнутъ суду, то составляетъ *актъ обвиненія.*

20) Въ судѣ производится *повѣрка* слѣдствій: а) разсмотрѣніемъ подлинныхъ протоколовъ объ осмотрахъ, выемкахъ, обыскахъ и другихъ письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ; б) отобраніемъ показаній отъ подсудимаго, свѣдущихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и в) допущеніемъ судебныхъ преній какъ въ обвиненіе, такъ и въ защиту подсудимаго.

21) По каждому уголовному дѣлу сначала рѣшается вопросъ *виновенъ* или *невиновенъ* подсудимый, а потомъ уже опредѣляется ему наказаніе.

22) Вопросъ о винѣ или невинности подсудимыхъ разрѣшается по *внутреннему убѣжденію судей*, основанному на совокупности обстоятельствъ обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда. Теорія доказательствъ, основанная единственно на формальности ихъ, отмѣняется.

23) Приговоръ можетъ быть или *осуждающій* или *оправдывающій* подсудимаго. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается.

24) Опредѣленіе вины или невинности подсудимаго зависитъ по дѣламъ важнѣйшимъ отъ *присяжныхъ засѣдателей,* по дѣламъ же менѣе важнымъ—отъ *обыкновенныхъ судей*, безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

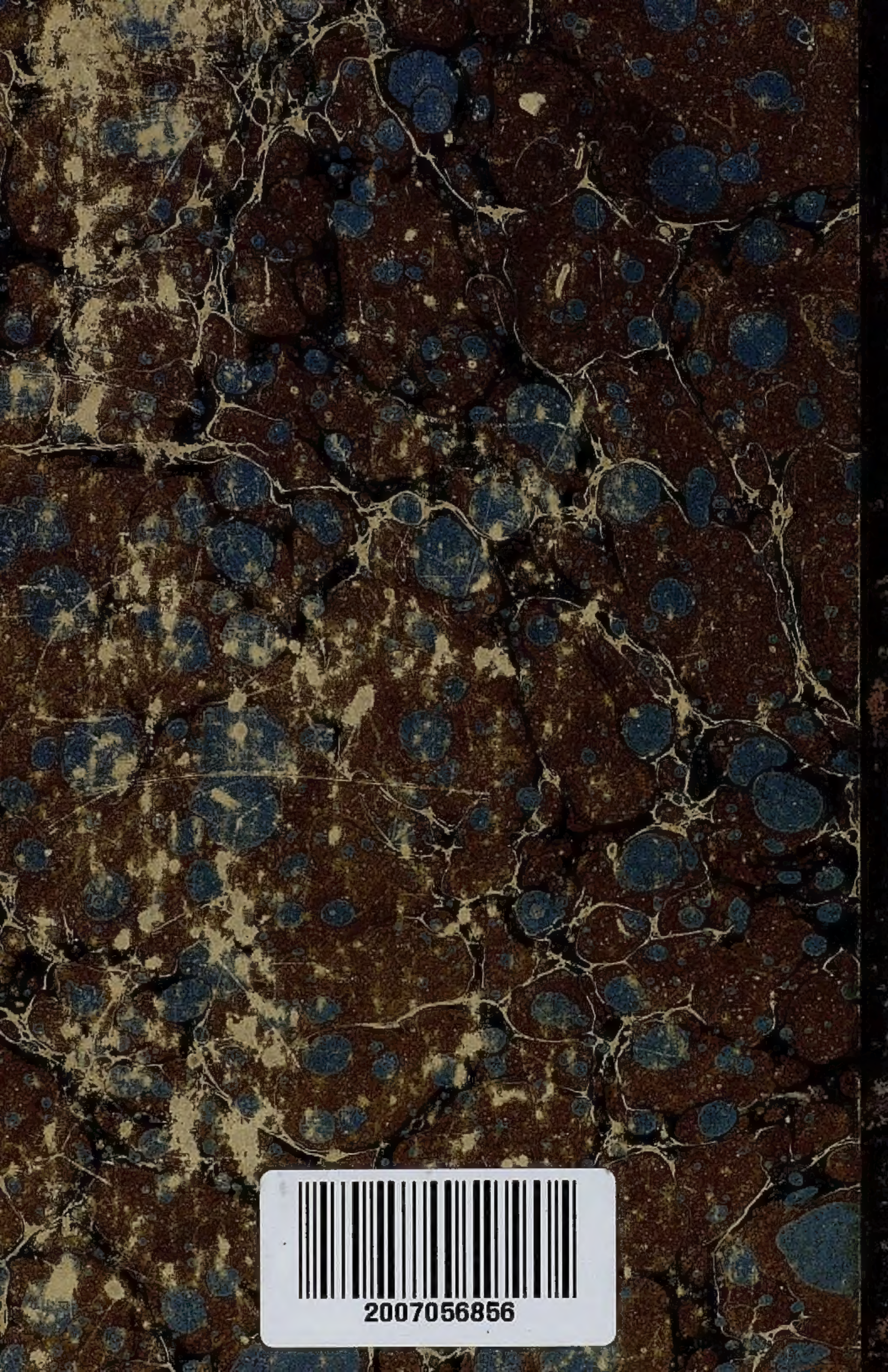
25) Присяжные засѣдатели избираются изъ 3-хъ списковъ, изъ коихъ въ первый вносятся дворяне, во второй горожане, а въ третій крестьяне, занимающіе должности по волостному и сельскому управленіямъ. Списки сіи представляются на разсмотрѣніе губернатора. По мнѣнію министра юстиціи, губернаторъ долженъ самъ избрать и назначить нужное для каждаго засѣданія число присяжныхъ изъ этого списка; всѣ же прочіе члены Соединенныхъ Департаментовъ признаютъ необходимымъ, чтобы губернаторъ только повѣрялъ правильно ли составлены эти списки, и чтобы присяжные избирались по симъ спискамъ каждое засѣданіе не губернаторомъ, а *особымъ присутствіемъ*, составляемымъ изъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ мировыхъ судей и изъ городскаго головы. Присяжные рѣшаютъ предложенные имъ вопросы по *большинству* голосовъ.

26) По дѣламъ о *государственныхъ преступленіяхъ*, присяжные засѣдатели не участвуютъ вовсе: дѣла сіи всегда начинаются въ судебной палатѣ, гдѣ при обсужденіи ихъ присутствуютъ съ правомъ голоса: губернскій и уѣздный предводители дворянства, городской голова и одинъ изъ волостныхъ старшинъ.

27) Судъ опредѣляетъ наказаніе на точномъ основаніи законовъ; но ему представляется право по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину подсудимаго, *смягчить* наказаніе одною или двумя степенями и даже *ходатайствовать о помилованіи.*

28) Измѣняется порядокъ утвержденія уголовныхъ приговоровъ о лишеніи правъ состоянія подсудимыхъ изъ дворянъ и другихъ привилегированныхъ сословій. Всѣ такіе приговоры, нынѣ, по разсмотрѣніи ихъ въ сенатѣ и Государственномъ совѣтѣ, представляются на Собственноручное Высочайшее утвержденіе Вашего Императорскаго Величества. Министръ юстиціи полагаетъ сохранить этотъ порядокъ и на будущее время; но всѣ прочіе члены Соединенныхъ Департаментовъ, принявъ во вниманіе, что такой порядокъ не согласенъ съ новою системою судопроизводства, при коей вопросъ о винѣ рѣшается по убѣжденію присяжныхъ, и что потому представленіе подобныхъ приговоровъ на утвержденіе Вашего Величества будетъ одной формальностью, считаютъ удобнѣйшимъ порядокъ сей отмѣнить, представляя на Высочайшее разрѣшеніе только дѣла *о помилованіи*, такъ какъ отъ Высочайшей Власти должны исходить однѣ милости, карать же и наказывать долженъ законъ и судъ;

и 29) Исполненіе судебныхъ рѣшеній по уголовнымъ дѣламъ производится *полиціею*, на существующемъ нынѣ основаніи.

2007056856